Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ №1 (31) 2013

Время женщины

Испекла баба
Колобок луны.
Кинула в небо,
Глядит со стороны –
Козырьком руку,
Другую – в бок:
То ли она баба?
То ли она бог?

Людмила МИЛАНИЧ

Фото Е. Дроздовой и С. Тикановой.
Выставка «Кормление грудью как искусство» в рамках акции «Международная неделя поддержки грудного вскармливания», проводимой Центром охраны, поддержки и поощрения грудного вскармливания.
Арт-подвальчик Хабаровского фонда культуры. 2010

Словесница Искусств

№ 1 (31) 2013

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корреспондент	Глеб МОРДОВЦЕВ
Выпускающий редактор	Наталия РОДИНА
Интернет-версия журнала	Алексей МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Федосов Александр Вячеславович
председатель, министр культуры Хабаровского края
Глебова Елена Викторовна
главный редактор журнала «Словесница Искусств»
Дубинина Нина Ивановна
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)
Мельникова Татьяна Владимировна
(Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова)
Федосеев Олег Александрович
(КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»)
Черепанова Светлана Юрьевна
(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ27-0025 от 7 декабря 2011 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Хабаровскому краю и ЕАО
Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры (680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).
КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края (680000, г. Хабаровск, ул. Запарина, 88).
Издатель: Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края

Адрес издателя и редакции:
680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а
Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru
www.slovoart.ru, www.fkhv.ru

Отпечатано в ОАО «Хабаровская краевая типография»
680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31
Тираж 1 500 экз.
Подписано в печать 06.05.2013
Цена свободная

На первой странице обложки:
Надежда Ивлева. Колыбельная.
Металл, гипс. 1959. Музей изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре

Перепечатка без разрешения редакции запрещена.
При использовании материалов журнала и сайта ссылка обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА
2 Елена ГЛЕБОВА. ***Образ Женщины***

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ВРЕМЯ ЖЕНЩИНЫ
4 Нина ДУБИНИНА. ***Графиня Амурская***
10 Нелли ЖАБИНА. ***Незабвенная, любимая Екатерина Ивановна***
17 Юрий ЕЛЕЦ. ***Амурская героиня***
24 Татьяна КИРПИЧЕНКО. ***Амазонка с острова Путятин***
27 Валентина КАТЕРИНИЧ. ***Благо творящая.*** *Искусствовед Валентина Старикова*
33 Любовь КРИВЧЕНКО. ***Хетагуровки, или Дальневосточницы – это звучит гордо***
38 Всеволод ИВАНОВ. ***Наша современница капитан Савченко***
42 Наталья ПОЗИНА. ***Огни далеких костров***
46 Лариса САЛЕЕВА. ***Историческая летопись профессора Дубининой***
51 Евгения БЫКОВА. ***Свернешь с дороги – потеряешь цель.*** *Жизненное кредо скульптора Надежды Ивлевой*
56 Алина ЧАДАЕВА. ***Эдемская память***
60 Глеб МОРДОВЦЕВ. ***Татьянин день***
64 Елена ГЛЕБОВА. ***Жить в радости***
68 Марина ЦВЕТНИКОВА. «***Почему тетя поет дядиным голосом?***» *Смешные и грустные монологи Лилии Онегиной*
72 Ирина ПОЛНИКОВА. ***«Молодец, Лилька!».*** *Разговор с солнечной женщиной*
78 Ольга ПРИВАЛОВА. ***Поэзия ню***
84 Дмитрий ЕФРЕМОВ. ***Таежная синема.*** *Ненаписанный сценарий*

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ
ПАМЯТЬ
94 Виктория ШИШКИНА. ***Философия Ильи Нигая***
98 ***Холсты-отражения Андрея Паукаева***
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ
104 Глеб МОРДОВЦЕВ. ***Цена свободы***
МНЕНИЕ
107 Валерий ТОКАРСКИЙ. ***О фотохудожниках и людях с фотоаппаратами***

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ
ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ
110 Елена ГЛЕБОВА. ***Горизонты фантазера Вернадского***
ЛЕТОПИСЬ
111 Валерий ТОКАРСКИЙ. ***Первый храм Хабаровки***
СЮЖЕТЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА
114 Анна ПОНОМАРЕВА. ***Превратности судьбы***
ТАК БЫЛО
121 Дмитрий ЕФРЕМОВ. ***Пастушок***
123 Ирина НИКИФОРОВА. ***Уроки доброты.*** *Тема с вариациями*

ЛИТЕРАТУРА
ВСПОМНИМ ИМЯ
126 Светлана ФЕОКТИСТОВА. ***Шуми, Амур, шуми...***
128 Арсений МОСКАЛЕНКО. ***Робинзон.*** *Воспоминания и размышления о пьесе Виктора Ерашенко*
НАСЛЕДИЕ
134 Виктория ПРИХОДЬКО. ***«Смех вместо слез», или «О всех усталых»...***
СТРОКИ
137 Зинаида КИЩИК. ***Леонидка***

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
О ГЛАВНОМ
140 Варвара ДАНИЛОВА. ***Праздники коллективной радости***
СОБЫТИЕ
142 Глеб МОРДОВЦЕВ. ***Территория детей Амура***
144 Татьяна ДУБОЕНКО. ***Хореографический жанр***
ТРАДИЦИИ
146 Юлия БОБРИКОВА. ***Капризницы и щеголихи.*** *Образ женщины в русских говорах Приамурья*
150 Елена ГЛЕБОВА. ***Кукла-краса – девичья коса Кукла Куватка.*** *Мастер-класс Татьяны Селезневой*
155 АВТОРЫ

Образ Женщины

Не случайно мы сделали вступлением к главной теме этого номера стихи Людмилы Миланич. В незатейливых строчках замечательного поэта отразилось все главное о женщине – создающей и оберегающей жизнь. А если попытаться сделать собирательный образ прекрасной половины человечества, в нем отразятся еще и такие черты, как мужество, терпение, ответственность за свое дело.

Они именно такие – женщины, о которых рассказывается на страницах этого выпуска, и те, что остались «за кадром» по причине ограниченности журнального пространства. Прекрасные и мужественные жены генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского и выдающегося мореплавателя Г.И. Невельского – Екатерина Николаевна и Екатерина Ивановна. Отважная Евдокия Воронова, в девичестве Старцева, которая в годы Русско-японской войны была сестрой милосердия и даже организовала для помощи раненым собственный транспорт.

А какой же целеустремленностью нужно обладать, чтобы сломать стереотипы и достигнуть цели, как это удалось Анне Щетининой – первой женщине-капитану. Она с детства бредила морем и только с ним связывала свою судьбу. Прошла весь положенный путь начиная от палубного ученика и матроса, став в 27 лет капитаном дальнего плавания. В 1935 году имя Анны Щетининой прозвучало на весь мир: она привела из Гамбурга на Дальний Восток пароход «Чавыча». Всю войну капитан Щетинина перевозила грузы из портов Канады и США на Восток, в 1945-м участвовала в десантных операциях против японских войск. И еще она писала книги, была членом Союза писателей России. Во Владивостоке есть небольшой парк имени Анны Ивановны Щетининой, откуда открывается самый красивый вид на залив Золотой Рог. Другая женщина-капитан, причем единственная в Амурском флоте, трудившаяся на этом поприще всю войну, жила в Хабаровске – Зинаида Павловна Савченко. Об этой женщине-легенде в 1961 году написал замечательный очерк Всеволод Никанорович Иванов – тоже человек-легенда.

Истинное служение своему делу – это когда человек преодолевает все преграды. Архивист Вера Ивановна Чернышева сделала невозможное: она поехала в Харбин, собрала архивные эмигрантские документы и добилась их перевозки в Хабаровск. Бесценный вклад в историческую летопись нашего региона. Спустя годы, уже в 1990-х, возвращение памяти стало делом жизни Галины Никитичны Потаповой, почетного председателя Хабаровского отделения Российского фонда мира: она вела поиск захоронений умерших после Второй мировой войны японских граждан. За этот подвижнический труд Галина Потапова награждена японским орденом Священного сокровища V степени.

Надежду дарит людям Ольга Августиновна Соколова – онкопсихолог, обладатель премии «Подвижник России», учрежденной Институтом «Открытое общество», номинант на Нобелевскую премию мира. А будущее нашего края в полном смысле слова долгие годы держит в своих руках Зинаида Васильевна Сиротина – профессор, доктор медицинских наук, неонатолог, завкафедрой педиатрии факультета усовершенствования врачей Дальневосточного медицинского университета. Только благодаря энергии Зинаиды Васильевны в Хабаровске появился краевой перинатальный центр, ставший спасением для многих и многих жизней.

Дальневосточницы – они такие разные. Юлия Алексеевна Шестакова открыла когда-то миру имя первого удэгейского писателя Джанси Кимонко, сделав литературный перевод его книги «Там, где бежит Сукпай». А сказительница Валентина Тунсяновна Кялундзига раскрыла удивительный мир маленького народа удэге, став хранительницей его наследия. Она первая женщина-дальневосточница, награжденная правительственной премией «Душа России». Или заслуженный учитель России Маргарита Николаевна Ходаковская, собравшая по крупицам и создавшая уникальное «Лукошко» – хрестоматию по дальневосточной литературе для школьников.

Прекрасные женщины, вам посвящается этот выпуск журнала «Словесницы Искусств».

Елена ГЛЕБОВА

Александр Лепетухин. Грозный зверь. Бумага, смешанная техника

Время женщины

2013 год отмечен важной для всех дальневосточников исторической датой – 155-летием заключения Айгунского договора и основания города Хабаровска. Эти события – итог замечательных деяний выдающегося государственного деятеля России XIX века графа Н.Н. Муравьева-Амурского (1809–1881), который почти 13 лет успешно управлял одним из самых обширных в Российской империи Восточно-Сибирским генерал-губернаторством. Но если быть до конца справедливыми, нужно обязательно сказать, что немалую роль в этом сыграла супруга графа – Екатерина Николаевна Муравьева (1815–1897). В отличие от публичной жизни Н.Н. Муравьева-Амурского о его частном пространстве мы знаем совсем немного. Но хорошо известно, что оно было освещено присутствием и согрето душевным теплом жены и друга. К сожалению, изображение Екатерины Николаевны, несмотря на предпринятые усилия, пока обнаружить не удалось.

Портрет Екатерины Николаевны Муравьевой, прекрасной и мудрой женщины, о которой до недавнего времени известно было совсем немного, по крупицам собрала, создав в итоге ее яркий образ, Нина Ивановна ДУБИНИНА – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного гуманитарного университета.

Графиня Амурская

Нина ДУБИНИНА

Красавица с добрым сердцем

В воспоминаниях современников сохранились прямо противоположные, полярные свидетельства о характере и поведении графа Н.Н. Муравьева-Амурского. А вот их оценки его супруги графини Екатерины Николаевны однозначны: чрезвычайно красива, умна и образованна, мягкого и ровного характера, доброго сердца. И еще, что она испытывала любовь к своему новому отечеству.

Окружение генерал-губернатора, его сподвижники высоко ценили Екатерину Николаевну, о чем могут в какой-то мере свидетельствовать те почести, которых она была удостоена. С присуждением Н.Н. Муравьеву за заключение в 1858 году Айгунского договора России с Дайцинской империей титула графа Амурского Екатерина Николаевна стала графиней Амурской. По регламенту это произошло автоматически. Но в действительности эта женщина внесла свою скромную, но важную лепту в масштабное преобразовательное дело мужа. Неслучайно сподвижники Н.Н. Муравьева в 1891 году написали ее имя (вместе с именами еще одной выдающейся женщины Екатерины Ивановны Невельской и многих активных участников амурской эпопеи) на планшетах, которые украшали пьедестал памятника графу Муравьеву-Амурскому на амурском утесе Хабаровска. Ее именем была названа одна из казачьих станиц на Амуре, основанная в 1858 году. И сегодня село Екатерино-Никольское, несмотря на все потрясения, благополучно живет и будет отмечать свое 155-летие.

Екатерина Николаевна была награждена орденом Святой Екатерины, учрежденным Петром Первым, а ведь за два века этой награды были удостоены всего 734 российские дворянки. Но еще большая награда – добрая память о Екатерине Николаевне, сохранившаяся среди амурцев, что запечатлено в книге И.П. Барсукова «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский» и в воспоминаниях о нем.[1]

«Я встретил Вас…»

Брак Николая Николаевича и Екатерины Николаевны продолжался 35 лет. Всегда интересна предыстория счастливых супружеских отношений, история знакомства и развития отношений между будущими супругами.

Обстоятельства знакомства боевого русского генерала не первой молодости – 35-летнего Н.Н. Муравьева с Елисавет де Ришемон, совсем не юной французской дворянкой, которой уже шел тридцатый год, покрыты туманной пеленой времени и завесой таинственности. Тем не менее имеются основания предположить, что это был курортный роман.

---

[1] Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: материалы для биографии: по письмам, офиц. док., рассказам современников и печат. источникам: кн. 1 – репринт. изд. – Хабаровск: Изд-во РИОТИП, 2008; кн. 2 – репринт. изд-е. – Хабаровск, изд-во РИОТИП, 2009; Граф Н.Н.. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников/ авт.-сост. Н.П. Матханова; отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998.

Острая лихорадка и незалеченная в течение почти пяти лет рана правой руки заставили генерал-майора Муравьева просить отпуск с Кавказа на полгода для лечения минеральными водами в Германии. Можно предположить, что там и произошло его знакомство с Елисавет, которая тоже принимала воды. Для Николая Николаевича «Я встретил Вас, и все былое в отжившем сердце…» не только ожило – вспыхнуло и разгорелось ярким пламенем, не угасавшим уже до его кончины. Елисавет де Ришемон сразу же была сражена боевым генералом с рукой на черной перевязи, полным внутреннего огня и кипучести в речи и движениях. После окончания лечения русские напарники по курорту отправились в Лондон, а Муравьев – в Париж. Оттуда он писал брату: «Я никогда не буду жалеть о поездке моей сюда и за границу вообще. (…) Страсть углубляться в человеческое сердце усиливается во мне тем более, чем более я встречаю новых людей».[2]

Во Франции Николай Николаевич пробыл вместе с Елисавет десять дней, наслаждаясь ее красотой и общением, знакомясь с достопримечательностями. Но, очевидно, предложение он ей не сделал, поскольку испытывал, по его словам, серьезные денежные затруднения. К тому же он не имел «ни кола, ни двора».

Не только лечение на курорте, но и огромное чувство, овладевшее Муравьевым, благоприятно сказались на его здоровье. В конце 1845 года он был причислен к Министерству внутренних дел, а спустя полгода назначен исполнять должность военного губернатора города Тулы и тульского гражданского губернатора с оставлением армии. Теперь Муравьев имел крышу над головой – губернаторскую резиденцию и вполне приличное губернаторское содержание.

Тотчас он отправил в Париж письмо с предложением руки и сердца. Согласие Елисавет не заставило ждать, и 19 января 1847 года в Богородицком храме под Тулой состоялось бракосочетание Н.Н. Муравьева и Елисавет Буржуа де Ришемон, которая перед этим приняла православие и взяла имя матери губернатора, которая умерла, когда ему было девять лет. Авторитетно мнение И.П. Барсукова: женитьба Н.Н. Муравьева имела «большое влияние на его будущность».

Желание Екатерины Николаевны изучить русский язык восхитило супруга. «Катенька моя теперь в классе русского языка; с ее способностями есть надежда, что она скоро будет говорить и писать». Действительно через несколько месяцев она написала письмо по-русски своему деверю – любимому брату Николая Николаевича – Валериану Николаевичу.

Приведенные И.П. Барсуковым в книге о Муравьеве-Амурском выдержки из его писем того времени о супруге наполнены восторженными словами: «Милая, прекрасная, умная и всего более любящая Екатерина Николаевна обворожила всех… О себе я говорить не буду: меня можно считать пристрастным».

Из письма брату: «…прошу полюбить мою милую Катеньку … по уму и душевным ее качествам она истинно этого заслуживает; а по тому, что сделала из любви ко мне (принятие православия – Н.Д.), она выше всякой похвалы и одобрения».[3]

[2] Барсуков И. … Кн. 1. С. 152.

[3] Там же. С. 162 – 163.

К. Маковский. Портрет генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского (фрагмент). 1861

Тем не менее Екатерина Николаевна сразу же почувствовала неутомимый нрав супруга. Тотчас же после свадьбы он срочно поехал ревизовать четыре уезда области, оставив жену на попечение своей родственницы Парасковьи Николаевны.

Николай Николаевич был на седьмом небе, по его словам, он был счастлив и наслаждался «нравственным блаженством». Вместе с тем он подумал и о материальном, обратившись к брату Валериану Николаевичу с просьбой («сделай дружбу») выбрать для него имение. Но стать владельцем имения Муравьев так и не успел: император назначил его генерал-губернатором Восточной Сибири. В самом начале 1848 года новый генерал-губернатор вместе со своей супругой Екатериной Николаевной выехал из Санкт-Петербурга в Восточную Сибирь, известную как место ссылки каторжан и декабристов, в край больших снегов и сильных морозов.

Добрый ангел Екатерина Николаевна…

Кем была Екатерина Николаевна для Н.Н. Муравьева? Милой супругой, хлопотуньей, заботящейся о комфорте его жизни в Иркутске, соглашающейся со всем, что он говорил и делал? Или углубленным в себя человеком, переживающим в отсутствие мужа одиночество в большом генерал-губернаторском доме, передавая все хозяйственные заботы слугам, любившим балы и маскарады? Ни то и ни другое. Екатерина Николаевна любила генерала и была им любима. Это неземное, небесное чувство воодушевляло и окрыляло Николая Николаевича, помогало ему пере-

жить «отсутствие полного доверия императора» Александра II, недружелюбие, непонимание, подозрительность петербургских чиновничьих кругов.

Жена генерал-губернатора считалась вторым после мужа лицом в губернаторстве. Образ жизни и обязанности Екатерины Николаевны – генерал-губернаторши, первой дамы Иркутска – были традиционными. Она вела дом, возглавляла иркутское дамское общество, участвовала во всех городских торжествах, устраивала приемы гостей и наносила визиты, занималась благотворительностью.

Будучи непритязательными в быту («оба мы не прихотливы»), обходясь минимумом, Николай Николаевич и Екатерина Николаевна устраивали в своей резиденции – «Белом доме», как называли ее иркутяне, пышные обеды, приемы и балы, украшением которых была сама хозяйка. Генерал-губернатор хорошо танцевал – сказывалось воспитание в Пажеском корпусе – и в паре с супругой блистал на иркутских балах.

Казалось, что рядом с Муравьевым, обладавшим сильной харизмой, его жене уготована роль тени или негромкого эха. Но Екатерина Николаевна вовсе не была простым отражением сиятельного мужа, его всеподданнейшей супругой. Натура самостоятельная, самодостаточная, вполне понимавшая и разделявшая амбициозные планы и проекты Николая Николаевича, Екатерина Николаевна обладала отважным сердцем Жанны д'Арк или княжны Ольги, а может быть, Екатерины Дашковой.

Как могла Екатерина Николаевна помогала мужу – главному начальнику губернаторства – и, в первую очередь, в налаживании связей и знакомств с женами декабристов, которые проживали в Иркутске. Особенно внимательно генерал-губернатор относился к семье Волконских. Помог сыну княгини Марии Николаевны Михаилу Сергеевичу поступить на государственную службу, а ей самой выехать в 1855 году из Сибири.

Из записок княгини Волконской: «Последние восемь

Иркутск. Дом генерал-губернатора

лет никогда не изгладятся из моего благодарного сердца: за это время генерал-губернатором был… Николай Николаевич Муравьев, честнейший и одареннейший человек. Это он открыл для России Тихий океан, в то время, когда французы и англичане лишили ее Черного моря. К нам он относился так же безупречно, как и его достойная и добрая жена».[4] В свое время исследователи обнаружили в архиве Екатерины Николаевны статью декабриста М.С. Лунина на французском языке, переписанную рукой жены генерал-губернатора.

П. Соколов. Портрет княгини М. Н. Волконской с сыном Николаем.1826

«При безграничной любви к жене, – подчеркнул И.П. Барсуков, – Муравьев поддавался ее влиянию, не ослабевшему и в последние годы его жизни, и нельзя не сказать, что при пылкости характера Муравьева, это влияние было всегда в своих результатах хорошим, подчас умиротворяющим».[5]

Автор фундаментального исторического труда о восточно-сибирском генерал-губернаторе деликатно написал о «пылкости характера» Муравьева. Воспоминания современников позволяют говорить о его тяжелом, сложном характере и проявлениях деспотичности. Невыполнение подчиненным приказа, которое иногда случалось в силу недоразумений или ошибочной информации, вызывало у генерала вспышку страшного гнева. Он становился «рыкающим львом» и принимал чудовищные решения, грозившие проштрафившимся даже смертью. В этом состоянии с Муравьевым могла говорить только Екатерина Николаевна. Только она могла ему перечить, доказывать спокойно и ласково на французском языке невиновность обвиняемого. Екатерина Николаевна обладала магическим свойством гасить гнев мужа, доходить до его разума и сердца и тем самым предотвращать страдания, а иногда и гибель неповинных людей.

Во время второго сплава по Амуру в самом начале пути одна из барж, на которой старшим был есаул Медведев, села на мель. Когда Муравьев начал резко отчитывать есаула за оплошность, тот стал оправдываться. Это вызвало у генерала вспышку гнева, и он принял чудовищное решение о наказании провинившегося, которое было неадекватным допущенной оплошности. Муравьев приказал есаулу перебраться на остров и там остаться, что грозило ему гибелью от голода. Есаул покорно выполнил приказ. Когда через двое суток караван стал готовиться к отплытию, Ека-

[4] Записки княгини М.Н. Волконской. – Читинское книжн. изд-во. – 1960. – С. 112.

[5] Барсуков И. … Кн. 1. С. 163.

Екатерина Трубецкая.
Миниатюра Н.А. Бестужева.1828

терина Николаевна вдруг увидела дым от костра, разведенного несчастным Робинзоном. Узнав, в чем дело, она приняла самостоятельное решение и упросила дежурного по рейсу принять есаула Медведева на свою лодку. Екатерина Николаевна знала, что генерал отходчив и что она сумеет его убедить простить незадачливого казака. Так все и произошло: есаул был спасен от голодной смерти.

В другой раз под горячую руку Муравьева попал капитан Березовский – командир линейного батальона. Генерал-губернатор задумал произвести передислокацию и передал об этом приказание Корсакову. А тот, очевидно, не поняв приказ, исказил его, и в итоге в передвижении произошла путаница: рота Березовского вместо авангарда вступила в колонну. Это сразу же заметил Муравьев. Он тотчас приказал высадить отряд на берег, составить каре, взять Березовского под конвой и в середине каре закопать в землю. Воспользовавшись тем, что генерал находится на берегу, Корсаков взошел на катер и объяснил Екатерине Николаевне, что путаница произошла по его вине, поскольку он не вполне понял распоряжение генерала. Внимательно выслушав объяснение, Екатерина Николаевна сошла на берег, пригласила генерала и по-французски объяснила ему коллизию. Напустившись сначала на Корсакова, генерал потом скомандовал развернуть каре, убрать конвой, вежливо позвал наполовину поседевшего за эти страшные минуты Березовского и надел ему снятый со своего мундира орден Станислава II степени со словами: «Извини меня за мою горячность».

Современники запечатлели и еще один случай спасения Екатериной Николаевной жизни служилого человека. Генералу вручили рапорт Г.И. Невельского, где утверждалось, что командир сотни Имберг повинен в высадке англо-французского десанта в Де-Кастри. Это было очень серьезное обвинение против сотника, который сам и вручил рапорт генералу. Рассвирепевший Муравьев, полностью доверявший Невельскому, в подобных ситуациях был скор на расправу. Он отдал распоряжение расстрелять провинившегося сотника. Казакам было приказано копать яму, на краю которой должен был встать молодой офицер для расстрела. В это время Екатерина Николаевна из разговора с офицерами узнала о невиновности Имберга и вымолила у генерала для него прощение. Позднее невиновность сотника была полностью доказана.

Скорее всего, Екатерина Николаевна спасла от незаслуженной кары мужа не только трех служилых. Ей удавалось деликатно, тактично корректировать поведение Николая Николаевича Муравьева в состоянии гнева и тем самым спасать не только обвиняемых, но и оберегать самого мужа от страшного греха – лишения жизни невиновных людей. Когда это все же происходило, он сильно переживал и мучился. В окружении генерала Екатерину Николаевну недаром считали «добрым гением» и «добрым ангелом».

… и отважная путешественница

Конечно, быть женой такого масштабного человека, как Н.Н. Муравьев, отличавшегося феноменальной энергичностью, самостоятельностью, довольно редкой у чиновничества XIX столетия смелостью и редкостным бескорыстием, совсем непросто. По подсчетам М.И. Венюкова, Н.Н. Муравьев по делам службы проехал 120 тысяч верст, то есть трижды обогнул земной шар. В том числе многие сотни верст проехал верхом на лошади по тракту между Якутском и Аяном, многие тысячи верст проплыл на лодках по Амуру и Лене.

В первые годы жизни в Сибири, когда Екатерина Николаевна хорошо себя чувствовала, она стремилась быть рядом с мужем в его служебных поездках. Она убедила генерала взять ее в первую поездку на Камчатку (1849), поклявшись безропотно переносить все трудности пути. Об уникальности камчатского путешествия свидетельствуют преодоленные расстояния – более 10 тысяч верст в оба конца, разнообразие средств передвижения – лодки, суда, верховые лошади, конные повозки и экстремальность пути по тундре и болотам, преодоление быстрых рек и горных хребтов.

Самую тяжелую часть пути – от Якутска до Охотска – 1 100 верст экспедиция преодолевала верхом на лошадях. Екатерина Николаевна была хорошей наездницей, но здесь не Булонский лес под Парижем. Совершив первый переход в 25 верст, она с трудом спустилась с лошади на землю. Сопровождавший экспедицию Б.В. Струве описал разговор между супругами. Екатерина Николаевна со слезами умоляла мужа отложить до следующего дня продолжение пути. Муравьев категорически возражал и предложил супруге вернуться в Якутск. Это была их первая семейная размолвка. Струве объяснял жесткость Муравьева – опытного путешественника – неписаным законом: если в самом начале человек не преодолеет свою немоготу, то он не сможет продолжать путь. После привала Екатерина Николаевна послушно с большим трудом села на лошадь, и путешествие продолжилось.

Конечно, начальник экспедиции заботился о создании необходимых условий для дам, в числе которых была и французская виолончелистка Е. Христиан. Через два месяца и десять дней пути участники экспедиции на транспор-

те «Иртыш» прибыли в Петропавловск-на-Камчатке, где генерал-губернатор отдал необходимые распоряжения. Камчатская экспедиция имела важное значение в обеспечении безопасности Петропавловска. Муравьев гордился тем, что был первым среди восточносибирских губернаторов, кто совершил этот путь. Еще более он гордился Екатериной Николаевной, своей отважной супругой.

Экспедиция 1849 года на Камчатку явилась тяжелым испытанием для всех участников, и в особенности для женщин. Позже в одном из писем Л.А. Перовскому Муравьев писал, что ему «решительно ничего более не нужно кроме, разумеется, доверия, … а в случае смерти моей, – внимания к жене моей, спутнице в Камчатку и единственному лицу, о котором я в этом мире заботиться обязан».[6]

В первый сплав по Амуру генерал не взял с собой Екатерину Николаевну, хотя она и собиралась. Слишком рискованным и неизвестным было это предприятие. А от участия во втором сплаве (1855) он не смог ее отговорить. В письме брату Валериану Николаевичу Муравьев писал: «Я намерен плыть по Амуру с женою, которая никак не хочет от меня отстать».[7] Согласно приведенным ранее фактам Екатерина Николаевна была активным, самостоятельным и полезным участником этой экспедиции.

Путешествия по Приамурью зачастую проходили в экзотических условиях. Сохранилось описание одного такого путешествия: осенью 1855 года Муравьев и его свита передвигались от Аяна в горы, когда на аянском рейде показались неприятельские суда. «Вскоре вижу табун собак, запряженных в нарты, на передней восседает Екатерина Николаевна, а в следующей – ее камеристка, вслед – кавалькада верхом на оленях, во главе – Николай Николаевич Муравьев, некоторые из свиты пешком».[8]

Участие в экспедиции на Камчатку, во втором сплаве по Амуру, в поездках по Сибири дают основания считать Екатерину Николаевну Муравьеву выдающейся женщиной-путешественницей XIX века. Она доказала возможности женщины преодолевать огромные расстояния в условиях дикой природы.

Письма из Парижа и последний приют

И все-таки для Екатерины Николаевны, южанки, климат Восточной Сибири был тяжелым. Она стала болеть. Как правило, Николай Николаевич свой отпуск вместе с женой проводил во Франции.

В 1856 году Муравьев пережил тяжелый личный душевный кризис, вызванный тем, что новый император Александр II в отличие от Николая I относился к нему не с полным доверием. Для генерала доверие императора всегда было принципиально важно, и он задумал уйти в отставку. Будучи в Петербурге вместе с Екатериной Николаевной он съездил в Германию, как написал в письме, «полечился с женой». Тогда Екатерина Николаевна осталась во Франции ожидать приезда мужа зимой. Но отставка не была принята, Муравьева уговорили остаться на своем посту. По этому поводу он написал брату: «…Сердце не камень: я остался, может быть, на свою гибель, но что делать, если у меня сердце часто берет верх над рассудком».[9] Поэтому Екатерина Николаевна своего мужа не дождалась. По общему решению она стала жить во Франции. По словам Николая Николаевича, семейную разлуку он мог переносить «только по важности обстоятельств вверенного ему края». В письме М.С. Корсакову есть такие слова: «Я сделал величайшую жертву для Амура, возвращаясь в Сибирь, ибо и мне и жене необходимо было бы жить в умеренном климате, особливо зимою».[10]

С этого времени общение супругов ограничивалось перепиской и приездами Н.Н. Муравьева во Францию во время отпуска. К сожалению, где находится их переписка, сохранилась ли она, до сих пор неизвестно.

Поистине звездным часом Муравьева стало подписание Айгунского договора России с Дайцинской империей 16 мая 1858 года, явившегося итогом его колоссальной деятельности по благополучному решению амурского вопроса и возвращению Приамурья России. Поздравляя Г.И. Невельского с подписанием это важного для России документа, Муравьев высказал слова поздравления и в адрес его супруги – Екатерины Ивановны, «разделявшей наряду с Вами и всеми Вашими достойными сотрудниками труды, лишения и опасности и поддержавшей Вас в этом славном и трудном подвиге».[11] В полной мере эти слова относились и к Екатерине Николаевне.

К огорчению Николая Николаевича, в момент его триумфа рядом не было Екатерины Николаевны. К тому же он сам отказался от запланированной на зиму 1858–1859 годов поездки во Францию, чтобы находиться в Иркутске во время российско-китайских переговоров в Пекине о демаркации границы. Уполномоченным для ведения переговоров стал близкий по духу Муравьеву П.Н. Перовский. Как заметил граф, «китайцы, которые со мною давно знакомы, знают мою нелюбовь к англичанам и горячий характер, – все это заставит их быть еще сговорчивыми, покуда знают, что я в Иркутске».[12] Генерал оказывал разнообразную помощь П.Н. Перовскому в трудных переговорах.

В одном из деловых писем директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому (октябрь 1858 года) Муравьев-Амурский не сдержал своих эмоций и написал о наболевшем: «Многим покажется странно, что я не еду этой зимою в Петербург, а более всего это неприятно жене моей, которую все знакомые уверили, что я непременно приеду туда и, следовательно, увижусь с нею и за границей, где она должна остаться для лечения всю зиму, … жить в разлуке с семейством второй уже год тяжело, очень тяжело, но я не могу себе дозволить оставить Перовского в Пекине и самому уехать в Петербург».[13]

О состоянии духа генерала-триумфатора графа Муравьева-Амурского, который продолжительное время не получал никаких известий из столицы и серьезно опасался, что лишился всякой поддержки в «амурских делах», мож-

[6] Там же. С. 247.

[7] Там же. С. 389.

[8] Цит. По книге: Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири… – Новосибирск, 1998 С. 223.

[9] Барсуков. И. …Кн. 1. С. 473.

[10] Там же. С. 479.

[11] Невельской Г.И. Подвиги морских офицеров на крайнем востоке России. – Хабаровск, 1962. С. 367.

[12] Барсуков И. … Кн. 2. С. 199.

[13] Там же. С. 201.

Памятник графу Муравьеву-Амурскому в Хабаровске. 1891
Фото Эмиля Нино

но судить по следующим его словам из письма М.С. Корсакову: «… для пользы дела я все переношу и, кажется, доказываю это на деле, оставаясь в тяжелой разлуке с семейством, может быть, еще на целый год, когда убежден, что присутствие мое здесь необходимо. Но если увижу, что не имеют ко мне достаточного доверия для того, чтоб я мог приносить эту пользу, то, конечно, не стану жертвовать ни здоровьем, ни семейным счастьем…».[14]

Судя по всему, на графа не произвели сильного впечатления и не вызвали душевного подъема, как это было прежде, рескрипты Его Величества и великого князя Константина Николаевича. В большом письме император Александр II, отдыхавший в Палермо, убеждал Муравьева-Амурского оставаться на своем генерал-губернаторском посту, ибо «было бы истинным несчастьем для Восточной Сибири, и я весьма прошу вас, для пользы России и собственной вашей славы, отбросить всякую мысль о возможности оставить Сибирь». А великий князь, проводивший время в Ницце, обратился к Николаю Николаевичу с таким призывом: «Оставайтесь в Амурском крае, любезный граф, как можно долее, и да укрепит вас Провидение на новые подвиги, хотя бы сопряженные с новой борьбою. На вас смотрит и Европа, и Америка, и все истинные русские люди признательны вам».[15]

Зима 1858–1859 годов в Иркутске стала для графа как никогда душевно тягостной. Он тосковал о своей Катеньке, может быть, впервые почувствовав одиночество – «кроме подчиненных нет никого». Спасался тем, что «очень много» работал за столом, читал. «Душевной отрады нет ни с кем, – признавался он, – а сильные ощущения бывают только неприятные, ибо даже письма жены моей, которая весьма тяготится разлукою, всегда скучные… Честолюбие мое находится в таком положении, что для него я бы не пожертвовал и чашкою чая; следственно, все это я теперь делаю прямо только по долгу перед отечеством и совестью…»[16]

Только зимой 1860 года Николай Николаевич приехал во Францию к своей Катеньке и смог отдохнуть духовно и физически. Несмотря на запрещения доктора, Екатерина Николаевна провожала его до Петербурга, и они дополнительно провели вместе еще 20 дней.

Вторая просьба Муравьева об отставке была принята императором, и в начале 1861 года он покинул Восточную Сибирь. Ему было всего 52 года, но нового поприща официально ему не предложили. Николай Николаевич уехал к жене в Париж, наезжая в Петербург только на заседания Государственного Совета, членом которого являлся. Русское общество Парижа пополнилось симпатичной четой Муравьевых, которая по-прежнему интересовалась российской действительностью.

На долю Екатерины Николаевны выпали скорбные дни смерти и похорон графа Н.Н. Муравьева-Амурского в ноябре 1881 года. После этого она покинула Париж и стала жить в родительском имении в Желосе близ По. В газете «Приамурские ведомости» от 21 сентября 1897 года удалось обнаружить следующее сообщение: «Граф Муравьев-Амурский (Валериан Валерианович Муравьев, племянник Николая Николаевича по его просьбе законно унаследовал титул. – *Н.Д.*) с душевным прискорбием извещает о кончине тетки его, графини Екатерины Николаевны Муравьевой-Амурской, последовавшей 18-го (30-го) сего июля в Желосе, близ По. Погребение совершено 21-го июля в Желосе, в семейном склепе фамилии де Ришемон».[17]

Выдающаяся роль Екатерины Николаевны Муравьевой графини Амурской не вызывает сомнений. И, наверное, пришло время вернуть ее имя, а также имена других амурцев на постамент памятника графу Н.Н Муравьеву-Амурскому и тем самым не только в полном объеме воссоздать замысел знаменитого скульптора А.М. Опекушина и выразить свою благодарность сподвижникам Муравьева, но и подтвердить верность историческим традициям России.

[14] Там же. Кн. 1. С. 536.

[15] Там же. С. 541, 540.

[16] Там же. С. 537.

[17] Приамурские ведомости 1897. 21 сентября.

Незабвенная, любимая Екатерина Ивановна

Нелли ЖАБИНА

Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая мощь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет!
Александр Блок

Екатерина Николаевна Невельская

18 октября 1851 года. В Петровском, «столице» недавно учрежденной Амурской экспедиции, праздничный фейерверк: жене начальника экспедиции 20 лет.

Пройдут годы, и на Петровской косе, там, где счастливая именинница восторгалась сказочным подарком, возвысится необычный, напоминающий судовой кнехт памятник. На южной стороне его, на металлической доске, выгравирован текст: «Здесь 29 июня 1850 года капитан Г.И. Невельской основал первое зимовье Амурской экспедиции, назвав его Петровским. В нем жили участники экспедиции, жена Невельского Екатерина Ивановна и дочь Катя».

Охотск – Аян – Петровское – Николаевск – Мариинское – Аян – это пунктиры дальневосточного пятилетия (1851–1856) Невельской. А начало ее дальневосточной жизни в Иркутске, на рождественском балу 1849 года в Дворянском собрании. Племяннице иркутского губернатора В.Н. Зарина, восемнадцатилетней Кате Ельчаниновой, был представлен командир военного транспорта «Байкал» Геннадий Иванович Невельской. Он был очарован ею, влюбился – и на всю жизнь. «Кто полюбил в 35, тот уже не разлюбит».

Катя – «сама радость и веселие, при большом уме и собой была очень хороша. Небольшого роста, блондинка с правильными чертами лица и прелестными большими голубыми глазами, имевшими ту особенность, что, когда лицо смеялось и голос звонко раздавался, они не изменяли своего вдумчивого выражения».*

Она недавно окончила Смольный институт благородных девиц («монастырь», как называли его в то время) и была хорошо образованна: знала всеобщую и российскую историю, географию, литературу, французский и немецкий языки, могла музицировать, увлекалась театром, верховой ездой, много читала. Книги были с ней всегда: в Петербурге, Иркутске, Петровском.

Рассказы Невельского о морских путешествиях и приключениях, об Амуре, гиляках, живущих там, юная красавица слушала с интересом, но не более. Он «имел не совсем красивую наружность. Маленький рост, худощавое лицо, покрытое рябинками, большая лысина. Живость глаз и широкий лоб выдавали в нем энергию и горячность характера».

Нужно было время, чтобы Катя поняла, какая теплая, глубоко симпатичная натура скрывается за его непредставительной внешностью, за его угловатостью и резкостью» (М.И. Венюков). Но как раз времени Невельской ей не дал: уже в марте 1850 года он стре-

* В цитатах частично сохранена орфография и пунктуация оригинала.

мительно делает предложение и получает категорический отказ.

Из письма сестры, Саши Ельчаниновой: «Многое могло измениться, потому-то и не писали Вам о капитане 1-го ранга, который жил несколько времени в Иркутске прошлую зиму и ездил к нам очень часто. Катя ему очень нравилась, были даже разговоры, но которые не имели никаких последствий».

Сестры предполагают уехать из Иркутска в Смоленскую губернию, к дяде Н.М. Ельчанинову, который в письмах обещал им «тьму женихов».

Однако в апреле 1851 года Катя выходит замуж за Г.И. Невельского.

«Милый и любимый Миша, – пишет тот другу, Корсакову, – приготовься: я счастлив, я готов на подвиг для Отчизны. Не один – со мной решилась ехать и услаждать мое заточение и разделять труды на благо Отечества мой милый, несравненный, давно мной любимый человек – Екатерина Ивановна Ельчанинова, моя Катенька.

Ты спросишь, как это случилось? Я приехал в Иркутск (27 марта 1851 г.), увидел ее и не мог более противостоять тому глубокому и беспредельному чувству. На третий же день я спросил Владимира Николаевича Зарина, не переменила ли она настроение. «Совершенно переменила», – был ответ. Я к ней – и она дала мне слово. Ты не поверишь, милый Миша, как я был рад. Пусть говорят, что хотят, но я решительно не мог быть один. Я любил, люблю этого ангела».

Получив это письмо, Корсаков размышляет в дневнике: «Итак, несмотря ни на что, он предложился. Сильно же он был влюблен! Что он будет с ней счастлив – почти наверное. Но, если она вышла за него из сострадания, из-за того, что все родные ее ворчали на нее за первый отказ? Что тогда?»

И в самом деле, почему юная Катя не только «дала слово» Невельскому, но и вопреки настояниям и просьбам родных уехала с ним, уже начальником Амурской экспедиции, в Петровское зимовье? Вряд ли причиной этого решения были «разговоры в обществе» и укоры родных. Как утверждал философ Н. Бердяев, в духовной жизни личности внешние обстоятельства имеют не абсолютную, а относительную власть: ведь «человек есть то, что он сам из себя делает. Он свободен». И решение Кати Невельской ехать с мужем на Амур – ее собственный выбор, принятие судьбы, которую послало ей Провидение. Выбор осознанный, результат долгих размышлений не только о полюбившем ее офицере, но и о том, что такое долг и служение Отечеству.

И можно ли было остаться равнодушной к человеку, который так ее любит?

Из писем Кати Невельской родным: «Вот уже три недели я замужем, любезный и почтенный дяденька. Я уверена, что вы вполне понимаете, сколько новых мыслей и желаний явилось мне, сколько новых обязанностей вижу я перед собой впереди. Более и более я привязываюсь к моему милому мужу. Он так внимателен, так любит меня, что не только я, все окружающие тронуты этим».

«…Я спешу успокоить вас относительно моего нравственного состояния. Ваша Катя очень счастлива. Мой

Геннадий Иванович Невельской

муж – такой благородный, безукоризненный герой. На коленях благодарю Господа, что он мне послал в покровители этого чудного человека, любовь которого – моя гордость и будет для меня сильной опорой в испытаниях, которые меня, может быть, ожидают впереди».

«Благородный, безукоризненный герой» – это не столько о любви к ней, сколько об «амурском деле» как о долге и служении Отечеству и о том, что это служение она поняла и приняла.

«Как вы знаете, правительство запретило моему мужу действовать решительно и не допускать занятия Амура, столь важного для России. Он решил идти против этого запрещения и думает предпринять новый ряд разведок и исследований так далеко, как найдет это необходимым».

Эти убеждения Невельской не случайны. Очень значительной в ее жизни и судьбе была встреча с М.Н. Волконской. Когда после Смольного института, оставшись сиротами, сестры Ельчаниновы уезжают в Иркутск, они попадают в ближайшее окружение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Он изменил положение ссыльных декабристов в обществе. Их жены часто бывают в доме Зариных. С восторгом и восхищением слушала Катя Ельчанинова рассказы Марии Николаевны о ее жизни. «До свадьбы мужа я почти не знала. В первый год замужества я прожила с ним только три месяца… Решив разделить изгнание с мужем в Сибири против воли родных, я умерла для семьи… И вот я в Благодатском руднике. Открыли маленькую дверь налево, и я поднялась в отделение своего мужа. Сергей бросился ко мне, бряцание его цепей поразило меня; я не знала, что он в кандалах. Я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом его самого…

…Справедливость требует признать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслуживать уважения соотечественников. Кто кладет голову на плаху за свои убеждения, тот истинно любит свое Отечество.»

Если Н.А. Некрасов, которому сын Волконской, Михаил, читал ее «записки», «плакал, как ребенок», то что же происходило с юной впечатлительной Катей. Мария Ни-

колаевна, выбравшая нравственный долг как судьбу, стала для нее навсегда идеалом.

В мае 1851 года Невельские отправились в Петровское. В своей книге начальник Амурской экспедиции напишет о жене: «С геройским самоотвержением и без малейшего ропота она вынесла все трудности и лишения верховой езды по топким болотам и дикой гористой тайге Охотского тракта, сделав этот верховой переезд в 1 100 верст в 23 дня».

Сама Катя в письмах родным признавалась: «Вы знаете, я была готова встретить всякие препятствия и неудобства, но действительность превзошла мое воображение. Никогда не могла я себе представить, что такие дороги существуют на свете… Ах, что мы вытерпели! Несмотря на все усилия над собой, бывают минуты, когда я ослабеваю и теряю мужество…

…Путешествие стало пыткой; случалось, что я садилась на край дороги, не имея мужества ни влезть на лошадь, ни растянуться в моем гамаке. Мы подвигались шагом и так дотащились до Охотска, не доезжая 10 верст, где я упала на траву, катаясь по ней от невыносимых страданий.

О, как я рыдала, как проклинала эту ужасную дорогу, которой опасности, ужасы и страшное утомление лишили меня самой сладкой надежды».

«Самая сладкая надежда» – это ребенок, которого Катя потеряла.

Вид Петровского, куда экспедиция прибыла в начале августа 1851 года, разрушил некоторые иллюзии Невельской. Она увидела вытянутую, окруженную морем песчано-галечную косу. Со стороны материка виднелись жилища гиляков, откуда доносился лай собак. Само Петровское напоминало лагерь, а не поселение: палатки, кострища, разбросанные матросские и казацкие пожитки. Дома строились в одну линию: незаконченный домик Невельских, дальше дом Орловых, баня, привезенная из Аяна, в которой разместились офицеры.

«Сердце сжалось, когда я вошла в убогое жилище, где я должна прожить столько долгих месяцев, я упала духом и залилась горючими слезами. Я была готова к тому, что встречу простую, деревенскую обстановку, но мрачная действительность превзошла все мои ожидания. Какой резкой противоположностью показалась мне эта избушка в сравнении с прежними удобствами уютной раздольной деревенской жизни в доме наших родителей и у доброго дяди!»

«Горючие слезы» – это впечатлительный (но отнюдь не вялый и малодушный) характер Невельской. Самообладания и мужества она не утратила.

В Петровском складывался определенный быт и образ жизни.

Воин Андреевич Римский-Корсаков, командир шхуны «Восток», написал о своей встрече с Екатериной Ивановной. «Приняла меня жена его, молоденькая и хорошенькая. Конечно, надо было иметь сильную любовь к мужу, чтобы с хорошим воспитанием, привыкнув к обществу и развлечениям, не унывать и не скучать в такой унылой безжизненной местности. Двадцатилетняя барынька развела огород, занимается хозяйством, солит грибы, мочит бруснику и коптит рыбу, вошла во вкус занятий своего мужа, усердно сочувствует его успехам и надеждам, так же, как и он увлекается Амуром и Сахалином, и я, поддразнивая ее на эту тему, очень весело проболтал с ней те немногие часы вечера и утра, которые я провел в Петровском».

Необычное для жены офицера серьезное увлечение делами мужа у Римского-Корсакова вызвало легкую иронию («барынька»!), но Н.Н. Муравьев в письме Невельскому отметил это как несомненное достоинство Екатерины Ивановны: «Сегодня подписан трактат в Айгуни, Приамурский край утвержден за Россией. Спешу уведомить вас об этом знаменательном событии. Отечество никогда Вас не забудет. Целую ручки Екатерины Ивановны, разделявшей наравне с Вами и всеми Вашими достойными сотрудниками труды, мнения и опасности, и поддерживавшей Вас в этом славном и трудном подвиге».

Лишений и опасностей было предостаточно. В 1852 году из Камчатки не пришли суда с провиантом. Из частного письма Невельского: «Невозможно выразить на бумаге, что с нами совершают. Бог с ними, и Господь с нами. Я не знаю, право, с чем мы будем и как проведем зиму – собственно, просуществуем. До экспедиции ли, до торгов ли нам – об одном надобно молить Господа, чтобы мы, как брошенные собаки, не переколели. Я не жалею ни себя, ни семейства моего ради Отечества».

Самая трагическая жертва житейских невзгод – смерть двухлетней дочери. Невозможно без слез читать письмо доктора Е.Г. Орлова об этой утрате Невельских: «По отъезде Вашем из Петровского припадки задушения у Вашей старшей дочери начали делаться все чаще и чаще, и, наконец, 12 мая припадок продолжался более четырех часов, и она нечувственно перешла в иной, лучший мир. Это горестное событие не могла не подействовать на состояние Екатерины Ивановны и недавно родившейся младшей Вашей дочери. Тем более тяжела эта утрата потому, что можно было надеяться на дальнейшее продолжение жизни Екатерины Геннадиевны. Екатерина Ивановна через меру предалась своей горести, и никакие убеждения не могли ослабить печаль материнского сердца. Состояние здоровья Вашей супруги не очень утешительно».

Несмотря на драматические обстоятельства, «ни одной жалобы или упрека, – писал Н.К. Бошняк. – Напротив, всегда замечалось в ней спокойное и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей Провидение!»

«Высокое положение» – это, конечно, не роль жены начальника экспедиции, хозяйки Петровского зимовья. Самый талантливый сподвижник Невельского о другом: Екатерина Ивановна была «душой Амурской экспедиции, без которой ее жизнь разрушилась бы, а результаты не были бы столь значительными».

И преувеличения в этом нет: им, молодым офицерам (Бошняку – 22, Петрову – 24, Разградскому – 22), очень нужны были образованная беседа, внимание и теплота, душевный отдых после физических и нравственных перегрузок в командировках по безлюдным, пустым местам.

Екатерина Ивановна Невельская спасала их от духовной пустоты и душевной усталости – это ли не высокое предназначение? Об этом их собственные признания.

Залив Счастья. Здесь располагалось Петровское зимовье, в котором находились дома первой линии

План Петровского зимовья

Из письма В.А. Римского-Корсакова родителям: «Я на тридцать третьем году жизни имею несчастье быть в первый раз влюбленным. В том-то и беда, что любовь моя пала на жену моего доброго приятеля. Виноват ли я, что Екатерина Ивановна так хороша собой, так грациозна, так любезна. Ничто с ее стороны не подало к тому повода. Мужа она своего любит не страстно, но и не лицемерно.

Что сказать о нашей пустыне? Пустота в ней – не такая страшная, благодаря Екатерине Ивановне».

А.И., первостроитель Николаевска, благодарен Невельской за свое самообразование: «В январской книге «Современника» за 1851 год опубликовано начало романа «Дэвид Копперфильд». Я желал бы прочитать его…

Несмотря на все старания убить время в занятиях службы, еще свободного времени остается слишком много, не знаю, куда девать; в эти-то минуты знаешь цену книгам. Легко в этом крае сделаться совершенным невеждой».

И признается: «Екатерина Ивановна была тогда наша звезда. Личность ее очень симпатична».

И как итог – вдохновенная ода в прозе Н. Бошняка: «Мы откровенно признаемся, что многим обязаны ее внимательной любезности ко всем. К ней шли безбоязненно и всегда с уверенностью, что внимательный и ласковый взгляд заметит каждого.

Спросим теперь после этого очерка: многие ли мужчины согласились на подобную жизнь? Конечно, немногие. А ведь этой женщине было 19 лет. Скажут, может быть, что много таких примеров. Да, но все-таки в местах более многолюдных, где не было таких лишений».

Что же позволило Екатерине Ивановне Невельской выдержать, вытерпеть, поддерживать, согревать, и почему ей удалось создать теплый, уютный Дом, «странноприимную обитель»? Конечно, «человек есть загадка в мире, и величайшая, может быть, загадка именно как личность». Согласимся с этим выводом философа, но если не разгадать, то хотя бы прикоснуться к тайне личности этой замечательной женщины возможно.

Если понимать личность как категорию этическую и духовную, а личностное в человеке как сверхличные высшие ценности, то загадка личности Е.И. Невельской – в ее нравственных ценностях – совести и долге. Усвоенные из книг, из иркутских разговоров, из бесед с мужем и его сподвижниками, эти ценности прожиты в ее собственном душевном и духовном опыте. Они стали для нее «моральным законом», «нравственным императивом».

Из ее писем родным: «Мой муж, в беспокойстве и среди полной неизвестности того, что будет, хотел оставить меня в Аяне. Но это было бы невозможно, друзья мои, не правда ли? Я была бы самая низкая, если б осталась сидеть спокойно под защитой, в то время как муж рисковал бы жизнью и боролся за свою честь и честь Отечества. Борьба между нами продолжалась несколько часов, но я вышла победительницей; я до конца последовала за мужем».

«…В это время спустили шлюпки, чтобы нас перевезти с тонущего «Шелехова» на «Байкал». Пришли за мной. Ах мои друзья, когда я увидела все эти глаза женщин, детей, старух, с отчаянием и завистью устремленные на меня, печально и даже грозно, мое сердце сжалось от жалости. «Никогда, – закричала я, – никогда я не уеду первая, забирайте этих несчастных. Им страшно, а я знаю, что бояться нечего».

Да, красота Е.И. Невельской была особенной: она «совмещалась с полнотой добра» и потому утешала и просветляла.

С Дальнего Востока Невельской с семьей уезжал долго и сложно (так складывались обстоятельства). «18 мая 1856 года я с женой и двухлетней дочерью отправился из Мариинского вверх по Амуру. Не доходя 200 верст до устья Уссури, ко мне на баржу со шхуны «Восток», которая также шла вверх, прибыл офицер и сообщил, что подниматься по реке без паровых средств опасно и медленно, и поэтому гораздо лучше на шхуне возвратиться обратно и следовать в Иркутск через Аян… 20 июня мы прибыли в Николаевское, а 20 июля – в Аян…

Из Аяна в начале августа мы все верхами достигли Маи (дети сидели в корзинках по обеим сторонам лошадей), то есть проехали 240 верст (256 км) и затем, следуя в лодках по рекам Мая, Алдану и Лене, в начале сентября пришли в Якутск, а оттуда к исходу сентября прибыли в Иркутск… Оставив свое семейство в Красноярске у сестры моей жены, А.И. Мазарович, я отправился в С.-Петербург».

Об Аянском тракте Невельской пишет скупо, несколько строк. Но И.А. Гончаров в книге очерков «Фрегат «Паллада»» ярко и полно описал все трудности и опасности той же дороги, которой Невельские возвращались с Амура: «От Аяна едешь по ложбинам между гор, по руслу речек и горных ручьев, которые в дожди бурлят так, что лошади едва переходят вброд, уходя по уши. Каково седоку? Немного хуже, чем лошади…

…Наконец, свершилось наше восхождение на якутский, или тунгусский, Монблан. Я глядел по сторонам, стараясь угадать грозный Джукджур. Давно я видел одну гору, как стену прямую, с обледеневшей снежной глыбой, будто вставленным в перстне алмазом, на самой крутизне. Как же на нее взобраться? Между тем наш караван тронулся в путь под крики якутов. Две вьючные лошади перевернулись через голову.

Я шел с двумя якутами, один вел меня на кушаке, другой поддерживал сзади; садился раз семь отдыхать и, наконец, взобрался на вершину…

…Что Джукждур, что каменистая дорога, что горные реки в сравнении с болотами! Это своеобразная пытка, вам не известная! Болота коварны тем, что поросли мхом и травой, и вы не знаете, по колено ли, по брюхо или по морду лошади глубока грязная лужа. Если лошадь чувствует, что она вязнет глубоко, то, побившись, ложится на бок; ложитесь поскорее и вы: оно безопаснее».

Но и эту дорогу-«пытку» Невельская вынесла достойно, хотя переживаний за дочь-малышку было немало.

Рискну предположить, что она могла бы стать героиней одного из романов Гончарова: ведь у нее была возможность познакомиться с писателем в Петровском. «Мы бросили якорь у песчаной косы, перед маленьким нашим поселением, «Петровским зимовьем». Мне так хотелось перестать поскорее путешествовать, что я не съехал с нашими на берег, и нетерпеливо ждал, когда они воротятся» («Фрегат «Паллада»). Так «скрещения судеб» и не произошло.

У Е.И. Невельской, несомненно, был литературный талант. В этом можно убедиться, прочитав ее письма родным в Иркутск (1856 год). Вот описание берегов Лены: «Окружающая нас природа дика и в то же время величественна. Особенно вчера я была поражена необыкновенным зрелищем. Мне казалось, что наша лодка, быстро скользящая по волнам, могла разбиться о страшные скалы, громадные камни, выходящие из воды, и вдруг исполинская скала, скорее стена, поднялась слева от нас. Она была вся красная, представьте себе, красная, как кирпич, и на самой высоте букет пушистых деревьев покрывал ее зеленью; эти деревья, как будто посаженные человеческой рукой, придавали свежесть и жизнь всему ландшафту, сколько поразительному, столько же живописному.

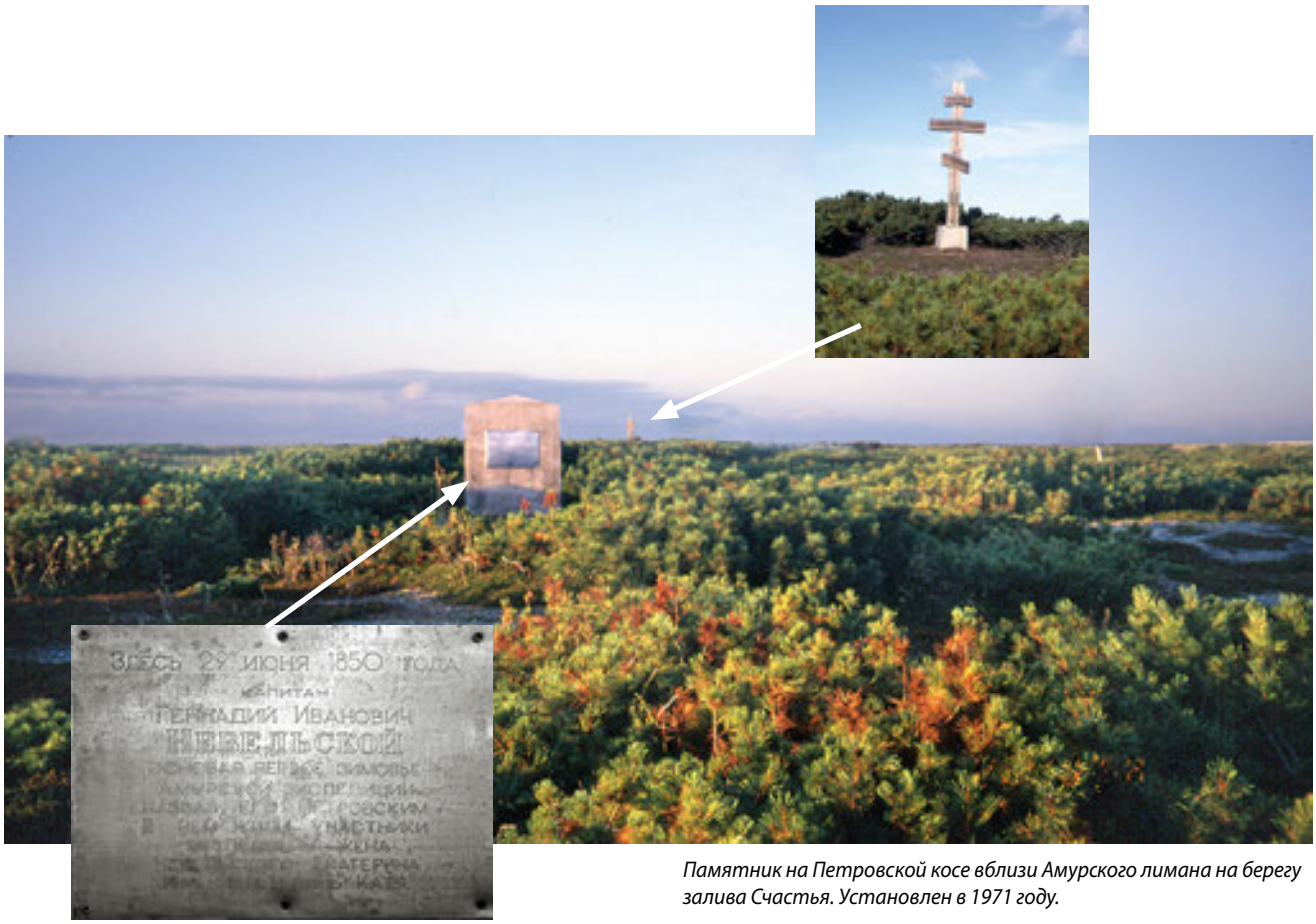
Это такая дикая мрачная красота, которая заставила меня думать о Боге, о бесконечности, о великой мудрости Создателя, и долго я неподвижно стояла, любуясь этой странной и чудной картиной. Никогда я не видела ничего подобного!»

У Невельской был и другой талант – талант любви, и прежде всего к мужу и детям. В Петербурге (для Екатерины Ивановны – «несносном, нелюбимом») Невельские снимали постоянную квартиру на улице Сергиевской (ныне Чайковского) в доме № 46, недалеко от Смольного института. Семейная жизнь идет размеренно и уединенно. Невельские никуда не выезжают и гостей не принимают, но скучать Екатерине Ивановне не приходится: дети в центре ее забот. «Бог поможет мне вылечиться окончательно, жизнь моя покамест необходима – детей много. Я сейчас хлопочу, сколько умею, о воспитании старшей дочери – на днях 12; уроки становятся весьма серьезными; много надо средств, чтобы вести образование хорошо и полезно дома. Мы отказывали себе во всем, чтобы справиться с этим делом… Саша – решительно общая фаворитка и самая красивая из девочек; мальчуган мой, крошка Коля – славный ребенок, спокойный и здоровенький, но слишком серьезный мальчик, должно быть, будет такой же философ, как папа».

На имеющиеся сбережения Невельские купили небольшие имения в Пензенской, Костромской и Симбирской губерниях. «Приобрели выгодно, с небольшими капиталами, по убеждению составить верное обеспечение нашим детям».

Каждое лето семья в деревне.

«У нас маленький, но преудобный и прехорошенький домик, крошечный садик, три коровы, три лошади, четыре четверти посеву, одним словом, миниатюрная ферма, обрабатывающаяся вольным трудом. Все, что нам не достает для хозяйства, покупаем в окрестных деревнях. Жизнь наша уединенная, потому что вокруг людей мало, да мы их не ищем. Семья своя так велика, что скучно не бывает одним; деревня летом так хороша, так приятна,



Памятник на Петровской косе вблизи Амурского лимана на берегу залива Счастья. Установлен в 1971 году.

Вдали – деревянный православный крест на месте первого в низовьях Амура российского православного кладбища, где захоронены члены Амурской экспедиции и жители первого поселения Петровского в 1850–1854 годах

Южная сторона памятника

что я решительно не променяю ее ни на какие заграницы и Петергофы».

Во многом семейная жизнь Екатерины Ивановны Невельской совпадает с идеалом счастливой семьи В. Розанова, о котором философ написал в статье 1898 года «Женщина перед великой задачей»: «Эта семья никуда не спешит, ни к кому не собирается, и к себе никого не ждет. В ней есть какой-то свой собственный свет, тепло, поэзия; все шумное, т.е. все суетливое исключено; все заняты своим делом, но «около» друг друга».

В последние годы жизни Г.И. Невельской работал над записками о деятельности Амурской экспедиции. Он предполагал издать их отдельной книгой, и в этом Екатерина Ивановна – его помощница. После смерти мужа (17 апреля 1876 года) она деятельно готовила рукопись записок к изданию. На титульном листе книги (1878 год) было напечатано: «Посмертные записки адмирала Невельского. Изданы супругой покойного Екатерины Ивановны Невельской».

Прошлое возвращается и сохраняется человеческой памятью и благодарностью. Екатерина Ивановна Невельская должна быть в нашем «сегодня», чтобы не прерывалась связь времен.

Фото Петровской косы Николая Спижевого

Северная сторона памятника с перечнем фамилий наиболее активных участников Амурской экспедиции

А. А. Сахаров. Оборона Благовещенска в 1900 году. Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского

Вместо предисловия

В конце XIX столетия Благовещенск был крепким промышленным городом и достаточно крупным речным портом. Здесь работал первый в Приамурье чугунолитейный завод, развивалась деревообрабатывающая промышленность, по реке курсировало множество пароходов и барж. Украшениями городской архитектуры считались торгово-промышленные дома фирм «Кунст и Альберс», «И.Я. Чурин и Ко», обеспечивавших широкое разнообразие товаров и услуг для горожан. Но размеренный ритм Благовещенска нарушил конфликт с маньчжурами, которые летом 1900 года в ходе Ихэтуаньского (боксерского) восстания стали нападать в бассейне Амура на русские суда, в течение двух недель обстреливали Благовещенск с противоположной стороны реки. Чтобы оказать сопротивление, горожане спешно вооружались, к ним присоединились казаки из ближайших станиц. Это была действительно героическая страница в истории Благовещенска, и ее даже запечатлел ученик Айвазовского А.А. Сахаров в батальном полотне «Оборона Благовещенска в 1900 году».

Многие русские люди тогда отличились и позднее были представлены к государственным наградам, причем среди героев военных событий были и героини. В октябре 1901 года в Благовещенске, в резиденции военного губернатора Амурской области состоялся торжественный прием по случаю вручения серебряных медалей «За храбрость». Две из них предназначались дамам – Анастасии Юдиной и Евдокии Катышевой, совершившим подвиг и наравне с мужчинами защищавшим свой город. В исторических источниках зафиксировано, что военный губернатор Грибский, вручая амурчанкам заслуженные награды, сказал, что «счастлив

поздравить их с высочайшей милостью и от лица Родины передать русское спасибо».[1] Мужество и храбрость женщин были отмечены в благодарности командующего войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродекова, в поздравлении генерала Унтербергера.

Еще 16 отважных казачек из поселения Верхне-Благовещенского, среди которых были Анна Костромина, Прасковья и Анна Поповы, Дарья Пешкова, Любовь Щеголева и другие, получили серебряные награды «За усердие». В то время как маньчжуры день и ночь бомбардировали Благовещенск и мужчин мобилизовали на его оборону, их жены добровольно взяли на себя разведывательную и сторожевую службы вдоль телеграфной линии и берега Амура и несли их часто под свистящими маньчжурскими пулями.

Конечно же, такая благодатная тема не могла пройти мимо журналистов местных и центральных изданий, писавших об «особом складе амурской женщины, которая не идет день изо дня на помочах у мужа».[2] В 1901 году в Москве вышла небольшая книга (затем она неоднократно переиздавалась) «Амурская героиня. При осаде Благовещенская китайцами», получившая широкий резонанс и позднее даже переведенная на японский язык.

Ее автор Ю.Л. Елец главным персонажем своего повествования избрал Анастасию Юдину и помимо подробного очерка о ее жизни включил в книгу рассказ самой героини о тех напряженных событиях. В последних строках своего сочинения Елец, обращаясь к читателю, с восхищением написал: «...прочитав его, русския женщины могут с гордостью сказать, что они остались теми, какими их воспел Некрасов, и вписать в свой длинный мартиролог имя Анастасии Исаевны Юдиной».

Мы публикуем фрагмент очерка Ю.Л. Ельца, чтобы услышать рассказ амурской героини Анастасии Юдиной из первых уст.[3]

---

[1] Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: историко-биографический очерк. – Хабаровск, 2001.

[2] Там же.

[3] Елец Ю.Л. «Амурская героиня. При осаде Благовещенска китайцами. – Издание 8-ое, Москва, 1901. Печатается в авторской редакции. Частично сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

Амурская героиня

Юрий ЕЛЕЦ

Анастасия Исаевна Юдина, в девицах Делирова, дочь солдата, родилась в одной из деревень Томской губернии, в 1871 году; таким образом, во время осады Благовещенска ей шел тридцатый год. Выросла она в Томске, в богатой семье, на положении воспитанницы и настолько тяжелом, что на тринадцатом году вынуждена была тайком бежать от своих благодетелей. С этих пор и началась ее трудовая, исполненная горя и забот жизнь. На шестнадцатом году вышла она замуж за крестьянина Константина Давыдовича Юдина и поселилась сначала в деревне, а потом в Благовещенске, где принялась трудиться о хлебе насущном.. Она оказалась дивной работницей: сама жала, боронила, землю возила, огороды копала, в кухне стряпнею занималась, детишек обшивала, на охоту ходила, отлично плавала и умела с лодками обращаться. Редко здоровая ея натура от жизни этой еще более окрепла; словом, это была настоящая сибирячка, умеющая смело смотреть в лицо нужде и брать ее, как быка за рога.

С десяток лет прожила так она, работая, не покладывая рук, когда в дом к ним счастье привалило. Нет в Сибири крестьянина, который бы не искал золотоносных жил, и муж ея Юдин не был в этом отношении исключением. После долгих бесплодных поисков судьба ему улыбнулась и золото попало к нему в руки.

Тут сразу, как в сказке, картина переменилась. Бедность и труды сменились богатством и довольством. В Благовещенске появились три дома с роскошной обстановкой, на конюшнях – дорогие рысаки, целыя усадьбы на приисках – словом, все то, что делает человека праздным, ленивым, эгоистом и бессердечным гордецом. Но надо правду сказать, ни одна из этих черт не привилась к Анастасии Исаевне. Она осталась скромной, готовой помогать всем, кто только к ней обращался, труженицей дома, а подвигами своими во время осады города составила гордость всех русских женщин.

Когда мне, в бытность мою в Благовещенске, сообщили ея адрес и сказали, что она живет в собственном доме, уже это известие показалось мне странным: как это мать детей и собственница так рисковала своей жизнью? По проскользнувшим в печать отрывочным известиям Юдина представлялась мне какою-то бездомной, бедной работницей, может быть, под влиянием Бахуса пошедшей на смерть, потому что терять ей

Анастасия Исаевна Юдина при обороне Благовещенска

было нечего. Удивление мое возросло, когда я очутился в обитой бархатом и штофом гостинной, устланной дорогими коврами, перед дамой, в модном, отделанном кружевами, утреннем костюме. Больших трудов стоило мне уговорить ее сообщить про все, что она сделала. Долго не хотела этого героиня, говоря, что ей совестно про такие пустяки рассказывать, что к ней «сочинитель из Москвы три дня подряд ходил, все упрашивал, да она так и не согласилась».

Что тут было делать, пришлось прибегнуть к психологической уловке.

– Ну, – говорю, – сочинителю можно было отказать, а боевому товарищу нельзя: сам я был недавно в осаде – расскажу вам про свою, а вы мне про вашу.

Хитрость удалась: Анастасия Исаевна смягчилась и заявила:

– Да, это действительно: сотоварищу боевому никак нельзя отказать, – и она описала мне все, что с ней было. Рассказ ея был настолько жив и образен, что мне жаль было его испортить, переиначивая, почему я и оставил его таким, каким слышал из уст героини. Вот он.

«Занималась я второго июля, часов в шесть вечера, у себя на кухне по хозяйству, вдруг слышу крики и стрельбу по моему расположению (вероятно, г-жа Юдина хотела этим сказать, что стрельба послышалась ей вблизи ея дома. – *Примеч. автора*) и подумала: должно, на военном поле солдат учат; тут вспомнилось мне, что деверь наш забрат новобранцем, и что проводить его надобно. Собрала я ему закуток, хлеба и повезла в казарму. Только я из ворот недалеко отъехала, рота солдат идет, а с ней и деверь; все мне кричат: «Куда вы, вас убьют!»

Передала я гостинец деверю моему и повернула обратно домой: вижу, бегут русские, молокане; шум, крики, плач; кто детей тащит за руки, кто падает, кто узлы теряет, а пули сыпятся, как град, но все невредимо.

Кучер, что меня вез, гнал лошадь во всю мочь, пересекая Американскую улицу, на Амурскую. Только сделали поворот, перелетела через нас картеча (граната. – *Примеч. автора*) и разорвалась. Тут поднялась кругом страшная суматоха, и все хватали наших китайцев и собирали их в одну кучу.

Скот откуда-то побежал нам навстречу, распуганные лошади носились по улице.

Много народа и баб плакали и причитали. Повстречались и некоторые знакомые, все кричали мне:

«Куда ты, Юдина? Поезжай за нами, из города вон, поскорючи!»

А я всем им в ответ говорила:

– Умирать все равно, где бы ни было, если Господь не захочет спасти нас! – и отправилась к своему дому и к детям.

Подъезжаю – дом пуст; дети сидят, плачут, и гляжу я в окно, везут ко мне во двор человека. Присмотрелась – вижу, зять мой, вдовец с четырьмя детями; у Шадрина (местного золотопромышленника-миллионера. – *Примеч. автора*) он работал на заводе: его зашибло лесиной сверху; китайской картечей ее снесло.

Я думала, что он приехал нас, одиноких, от врагов наших защитить, потому как муж мой в отлучке на приисках в ту пору был, а тут, на место того, пришлось мне его убогаго и убитаго с маленькими детьми встретить. Вот я оглянулась кругом на дворе, осмотрела зашибленного, потом опять в дом заглянула и решила больного в амбар пока положить.

Собрала я на дворе служанку, горем убитую старушку, свекровку, сироток всех наших в кучку и сказала им:

– Будем защищать матушку Русь и Царя нашего до капли крови! Слушайте, детки мои, и вы, сиротки, встаньте на колени и помолитесь Богу; вы видите, что из города все бегут, а мы будем с терпением дожидаться окончания жизни, и, может быть, Господь защитит нас, грешников, от врагов!

Только слышу стон сзади сирот; это отец их застонал; тут я очнулась, с моления встала, оглянулась и сказала сиротам:

– Сделайте по поклону и вставайте, пособите отца своего унести ко мне в амбар.

Отнесли мы больного туда, я говорю детям и прислуге:

– Оставайтесь с Богом, а я пойду принесу ему из аптеки лекарства. Деточки, вы не плачьте, просите Бога, чтобы он меня сохранил. Я пойду для отца вашего достать лекарства, чтобы Господь дал ему полегче!

Успокоила я детей и обратилась к своей приживалке, Евдокии Ивановне Катышевой, она стояла в это время вместе с нами:

– Не плачьте и не беспокойтесь, – говорю ей, – соберите несколько штук белья для похода, хлеба, вещи все самые дорогие, чтобы для черного дня было, хотя немного.

Она в это время оборачивается ко мне и говорит:

– Бежимте, Настасья Исаевна, вместе с детями, мы тебя одну не пустим: умрем вместе.

Тогда я повелительным голосом ей сказала:

– Евдокия Ивановна, не будьте так слабы.

– Кто нас защитит без тебя?

– Наверное меня Бог спасет, покамест я хожу в аптеку больному за лекарством.

– Ты видишь, как пули летят и стучат об нашу крышу?

– Молчи, сострой-ка лучше поскорее костюм мне мужской. Я буду вашим защитником, буду спасать вас, пока враги не пробьют мою грудь, и послужу еще, может быть, святой Руси и Царю батюшке.

Тут я повернулась, благословила сирот и сказала:

– Оставайтесь с Богом и не бойтесь.

Сама перекрестилась, на сердце как камень лежал, и отправилась скорыми шагами из дома своего. Уходя, сказала Евдокии Ивановне:

– Запри ворота и никого не пускай вплоть до меня; детям ни шагу не давай из дому.

Когда захлопнулись за мною ворота, перекрестила я дом и себя, а пули так и свищут кругом. На улице только кое-где собаки с воем под стенками пробираются. Пока шла я к аптеке, попадались мне женщины с ребятами: плачут навзрыд!

Скрепя сердце, пересекла я улицу, тут пуля повизжала, а бежавшая передо мной женщина, должно от нея, упала.

Я подбежала к ней, вижу, ранена, и пособила ей перевязать ногу, потом оттащила ее к сторонке, за заплоть (забор – на сибирском жаргоне. – *Примеч. автора*). Но как у меня свое горе было, то и позабыла спросить у нее фамилию и адрес, куда ее отправить; сама же, наконец, добралась до аптеки с трудом. Насилу и аптечников разыскала и говорю им:

– У меня больной умирает!

А те в ответ:

– Какое теперь лекарство, до того-ли!

Но я настояла, чтобы мне аптечник поскорее лекарства выдал. Видя мое несмущение, он оживился, скоро все изготовил и говорит:

– Как это вы сейчас пойдете, видите, какая стрельба?

– Убить везде убьют, смелым Бог велен, – и, выйдя из аптеки, отправилась по Береговой улице посмотреть, что там творится.

Иду и вижу: китайцы бегут. Забывши, что это наши (в то время в Благовещенске проживали отдельные семьи китайцев – Примеч. автора), вообразила я себе, что уже неприятели перешли на нашу сторону! Тут упала я на колени и сказала:

– О, Господи, услышь мою молитву и защити всех нас, православных христиан!

Опомнилась я, только когда выстрелы опять пробудили мои чувства. Встала я и оправилась скорыми шагами по Большой улице к своему дому, на Амурскую. Поворачиваю на Садовую, слышу, летит, жужжит что-то такое, а в это время в наших картеча упала недалеко от меня, но не разорвалась, потому что Царица Божья Матерь (Албазинская, покровительница Благовещенска. – Примеч. автора) защищала всюду нас, грешников.

Поглядела я на бомбу и сказала:

– Ах вы, враги наши, Господь вас усмирит и нашему Царю поможет; у него силы больше!

А сама продолжаю шагать. Дохожу до своего дома, даю звонок, и в страхе отворяет Евдокия Ивановна.

– Слава Богу! – закричала, – ты жива и невредима!

Бросилась она меня целовать и рассказала:

– Устроила я вам костюм мужской, по распоряжению вашему.

Тогда обратилась я к Евдокии Ивановне:

– Ну покажи, что ты мне сварганила шибко скоро так?

Та сейчас же оборачивается и выносит пинжачок, рубашку и, из моего же платья, шароварчики, и говорит:

– Получите, наш герой!

Дело было уже около девяти часов вечера, я взяла и давай переодеваться. Надела на себя кинжал, револьвер и ружье в руку взяла, после того выхожу из спальни к детям и говорю им:

– Теперь могу вас защищать!

Сидят они все такие печальные, а кто меня не признал, кричит:

– Мамочка, мамочка, солдат к нам пришел!

А другие вскричали:

– Нет, это не солдат, а мама наша!

И общий смех в душах детских унылых начался. Оборачиваюсь я к Евдокии Ивановне и говорю:

– Ну как, могу я быть защитником вашим?

А она мне в ответ:

– Хоть куда молодец, ну как на мужчину похожа!

Тут благословила я детей и говорю:

– Оставайтесь с Богом, теперь я иду в ложемент (окоп. – *Примеч. автора*) защищать отечество!

Отправилась я. Иду по улицам, тишина везде, стрельба притихла. В ночной тишине подхожу к набережной, вижу, копошится народ: роют закрытия, потому как с шести до девяти огонь был открыт с неприятельской стороны, то всех нас застали врасплох. Прошла я по набережной, по бульвару, к губернаторскому дому, и вижу, что тоже роют ложементы добровольцы, каждый ямку (я объехал все эти ложементы: на них смешно и грустно было смотреть; видно, что ни умения, ни средств вырыть их прилично не было, и некому было научить народ. – *Примеч. автора*) для себя. Нашлась и для меня лишняя лопата, думаю, и мне надо защитить себя: взяла ее и начала рыть.

Так как место было каменистое, то к двенадцати часам ночи вырыла я всего половину роста человеческаго. Была тут на мне шапочка беленькая; только подходит ко мне офицер, Золотарев по фамилии, и говорит:

– Доброволец, нельзя быть в белой фуражке, вас так убьют.

– Слушаю, – говорю, – ваше благородие: сейчас переменю.

Побежала домой, шапку переменила, на деток взглянула: все спят. Перекрестила их, лампадки поправила, и ходу скорее назад в ложемент. Тут я до шести часов утра, как и все добровольцы, прокараулила.

А офицер потом сказывал:

– Фу ты, да это дама была, а я и не признал в темноте! По голосу только после догадался.

С утомленною душой поднялась я из ложемента своего, потому незнакомый какой-то доброволец заприметил, что больно я умаялась, и говорит мне:

– Ну, брат, выходи, я за тебя покараулю.

Взяла я ружье, и сказала на эти его слова:

– Оставайся, брат, служи батюшке Царю верно, – и пошла домой.

Пришла я к себе, позвонила. Дети мне отворили, все уже не спали, радуются:

– Мамочка, мамочка, мы думали, что тебя китайцы убили, что нет тебя живой больше!

А я как была больно уставши, упала на стул и сказала Дуне:

– Дай мне воды или молока, – потом детей приласкала и успокоила: – Слава Богу, мама ваша жива!

Разделась я кое-как, добралась до постели своей, и заснула как убитая. Но не больше как два часа спала, проснулась, пошла к больному, часов до одиннадцати прокопалась с ним, а часов с двенадцати опять открылся огонь с китайской стороны. Накормила я детей, прибралась и часов около пяти говорю Катышевой:

– Пойдем, Дуня, смерть не страшна: на битвы поле лучше, чем в стенах, умереть.

Согласилась со мной она, и пошли мы, а детей и больнаго оставили на свекровку, и наказали ей – детей, ни

Боже мой, не выпускать из дому, а ворота открывать по условленному, по трем звонкам.

Вот пошли мы по улицам: кое-где попадался нам народ кучками, по 5–6 человек, запрятавшись по углам, все кричат в голос:

– Умрем мы скоро, невозвратный наш город!

– Молитесь Богу, – отвечала я им, – Он милостив, и нас не оставит.

Точно как сердце мое чувствовало, что Благовещенск цел будет! А мне в ответ:

– Ах и что ты за безстрашная, тетка: по улицам ходишь.

Пересекли мы Большую улицу и вышли на площадь. Дуня едва за мною тащилась, потому у ней ноги очень болели, а стрельба все не переставала. Поравнялись мы с середкой площади, смотрю возле Чуринскаго дома (Большой мануфактурный склад в Благовещенске. – *Примеч. автора*) и за Царскими воротами (В честь посещения Наследника Цесаревича в 1891 г. – *Примеч. автора*) народу стоит человек сто, спрятавшись. Подхожу к толпе, думаю, не узнаю ли чего новаго за целый день.

А мне навстречу голоса:

– Ах ты, вот какая штука, мадам Юдина на войну вышла!

А я им в ответ сказала:

– Ежели придется, так за Русь святую сумею постоять, – и встала как раз против торговаго дома.

В этот момент вывертывается на коне частный пристав 2-го участка, господин Залетаев, и начинает опрашивать людей:

– Господа, не желает ли кто из вас доброе дело сделать, для Царя батюшки послужить: доставить все лодки, сколько есть на берегу, к интендантской пристани.

Никто на эти его слова не отозвался. Тут явился командир Добровольский, г. Зиновьев, и тоже стал просить всех, чтобы постарались доставить эти лодки куда следует. Но никто из толпы не находился. Я около него в это время стояла и слушала, и чтобы воодушевить народ, спрашиваю, куда эти лодки и для чего надобны, чтобы знать, за что смерть принимать придется, а он мне в ответ:

– Убирайтесь, дам здесь не нужно!

Тут сердце и кровь во мне закипели:

– Как не нужно? – закричала я, – Когда мужчины не идут, я, дама, могу отправиться и сумею помереть за Россию!

Чиновник увидел, что отступиться я не желаю, и волей-неволей объяснил, что нужны эти лодки для перевозки войск на китайскую сторону, а приготовить их надо к ночи, чтобы для солдат, как туда ехать, большого урону не было.

Попросила я его показать мне, которыя лодки нужны, и, благословясь, спустилась с тротуара, а за мной Дуня. Оглянулась я назад на народ и кричу:

– Ребятки, пойдемте все вместе, переплавим лодки враз?

Но никто с места не сдвинулся, окромя двух-трех человек, один из них, поляк, сказал мне:

– Пойдем, пани, ты безстрашная: с тобой и умереть весело!

Потом он один только со мною и остался: другие куда-то исчезли.

Огонь стрельбы не переставал, а все более разгорался, и двинулась я вперед с радостной душой: позабыла все вокруг себя, забыла детей и родных, и только думала, как бы доставить пособил Господь лодки для спасения города.

В это время долетели до меня насмешки, брань, свист:

– Вон юбка пошла лодки доставлять!

– На берегу, за камень заляжет!

– На дно к рыбам на ужин пойдет!

– Китайская пули в глаз ей протрафит!

– Ишь ты с… тоже выискалась!

Слушала я все это, но шла бодро и о том только думала, чтобы Царица Небесная спасла нас и всю Русь!

Спустились мы на берег. Первыя лодки у купальной стояли: тринадцать тут их было. Привязали мы с Евдокией Ивановной две лодки сбоку, сами в третью сели и сплавили их к мосту. Тут я Катышеву домой отправила, потому как ноги у ней очень больны были, и осталась я на берегу одна, да поляк со мной.

Отправились мы за другими лодками, а огонь с того берега все сильнее разгорался, пули летели над головой, и все в камни били, но все же, при всех этих неудобствах, тринадцать лодок доставили мы в назначенное место. Трудно это было, потому по три лодки пришлось сразу плавить – да и берег наш весь был заставлен пароходами и баржами, и как вода была малая, то лодки пришлось под китайской стороной проводить, да еще допреж того из-под сходней и из-за пароходов выручать. Нашли мы лодки без весел, и трудно мне было с одним веслом, которое в мои руки не упомещалось, да за две версты их доставлять, а оттоля пешком по камням идти.

Как кончила я эти лодки, то с усталости, с разбитою душою хотела на берег подняться, но тут встречаю человека, городоваго, который мне кричит:

– Мадам Юдина, вы не доставили еще самое главное: шаланды от старого товарищества к новому!

Тут силы ко мне снова возвратились, бодрость меня проняла, потому увидела я, что полезной оказалась для Руси матушки: пошла я назад и принялась за работу.

Тяжело достались мне эти шаланды. Давай мы их из-под сходней пароходских, да из-за баржей выручать, но достигли свое число и связали три шаланды вместе. Оказался в одной шест корявый, отколотый, да два весла, толсты больно по рукам мне были. Скажу прямо, в теперешнее время не хватило бы у меня ни силушки, ни волюшки, ну а тогда откуда что бралось, сама себе дивилась.

Пули все кругом, как пауты (сибирские большие оводы. – *Примеч. автора*), жужжали, но все же кое-как справлялись мы, хотя из сил совсем стали выбиваться. Поляк, что со мною был, говорит:

– Ой, пани, не уйдем отсюда живыми!

В это время просвистела пуля и ударилась в нашу лодку. Тут, помню, я сказала:

– Летите вражеские пули мимо, а не в нас! – нагнулася, подняла пулю и положила ее в карман.

Ох, как тяжело перечувствовать опять все то, чему

очевидицей пришлось быть! Опять мимо ушей у меня пули просвистели, и ветер поднялся вдруг и погнал наши лодки назад. Все же выбрались мы из-за пароходов и провели за губернаторский дом. Все веслами работали.

Но ветер стал опять осиливать, тогда я на ноги встала, взяла шест и им работать начала. В это время просвистела не роковая (когда я просил объяснить, как она понимает это выражение, Анастасья Исаевна сказала мне: потому не роковая, что попала, да не убила. – Примеч. автора) пуля и насквозь мое платье прохватила.

Подплывали мы уже к берегу, как опять в меня пуля. Помощник тут мой закричал:

– Ой, панушка, убили тебя!

А я подумала, что в него пуля попала, бросилась к нему и, осмотрев, увидела, что цел он и невредим. Он же мне говорит:

– Нет, это вас поранило.

Но тут увидели мы что у меня опять юбку прострелило. На берег то я пошла в женском платье.

Пока мы осмотром занимались. Нас течением назад снова понесло. Тут я опомнилась, схватила шест и начала от камня отбиваться. Ничего, справились кое-как. Стали лодки подводить, страшно неудобно было это из-за пароходов, а ружейный и пушечный огонь еще пуще продолжался.

Поторопилась я скорее к берегу пристать и хотела опереться шестом во дно реки, но он до дна не достал: оказалось глубоко, и я вместе с шестом из лодки кувырнулась и пошла ко дну. Но Господь помог мне выправиться: я одной рукой за шест ухватилась, другою за лодку и впрыгнула на нее. Поляк меня тут подхватил и втащил.

Опять стала я вновь работать. Руки мои тряслись, и вся я изнемогала, к тому же жара и духота страшная стояли, но Бог помог добраться до назначенного места.

Соскочила я с лодок на берег, но не могла удержаться на ногах и, как сноп, свалилась на землю и пролежала так несколько минут. Тут поляк мой на меня водой побрызгал и в чувство привел, а как опомнилась я, стал со мною прощаться, руку мне поцеловал и сказал:

– Прощай, милая пани, останемся мы с тобой теперь навсегда товарищами.

Расчувствовалась я, заплакала, пожала ему дружески руку и пошла потихоньку в гору к ложементам. И так разстроившись я была, что позабыла у товарища моего, что меня в беде не оставил, фамилию спросить, так с тех пор его и не видела. Не знаю, кто он был и что с ним сталось.

Не успела я подняться, как по волосам меня пуля задела и ранила неподалеку от меня какого-то добровольца. Подошла я к раненому, осмотрела рану, и пособила ему руку платком перевязать, после чего с усталою душою отправилась к ложементам.

Когда я с ними поравнялась, все офицеры, казаки и добровольцы закричали мне «ура» до трех раз, и сказали:

– Да здравствует наша Сибирь, нашими русскими сильными женщинами!

В это время подошел ко мне офицер, господин Золотарев и, взяв меня с пожатием за руку, сказал мне:

– Честь и хвала вам, что сумели постоять за Царя и Отечество!

И снова «ура» раздалось, а он, обратясь к добровольцам, сказал:

– Вот вам, ребята, пример, как женщина за родной город постояла, так как же нам-то его не защитить!

Отдохнула я немного в ложементе и отправилась домой. Прохожу мимо Чуринскаго дома и опять на ту самую толпу наткнулась, что делать ничего не хотела, стоя за каменными стенами, а надо мною посмеяться сумела.

И опять они стали издеваться: «Ишь как ее лодки вином напоили, что едва идет!» Действительно, я на пьяную была похожа, потому вся в песке, в глине вывалялась, платье на мне, хоть выжми, а устала так, что еле плелась. Поневоле за пьяную сойдешь, когда я целых полторы сутки была не евши и такую массу лодок сгруппировала против воды на расстоянии не меньше двух верст.

Слушала я все эти пошлости и насмешки людския, но не до них мне было: все думала о малютках своих, не случилось ли чего с ними. Но все же от этой брани я поскорее в пустую улицу свернула. Здесь тишина была, и кругом мертво, только и слышны были свист от китайских пуль и гул от пушек наших и китайских.

Добралась я до перваго попавшегося тротуара и присела отдохнуть, а сердце так бьется, как будто выскочить хочет. Тут я испугалась: неужели надсадилась. Ну что ж, за это, что мне пришлось, и умереть не грех! Подумала я, и снова ко мне бодрость вернулась; поднялась я и скорыми шагами направилась к дому.

Надо было торопиться, чтобы отдохнуть, на деток взглянуть, да в мужской костюм переодеться и отправиться на ночь в ложемент, чтобы враги наши не подкрались ночью на нашу сторону.

С этой думой добралась я до своей улицы и вижу, что перед домом моим толпа народу собралась. Опять сердце мое надорвалось, и ноги у меня подкосились, подумала: «Верно, несчастье какое у меня случилось: может, деток моих убило!»

Добежала я кое-как, гляжу, какие-то оборванцы, человек около сорока, ломятся в ворота и кричат:

– Отворяйте! Вы запрятали китайцев!

А некоторые голосят:

– Бейте окна! Рубите двери!

Тут я подхожу и говорю:

– Господа, что вам угодно? Здесь китайцев нет, я хозяйка дома и я в том ручаюсь.

Тут из толпы послышались голоса:

– Она все врет! Убить ее, убить!

Тот со страхом смертным поклялась я, что сейчас ворота откроют.

– Только не бейте меня, – говорю. – Пожалейте деток моих малых!

Из толпы послышались голоса:

– Пусть откроют ворота, тогда увидим, есть ли у ней китайцы.

Пропустили меня к воротам, дала я три звонка по условию, только выходит Дуня моя, как полотно бледная, и едва молвит:

– Барыня, убить нас хотят, дети все перепугались, в амбар спрятались, а свекровь в печь на кухне со страху залезла.

– Но, что ты там толкуешь? Некогда нам тебя слушать, – закричали на нее, и вся толпа в калитку хлынула.

Кто-то завопил:

– Лжет она, безпременно у ней закрыты китайцы убитые, а деньги себе взяла!

После этих слов, кто на вышку бросился, кто в дом; стали разбрасывать вещи; тащить, что попало.

– Господа! Что вы делаете? – говорю, – Нет у меня китайцев!

А мне кричат:

– Но, но заговорила, не желаешь ли на штыке побывать!

Подумала я тут: нельзя говорить с этими зверями. Нет у них ни сердца, ни совести: воспользовались, что весь город опустел, собрались шайками под фирмой, что китайцев разыскивают, да и грабить принялись.

Выскочила я из толпы в дом, схватила револьвер большой, вышла на крыльцо и говорю:

– Если не уйдете, негодяи, добром отсюда, буду стрелять, а живая не дам вам дом разорять, – и в этот момент выстрелила на воздух.

Тут крик поднялся:

– Колите ее штыками!

Тогда я Дуню в комнату втолкнула и вскричала:

– Чья нога сюда ступит, из окна застрелю на месте!

Только на это из толпы голос раздался:

– Пойдем, ребята, мы еще у ней побываем, поищем китайцев лучше, – и толпа вся с бранью хлынула к воротам.

Набралась тут я вольнаго духа, спустилась с крыльца, задвинула заложку у ворот, вернулась в комнаты, и тут уже силы меня совсем оставили. Упала я на пол и стала плакать как малый ребенок.

Тут дети ко мне прибежали, тоже плачут:

– Мамочка, ты жива, тебя дяди эти били или нет?

Я не в силах была даже им ответить, а все думала: «Боже, за что ты кару такую на меня напустил?» Тут скоро Дуня мне встать помогла, до спальной довела и стала с меня мокрое платье стаскивать и ботинки лаковыя, что я по камням все продрала.

И тут вдруг страшно стало мне, что муж долго не едет: он на приисках был. Кругом там тоже китайцев много, может, и там нападение сделали, и его в живых нет, и один пепел от народу русскаго остался!

Тут со мною бред сделался и всю ночь продолжался; заснула я немного под утро, слышу, сквозь сон, подходит ко мне свекровь и говорит:

– Тебя к начальству требуют! – а я ни рукой, ни ногой пошевелить не могу, так меня эти лодки отделали: живаго места нигде нету.

– Дай мне, – говорю, – чаю испить.

А она в ответ:

– Немедленно велено явиться в контору водяных сообщений.

Кое-как поднялась я, умылась, и говорю:

– Хотела послужить городу, доброе дело сделать, а оказывается, меня еще под суд отдадут! – так мне это, что меня позвали, с устатку страшным показалось.

Натянула я кое-как перчатки на руки и отправилась. В конторе меня белая, как луна, дама встретила и спрашивает:

– Вы мадам Юдина?

Я отвечаю:

– Точно так.

– Вы – героиня всего нашего амурскаго края!

– Чем могу служить? – ответила я.

Тут еще какие-то дамы вышли, стали меня расспрашивать, ощупывать, похлопывать, на руки глядели, так что я уж уйти хотела, думаю, что я, лошадь, что ли?

Но тут одна барыня остановила меня, обняла, поцеловала и говорит:

– Погодите, вас спросить и записать все надо, – похлопала она меня по груди, и сказала, – Вы будете за свой подвиг Георгия на груди носить, и узнает вас вся Россия. Мы все, женщины, восхищаемся вами.

– Покажете нам руки ваши? – и стали стягивать перчатки.

Тут пузыри у меня порвались, и кровь брызнула; они платки тонкие повынимали и приложили мне к рукам. Тогда пришел г. Зиновьев и позвал меня в кабинет:

– Расскажите, как дело было? – говорит.

Тогда я ответила:

– Вы напрасно меня спрашиваете, потому сами все видели и пригласили лобки эти выправить – а сначала еще говорили, что женщин здесь не надо. Объясните мне лучше, зачем вы меня побеспокоили и требовали к себе: я совсем больна.

Тот извинился и сказал, что пригласил, чтобы записать и представить к награде. Занес он в книжку имя и звание, и говорит:

– До свидания, наша героиня, защищайте и впредь нас также храбро!

Попрощалась я с ним, иду по берегу, лежит везде народ в ложементах, некоторые роют еще. Я скорыми шагами направилась туда, где сама копала, посмотрела, а там занято. Пошла домой своих успокоить, прихожу и говорю:

– Меня с наградой поздравляли.

Посмотрела деток, мужчиной опять переоделась, взяла ружье, да хлеба кусок и пошла в ложементы, а Дуне наказала:

– Ежели опять какая-то опасность, беги ко мне, я стрелой прилечу, а пробуду там до полночи, потом приду вас проведать.

Отправилась на берег, досидела до ночи, луна вовсю светила, сходила домой. Дуня просит меня: отдохни хоть часок с нами. А я ей говорю:

– Ах, не толкуй мне об этом отдыхе: тогда он мне будет, когда нехриста победим, – и отправилась опять на всю ночь в ложементы.

Так продолжала я ходить еще с неделю, пока муж и брат не приехали и в то самое время, как я с войском на ту сторону Амура собиралась.

Но муж мне это строго настрого запретил, видя, что я едва хожу от всей войны этой. Ну, как муж жене – голова, то перечить я ему не посмела и на том свои дела военныя и прикончила!»

Подготовил Глеб МОРДОВЦЕВ

Амазонка с острова Путятин

Татьяна КИРПИЧЕНКО

На Дальнем Востоке в дореволюционном прошлом было немало людей, оставивших свой особый, неповторимый след в истории далекой окраины Российской империи. Среди них Евдокия Алексеевна Воронова, в девичестве Старцева. Знаменитая сестра милосердия в годы Русско-японской войны.

Дальневосточникам хорошо известно имя Алексея Дмитриевича Старцева – знаменитого приморского предпринимателя, мецената, страстного коллекционера, внебрачного сына декабриста Николая Бестужева. На острове Путятина он создал образцовое хозяйство в имении «Родное», где занимался коневодством и садоводством, животноводством и птицеводством, имел пасеку и разводил шелковицу, делал большие успехи в стекольном, кирпичном и фарфоровом производстве. В его семье было пять детей: две дочери – Елизавета и Евдокия и три сына – Николай, Дмитрий и Александр.

Младшая дочь Евдокия Алексеевна Старцева родилась в 1878 году в Тяньцзине, там прошло ее детство. Когда Д**у**ше (так ласково называли Евдокию в семье) исполнилось 18 лет, она уехала в Швейцарию получать медицинское образование. Из дома она отправилась со старшим братом Николаем, ехавшим в Москву поступать в коммерческое училище.

Через год, окончив учебу, Евдокия вернулась домой. В Нагасаки пришлось несколько дней ждать попутного парохода из Шанхая во Владивосток, и, наконец, радостная встреча на острове Путятина в знаменитом имении «Родное». Отец с матерью, тетя Надя (сестра матери Елизаветы Николаевны) с детьми, братья и сестра Лиза отлично провели лето на острове: гуляли, собирали грибы, купались, любовались цветущим лотосом. Душа, самая бойкая и озорная, была на редкость красивой, обаятельной девушкой. Великолепная наездница, она метко стреляла и характер имела решительный. Недаром братья Бринеры называли ее путятинской амазонкой, а один из них – Борис, в будущем отец известного актера Юла Бринера, даже сватался к ней. Часто сопровождая отца в деловых поездках, Евдокия изучила в подробностях остров и всей душой полюбила этот чудесный уголок дальневосточной земли.

Евдокия (Душа) Старцева. 1898

Здесь же, на острове, в 1898 году Душа вышла замуж. Свадьбу дочери А.Д. Старцева долго обсуждали во Владивостоке. Евдокия дружила с молодым человеком, который, был увлечен ею, но она не отвечала взаимностью. Историограф декабристов В.В. Бараев писал: «…Матери он приглянулся… И когда он сделал предложение, мама сказала: «Выходи за него, Душенька, не будет тебе лучшего мужа…». В назначенный день на остров съехалось множество гостей. Жених приехал со своим другом – уже немолодым офицером Вороновым. Он только что прибыл откуда-то из России, многое повидал, человек бывалый, веселый и холостой. Увидев друга жениха, Душа с первого взгляда влюбилась в него… Под венцом Душа оказалась

с… Вороновым. Ей как-то удалось убедить всех, в том числе и маму, и жениха, что это – судьба».

После свадьбы молодые отправились в свадебное путешествие, а потом к месту службы Воронова. Душа сильно скучала по родным и в 1899 году приехала с мужем в Тяньцзинь к отцу. Как потом оказалось, это была последняя встреча близких. Алексей Дмитриевич Старцев скончался в 1900 году во время Боксерского восстания (восстания ихэтуаней) в Китае, узнав, что в огне погибли его богатейшая этнографическая коллекция и бесценная библиотека.

Вскоре началась Русско-японская война, и Сергея Воронова (по другим источникам П.П. Воронова), командира Приморского драгунского полка, направили на передовые позиции в Маньчжурию. Евдокия была рядом с ним. К тому времени она уже имела большой опыт выхаживания раненых. Свои медицинские знания, полученные в Швейцарии, она применила во время военных действий в Китае (восстание ихэтуаней 1900–1901 годов). На фронте она была ранена и получила военную награду. Высоко ценили Евдокию Воронову и как непревзойденного переводчика с китайского языка. Дмитрий Янчевецкий, корреспондент газеты «Новый край» во время Боксерского восстания в Китае, в своей книге «У стен недвижного Китая» (СПб.: Порт-Артур, 1903) писал: «Госпожа Воронова, дочь известного русского деятеля на Дальнем Востоке и китаиста Старцева, с детства говорящая по-китайски, владеет китайским языком в совершенстве. Если бы она пожелала произнести в Петербурге речь на китайском языке, она затмила бы весь Восточный факультет безукоризненной чистотой и красотой произношения, знанием духа языка и богатством выражений. Полковник Воронов неоднократно пользовался ее услугами в качестве переводчицы при сношениях с генералом Не Ши Ченом, который говорил, что редко встречал иностранцев, которые бы так блестяще владели китайским языком, как эта русская лингвистка. Было бы очень жаль, если бы русская наука нисколько не воспользовалась ее знаниями в этой сфере, в которой еще так мало знатоков и работников».

Во время Русско-японской войны о знаменитой медсестре Е.А. Вороновой, имевшей военную награду, писали многие корреспонденты, освещавшие события «на театре военных действий». Журналист и писатель П. Краснов сообщал читателям: «Жене командира Приморского драгунского полка, Е.А. Вороновой, бывшей во время беспорядков в Китае сестрой милосердия в Тяньцзине и раненной там, пришло в голову создать, на свой счет, такой легкий транспорт, который мог бы следовать сзади кавалерийского полка до самого места атаки и, подобравши раненых, доставлять их до ближайшего лечебного заведения, или специального транспорта. Мысль эта встретила сочувствие, и Государыня Императрица Александра Федоровна пожертвовала на оборудование этого транспорта 10 000 рублей. В транспорте 14 двуколок, из которых десять оборудованы для перевозки больных и раненых, двух – лежа, или четырех – сидя, а четыре везут медикаменты, перевязочные средства и питательные припасы. Исполнителями и создателями этого транспорта явились, прежде всего, сам командир полка, начальник нестроевой команды поручик Квитко и капельмейстер г. Браун, но душой его, человеком, давшим ему жизнь и движение, была его основательница – сестра Воронова».*

В имении Старцевых «Родное» на острове Путятин

Евдокия Старцева в юности

В книге «Год войны. 14 месяцев на войне: очерки русско-японской войны с февраля 1904 года по апрель 1905 года». (СПб., 1905. Т.1) П. Краснов с восхищением вспоминал о встрече с Евдокией Вороновой: «Это была какая-то необыкновенная сестра. Именно «барыня», а не сестра. Все ее спрашивали, всем она распоряжалась. Худенькая и стройная, молодая, загорелая, с изящными манерами, такая чистая несмотря на окружающую ее обстановку, с русыми кудрями, выбивающимися из-под косынки и шляпы, с темными соболиными бровями, тонким носом и ясными глазами, полными страдания, – она как-то сразу запечатлевалась в памяти цельным образом. Одна душа, казалось, в ней оста-

* В цитатах частично сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

Транспорт сестры милосердия Евдокии Вороновой (Старцевой)

Евдокия Воронова (Старцева) во время Русско-японской войны

лась, тело исчезло, так исхудала и так невещественна стала она. Поддержанная молодым драгуном, георгиевским кавалером, она легко и ловко вскочила в седло. Транспорт из 10 двуколок, запряженных каждая парою мулов, тронулся и стал вытягиваться по дороге. Я наблюдал за нею и за ее солдатами. Между ними установилась какая-то особенная дисциплина, основанная на уважении с одной стороны и любви и заботливости с другой. Ее спокойная рассудительность в рискованные минуты, ее мягкая настойчивость и твердая воля с железной энергией, заслужили ей такое уважение и веру этих людей. Они и не бранились при ней. Быстро и смело делали они свое дело, только изредка, когда трескотня японских ружей станет ближе, поглядывая на свою барыню... И по глазам и по одобрительным взглядам видно, что они ее, свою барыню, не выдадут, умрут, а вызволят, изо всякой беды выручат»… «Ей бы полководцем быть, а не женщиной, говорит мой спутник [штабс-капитан фон-Адеркас] – смотрите, сколько физической силы в этом маленьком и таком воздушном теле! Одна душа. Да, глядя на нее невольно уверуешь, что тело немощно – это не беда, был бы дух бодр.

– Кто эта сестра? – спросил меня Адеркас. – Вы с ней знакомы? Сестра с глазами Васнецовского ангела...

– Да, я знаком с нею... Давно знаком. Еще в залах Зимнего дворца, на блестящем придворном балу, молодой полковник подвел меня к стройной красивой блондинке, в бальном туалете, с георгиевской медалью на корсаже, и сказал мне: «Это жена моя». Она вскинула на меня свои глаза и ничего не сказала. С тех пор мы не видались и вот когда и как встретились... Это Евдокия Алексеевна Воронова с транспортом «Красного Креста» Приморского драгунского полка».

Самоотверженное служение Евдокии Алексеевны Вороновой отмечал и корреспондент газеты «Русское слово» В.И. Немирович-Данченко: «Маленькая, худенькая, очень изящная… У нее Георгиевская ленточка в петличке. Один раз я ее только и видел с нею. Обыкновенно она этого не носит. Получила за китайскую войну… Большие черные глаза – даже не черные. Черные всегда невыразительные, а в этих и глубина, и вопрос, и тоска о чем-то… Голос тихий и нежный – в сердце стучится. Такой бывает только у очень хороших женщин… Русская почва никогда не оскудевала святыми и самоотверженными сестрами… Я ее видел 31-го мая, 1-го июня, вторично – в злополучную бойню под Вафангоу – верхом, по пути в перевязочный пункт, у носилок раненого, у гроба умершего. Она не покладала рук, голодная, утомленная, измученная! Где только она брала силы, откуда они являлись к ней?».

О том, как сложилась жизнь Евдокии Вороновой-Старцевой после окончания Русско-японской войны, сведений очень мало. Известно, что она жила с мужем-генералом в Туркестане, затем в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны она одна оказалась в Сербии, в городе Груже, и уже никогда не вернулась в Россию. Судьба не баловала Евдокию Алексеевну. Об этом можно судить по письму, которое она написала в сентябре 1924 года своей тете Н.Н. Будылиной: «Ты не можешь представить себе, как угнетает мысль о том, что через некоторое время окажешься снова на улице, без гроша, и с сильно подавшимся здоровьем… Крылья подрезаны, ничего не можешь… Говорят, жизнь в России налаживается. Может, скоро и попадем на родину, иначе не хочется и заглядывать в будущее… Авто теперь заменяют наших былых лошадей, хотя я никогда не променяла бы хорошую лошадь на машину».

Путятинской амазонке так и не удалось побывать на любимом острове, но имя ее не забыто на Дальнем Востоке. Память о замечательной русской женщине сохранили книги, в которых мужчины преклоняются перед мужеством и тихим героизмом Евдокии Алексеевны Вороновой (Старцевой) – истинной внучки декабриста.

Фото из архива Дальневосточной государственной научной библиотеки

Благо творящая

Искусствовед Валентина Старикова

Экслибрис В.Г. Стариковой. Художник Николай Холодок

Валентина КАТЕРИНИЧ

Годы жизни хабаровского искусствоведа Валентины Гавриловны Стариковой – 1914–1999. В далеком 1964-м довелось мне писать для «Молодого дальневосточника» статью к 50-летию Стариковой. Уже тогда было понятно, что она, человек-невеличка непрезентабельного вида и неисчерпаемого вдохновения, совсем не похожа на строго академического «веда», к которому иронически обращался Маяковский: «Профессор, снимите очки-велосипед!». Как человек, как искусствовед она прожила жизнь, девизом которой были любимые ею строки Пастернака:

Жизнь – ведь это только миг,
Только растворение
Нас самих во всех других,
Как бы им в дарение…

Теперь, в канун 100-летия Стариковой, масштаб ее личности и ее вклад в общее дело видятся куда значительней. Повторю с полной убежденностью вслед за художником Александром Лепетухиным: «Роль Валентины Стариковой недостаточно оценена. А ведь в ее лице дальневосточная культура получила эталон вкуса».

Импульс к написанию этих заметок пришел не столько от личных воспоминаний (я имела честь быть другом Валентины Гавриловны), сколько от перечитывания переписки В.А. Фаворского и В.Г. Стариковой. Это эпистолярная нить, связующая в единое культурное пространство Центральную и дальневосточную Россию. Чем не довод в пользу вышесказанного?

Переписка с Фаворским

О чем была эта переписка великого графика и книжного иллюстратора, лауреата Ленинской премии Владимира Андреевича Фаворского (1886–1964) с его бывшей ученицей Стариковой в начале шестидесятых? «На днях получил письмо от Вали Стариковой. Ей поручили в Хабаровске сочинить обо мне передачу по телевизору. Просит совета. Кое-что посоветовал, но в письме трудно… Но одно, что она обо мне думает – уж очень в грандиозном плане» (из письма Фаворского В.Н. Вакидину).

В интересах читателя приведу некоторые выдержки из писем художника:

«Насчет Вашего вопроса я думаю, что и Вы, и все немного преувеличивают о моей мудрости и т. д… А я думаю, что некоторое достоинство в моем искусстве состоит в том, что оно захватывает и мысли, и чувства, и ремесло. Когда я начинал, то гравюра была необходима как хлеб…»

«То, что Вы пишете о передаче, все очень интересно. Я вообще считаю, что когда речь идет обо мне, мне трудно судить, а тем более вмешиваться. Главное, чтобы было тактично и со вкусом, а Вашему вкусу я вполне доверяю…»

«Очень приятно получить от Вас письмо, и тогда представление о Хабаровске совсем меняется. Как всюду разбрасываются семена нашей школы…

P.S. Между прочим, я когда-то для детской энциклопедии гравировал Хабарова. Она не бог знает что, но посылаю ее Вам в Хабаровск».

В примечаниях к этому письму сообщается, что в 1953 году Фаворский сделал для Детской энциклопедии три гравюры: «Ломоносов как географ», «Землепроходец Ерофей Хабаров», «Подвиг Г.И. Невельского». Все они первоначально напечатаны в пробном томе Детской энциклопедии в 1958 году. О судьбе присланных в Хабаровск надо спросить у сотрудников нашего Дальневосточного художественного музея… А в письме Стариковой от 30 апреля 1961 года великодушный Фаворский делает такое предложение:

Валентина Гавриловна Старикова

В.А. Фаворский

«Валя, я вот что подумал, ведь у Вас в Хабаровске есть, наверное, музей. Тут недавно была очень хорошая выставка К.Н. Истомина, и все эти вещи принадлежат институту Сурикова, т. е. никому, и там к ним относятся очень скверно. Очень важно не возвращать туда же эти вещи. Не мог бы Хабаровск затребовать что-нибудь. Это бы стоило копейки. Тем паче, что оценено как холст. Подумайте об этом. Если музею нужны мои работы, то я мог бы прислать. Но это не к спеху, а вот с Константином Николаевичем, если бы можно устроить, то было бы хорошо…»

В указателе имен в двухтомнике воспоминаний и писем Фаворского сказано: «Старикова Валентина Гавриловна (род. 1914) – советский искусствовед и график. В 1932–39 годах училась в Институте изобразительных искусств у Павлинова, Родионова, Истомина и Фаворского. С 1948 года живет в Хабаровске». Итак, ее личная и творческая жизнь разделилась на два периода: в Москве и далеко от Москвы.

В Москве

Вообще-то родным городом своего детства Старикова считала Борисоглебск Воронежской области. Отсюда родом и ее предки, простые труженики. Мама Вера Матвеевна – учитель русского языка, опора семьи, человек долга. Отец Гавриил Степанович – человек общительный и эмоциональный, руководствовался в своих поступках больше интуицией, чувством нравственной красоты и справедливости, чем пользой, выгодой, здравым смыслом (так она пишет о нем в «Страницах жизни»). Его жизнь была полна непредсказуемых поворотов. Так, закончив школу прапорщиков, Стариков был назначен командиром штрафного кавалерийского батальона. Вскоре эскадрон был переведен в Петроград, и семья в телячьих вагонах отправилась в путь. Здесь большую роль сыграл в судьбе Стариковых Дмитрий Степанович Фурсиков, выпускник Военно-медицинской академии, ученый-физиолог, ученик и помощник академика Ивана Петровича Павлова. Когда Стариков демобилизовался и стал безработным, друг Фурсиков поручил ему организовать базу для выращивания животных, предназначенных для медицинских опытов. «Папа нашел знаменитые теперь Колтуши и был их первым директором». В распоряжении девочки Стариковой было около сотни щенят, она вспоминала о них под конец жизни с симпатией и состраданием. Так что не только великий Павлов, но и рыжий фокстерьер Икар остался в копилке памяти. Ей повезло на встречи с хорошими людьми и хорошими животными.

В 1927–1928 годах был переезд в Москву, где Стариков стал работать ассистентом Фурсикова в Институте мозга. Новая обстановка, новые друзья. В московской школе Валентина Старикова приобрела друзей на всю жизнь: здесь учились дети комиссара МИД М.И. Литвинова Татьяна и Михаил, будущий дирижер Кирилл Кондрашин, а самыми задушевными подругами стали Таня Айзенман и Люба Фейгельман (о последней есть знаменитое стихотворение Ярослава Смелякова «Любка Фейгельман», в нем отразился молодой задор тех лет). Но больше всего Старикова любила поэзию Пастернака, ей посчастливилось не просто читать его стихи, но слушать их вживую. Замечательный словесный портрет поэта остался на «Страницах жизни».

«Его рокочущий голос был рокотом волн, это была музыка, он мог читать бесконечно, столько, сколько хотелось его слушать, даже для пяти-шести человек. Уже будучи студенткой, я с ребятами рвалась на его выступления в Политехническом музее. Он бросал сцену и прибегал со слезами на глазах к администратору, говоря, что не может читать, если не пускают его поклонников. И нас пускали. Без билетов, без мест, мы сидели на ступеньках лестниц. Любовь к его поэзии согревает меня до сих пор, доставляя наслаждение, как и поэзия Пушкина, Лермонтова и Тютчева» («Страницы жизни»).

На руках у отца и рядом с мамой. 1916 – 1917

Судьба сложилась так, что интересы Стариковой сосредоточились на изобразительном искусстве. Во-первых, еще школьницей-пионеркой она попадает в Музей им. Пушкина… в качестве экскурсовода. Да, был такой модус в те времена – приглашать пионеротряды в помощь музею в работе над выставкой Древней Греции для детей. Там приглашенных пионеров просвещали насчет мифологии, истории и искусства античности. Во-вторых, после окончания школы Стариковой не удалось поступить в геологический техникум ввиду отсутствия рабочего стажа. А как раз в это время для таких неприкаянных были организованы музейные курсы,

Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Валентина Старикова (на фото слева) ведет экскурсию. 1931

на которых преподавал, между прочим, Борис Заходер. «Валя, а ты почему не рисуешь?» – обратился к ней однажды Андрей Дмитриевич Гончаров, художник.

«Я начала рисовать. Надо мной стоял столбом пар от усердия, карандаши ломались, бумага протиралась до дыр, а рисунок расползался» («Страницы жизни»). И вот в 1932 году Стариковой удалось поступить на графический факультет Полиграфического института. А это бывший ВХУТЕМАС, то есть «Школа живописи, ваяния и зодчества», в которой когда-то учились Бурлюк и Маяковский, а преподавал Леонид Пастернак.

Об этом стихи Бориса Пастернака из поэмы «Девятьсот пятый год»:

Мне четырнадцать лет.
ВХУТЕМАС
Еще школа ваянья.
В том крыле, где рабфак
Мастерская отца

В 1923–1926 годах ректором ВХУТЕМАСа был В.А. Фаворский, потом профессор Полиграфического института.

Главной удачей своей судьбы Старикова считала то, что ее учителем был Владимир Андреевич. Эта школа осталась с ней навсегда – и когда она занималась живописью, и когда, оказавшись на Дальнем Востоке, отложила кисти и стала искусствоведом. Фаворский внушал своим ученикам: надо жить для высокого искусства и для людей, но никогда для себя. Похоже, что это, казалось бы, утопическое требование Старикова обратила к себе и подтвердила своей жизнью. Те, кто ее помнит по Хабаровску, подтвердят, что она была человек-бессребренник; а поэт Виктор Ерашенко не без восхищения назвал ее «интеллигент в драной юбке».

Одновременно со Стариковой учился в институте сын Фаворского Никита, который погиб на фронте в 1941 году, он был добровольцем ополчения и «личностью недосягаемой духовной красоты», как пишет о нем соученица.

Конец 1930-х и начало 1940-х были насыщены бурными, порой трагическими событиями для Стариковой, для всех. Преддипломная практика в Средней Азии, рождение сына Дмитрия, возвращение в Москву, трудные условия жизни. С началом войны стало еще труднее. Рассказывая о Москве военной, Старикова перечисляет места работы: «Союзмультфильм», мастерская «Окон ТАСС», сопровождение выставок. Были поездки в Петушки, куда Валентина Гавриловна привозила хлеб и продукты отцу, сестре Марине и сыну Мите, находившимся там. Был страх: возьмут ли немцы Москву? По счастливой случайности не попала под взрыв пятисот-

килограммовой бомбы, брошенной в Московский городской комитет партии. Приходилось работать по 14 часов, питаться костным бульоном и вздутыми консервами. И все же люди не сдавались.

Вот картинка из «Страниц жизни». Московский парк культуры и отдыха, лето 1942 года. Встретились Старикова и натурщица Осипович. «*С высоты в мареве дыма и пыли была видна военная Москва. Невдалеке, вокруг разбомбленного дома, валялись исковерканные железные кровати на керосинках и примусах, стоящих на табуретах, варилась каша для детей, а Осипович жаждала позировать художникам. «Ну, давайте карандаш и рисуйте меня»*… Между прочим, ее писал для своих картин Дейнека.

В Хабаровске

В голодное послевоенное время Валентина Гавриловна оказалась на Дальнем Востоке. Ей предложили «секретную» работу: распространение и продажу вышитых знамен разным организациям в регионах по цене в десять раз дороже себестоимости. Это была афера министерских чиновников, к которой Старикова, само собой, оказалась непричастна. Но главное – она хотела бежать из Москвы от той роковой довоенной любви, которая вновь встала на ее пути…

Случился новый поворот в ее жизни. По пути в Хабаровск на станции Ин в вагон вошел скромный железнодорожник Александр Ботченко, ее будущий муж. «*Интересно, что именно в это тяжелое время, когда нельзя было досыта есть хлеба, когда покупая картошку, я брала самую резаную и гнилую, которую часто мне отдавали даром, наша семья была самой крепкой, самой счастливой. Мой муж был для меня всем: и кормильцем, и защитником, и самым любящим на земле человеком*», – вспомнит она в конце жизни. В Хабаровске родились и выросли две дочери Галя и Нина, потом пошли и внуки. Валентина Гавриловна, человек удивительной энергии и нескудеющей силы (по Тютчеву), сумела и семью взрастить, и искусству послужить, как ни сложно это было совмещать целых полвека. Кисти она засушила, но пропаганда искусства стала делом ее жизни.

Послевоенные годы. Начало работы в Дальневосточном художественном музее

С художниками Валентином Степановым (слева) и Евгением Короленко. 1970-е

Перечитаем ее первые впечатления от Хабаровска. «*Хабаровск сразу же мне понравился обилием зелени, воды, планировкой этих прямых, параллельных улиц. Главные улицы бежали и, как сестры, перекликались друг с другом. С одной на другую было видно каждый дом и небо. Это было как-то торжественно. Мне показалось, что здесь очень много красивых людей. Смесь самая разная: Азия, Европа, тут были и тюркские, и монгольские лица, и евреи, и славяне, и прибалтийцы. Но нанайцы, японцы и китайцы – это было только здесь. Они еще больше обогащали эту красочную картину. Хотя обилие всех этих типов естественно. Это были следы переселения народов. Надо сказать, что талантами наш город тоже не был обделен. Много было людей одаренных, ярких…*»

И действительно, таких людей Валентина Гавриловна встретила в Хабаровском художественном музее, который располагался тогда в здании бывшей синагоги на улице Фрунзе. Директором был интеллигентный и гуманный человек Иван Васильевич Туркин; он терпеливо учил коллектив музейному делу и создал в музее прекрасную атмосферу, в которую Старикова вписалась легко и естественно. Музей стал местом встречи просвещенных людей, здесь Валентина Гавриловна познакомилась с художниками Павлишиным, Федотовым, Степановым, с литераторами Ивановым, Добровенским. Писатель Всеволод Никанорович Иванов любил бывать в музее, причем не столько рассказывал, сколько слушал. А

Фото из архива автора

Справа налево: В.Г. Старикова, Дмитрий Стариков, В.Н. Катеринич, внучка Валентины Гавриловны Оля. Хабаровск, 1970-е

Валентине Гавриловне было что рассказать (ее в шутку иногда величали Валентина Говориловна).

Как она сама вспоминает, большую поддержку оказал ей Иннокентий Алексеевич Горбунов, художник и большой патриот Дальнего Востока. Они вместе ездили по селам, смотрели работы местных мастериц, Старикова постигала искусство аборигенов и сказала о нем тоже. По совету Горбунова, в начале шестидесятых она написала книжку «Художники Приамурья» и стала членом Хабаровского отделения Союза художников по секции искусствоведения.

Может показаться, что биография Стариковой складывалась как некая идиллия. Но это не так. Современному читателю надо напомнить, что в советские времена идеологический прессинг разной степени жесткости по отношению к художнику существовал всегда. Причем цензура была внешняя и, что страшнее, внутренняя.

«Искусствоведы в штатском» тщательно выискивали в произведениях творцов крамольные моменты, т. е. антисоветчину. Так, книгу Стариковой «Художники Приамурья» долго тормозили, изучая под микроскопом. Но Старикова никак не могла быть антисоветчком, она была искусствоведом в советское время. Она могла прочесть лекцию на тему «Образ Ленина в изобразительном искусстве» так, что слушатели не могли оторваться, потому что это был блистательный анализ художественных особенностей каждого из авторов живописной ленинианы (да, была такая).

Она была светлый вдохновенный человек. Повторю формулу А. Лепетухина: «Ее профессией было восторгаться тем, что она действительно любила. Причем на своих лекциях она никогда не повторялась». Те, в ком сидел внутренний цензор, правоверные, но бездарные соцреалисты, относились к ней подозрительно, а то и с раздражением как к юродивой. Разумеется, она никогда не обижалась и не жаловалась, плохого слова ни о ком не сказала. Вот какого, не побоюсь этого слова, святого человека послала судьба в Хабаровск. Многое можно добавить к портрету душевного благородства В.Г. Стариковой, но статью пора заканчивать. Ограничусь беглым перечислением.

Помимо экскурсий в художественном музее она читала лекции (точнее, вдохновенные импровизации!) в школах, пионерлагерях, детских садах, в институтах – везде, куда позовут. Побывала во всех городах Дальнего Востока, плавала на агитпароходе по Амуру, ездила по всем погранзаставам от Бикина до Аргуни. Она оставила системное представление о художественной жизни Хабаровска тех лет. Ее публикации, хоть и трудно, но доступны; они перечисляются в списке литературы (список, увы, неполный).

Больше всех писала она о двух художниках, хоть и не обласканных начальством при жизни, но истинно талантливых – об Алексее Матвеевиче Федотове и Валентине Петровиче Степанове. Успела благословить талантливых молодых. Незадолго до смерти надиктовала для Хабаровского отделения Фонда культуры «Страницы жизни». На экземпляре, подаренном нашему графику Николаю Холодку, написала: *«Милому, мыслящему, серьезному художнику Н.И. Холодку, воспитаннику, как и я, благородных стен бывшей Школы живописи и ваяния, ВХУТЕМАСа – полиграфического института, с разрывом в 30 лет, с уважением на добрую память посылаю сей скромный труд. В.Г. Старикова. Август 1998 г.».*

«Страницы жизни» помечены как благотворительное издание. Жизнь Стариковой тоже была благотворительной, то есть творящей благо.

ИСТОЧНИКИ

Фаворский В.А. Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. – Москва, «Книга», 1900–1991 г.

Старикова В.Г. Художники Приамурья. – Хабаровск, 1964.

Старикова В.Г. Страницы жизни. – Хабаровск, 1998.

Старикова В.Г. Грани большого таланта (о А.М. Федотове). – Хабаровск, 2004.

Старикова В.Г. «Они любить умеют только мертвых» (о В.П. Степанове). – «Приамурские ведомости». 1995.

Старикова В.Г. Магический свет Степанова. – «Тихоокеанская звезда». 1996.

Лепетухин А.П. Такая короткая длинная жизнь (Памяти художника и искусствоведа В.Г. Стариковой). – «Тихоокеанская звезда». 2002. 28 февраля.

Хетагуровки, или Дальневосточницы – это звучит гордо

Любовь КРИВЧЕНКО

Валентина Хетагурова среди девушек в комиссии по приему хетагуровского призыва. 1938

У каждого времени свои герои. Или героини. В 1930-е годы в молодой Стране Советов происходили грандиозные события. «Время, вперед!» – такой девиз звучал повсюду. Дальний Восток того времени был гигантской новостройкой, где остро требовались руки молодых. Предстояло выполнить главную задачу – сделать восточную окраину страны индустриальной. И уже в 1932 году на берегу Амура, у села Пермского, высадились молодые строители, которым предстояло построить город юности – Комсомольск. Среди шести тысяч приехавших на дальневосточную стройку было всего около 30 женщин. Одна из них – 17-летняя Валентина Зарубина, прибывшая по мобилизации ЦК комсомола – впоследствии стала инициатором патриотического движения девушек на Дальний Восток.

Приехав в Хабаровск, Валентина и две ее подруги попросились на строительство важного объекта на берегу Татарского пролива. И хотя там было трудно – суровый климат, жизнь в землянках и палатках, непроходимая тайга, девчат не пугало, а манило все новое, неведомое. Вскоре Валентина Зарубина была избрана секретарем комсомольской ячейки строительного участка. Неутомимая и жизнерадостная, девушка организовывала субботники по вырубке леса, занималась с неграмотными, участвовала в постановке спектаклей, агитировала красноармейцев оставаться работать на стройках края. Здесь она познакомилась с будущим мужем – командиром Красной армии Георгием Ивановичем Хетагуровым.

В декабре 1936 года за добросовестный и самоотверженный труд Валентина Хетагурова была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а в 1937 году ее избрали депутатом Верховного Совета СССР. В феврале 1937 года газета «Комсомольская правда» опубликовала письмо жены майора ОКДВА Валентины Хетагуровой, в

Приезд хетагуровок 10 мая 1937 года в Комсомольск-на-Амуре

котором она обращалась с призывом к девушкам страны приехать жить и работать в Дальневосточный край, где особенно не хватало женских рабочих рук. «Приезжайте, девушки, к нам, на Дальний Восток!» – под таким заголовком «Комсомольская правда» напечатала обращение В. Хетагуровой к девушкам Советского Союза:

«Девушки! Сестры-комсомолки! К вам от имени молодых дальневосточниц обращаю свой призыв… Пять лет назад я стала дальневосточницей… Здесь открываются самые лучшие качества людей. Здесь умеют по-настоящему помогать товарищу, дружить и в радостях, и в невзгодах. Трудности сближают.

И вот, дорогие подруги, вместе со всеми дальневосточницами я зову вас приехать к нам. Девушки на Дальнем Востоке привносят в суровую и часто огрубевшую жизнь то, что облагораживает, поднимает людей, вдохновляет их на новые героические дела. Думаю, что найдутся сотни и тысячи из вас, которые захотели бы приехать работать на Дальний Восток.

…Нам нужны слесари и токари, учительницы и чертежницы, машинистки и счетоводы, конторщицы и артистки… Нам нужны просто люди – смелые, решительные, самоотверженные. Вас ждут замечательная работа, замечательные люди, замечательное будущее… Мы ждем вас, дорогие подруги!»

Эта весть облетела всю страну. На призыв откликнулись десятки тысяч девушек. Так вслед за стахановским движением в стране появилось и хетагуровское. Полетели тысячи ответных писем. За четыре дня – с 23 по 27 марта 1937 года – Дальневосточным крайкомом ВЛКСМ было получено 1 770 писем на имя В. Хетагуровой и секретаря Далькрайкома комсомола. Поступление корреспонденции увеличивалось с каждым днем. Письма писали девушки разных национальностей, и все они содержали одну просьбу – разрешить поехать на Дальний Восток. В документах Далькрайисполкома приведены такие данные: 10–11 сентября 1937 года поступило 30 писем, 20 сентября 1937 года – 23 письма, 21 сентября – 24 письма, 17 сентября – 19 писем… Списки эти бесконечны. Здесь же приводится и география писем: Киев, Брянск, Москва, Московская область, Харьков, Краснодар, Кривой Рог, Турткуль, Подольск, Удмуртия, Крым и др. Горячее желание поехать на Дальний Восток изъявили медработники, экономисты, пионервожатые, комсомольские и газетные работники, учителя, связистки, счетные работники, инженеры, летчицы, чертежницы.

Желающих оказалось так много, что для того, чтобы придать движению молодежи с самого начала организованность, в столице ими стало заниматься Дальневосточное представительство переселенческого отдела Далькрайисполкома и Совета уполномоченных по вербовке рабочих от крупных предприятий местной промышленности. На каждое письмо были даны обстоятельные ответы: разосланы открытки с вызовами для окончательного оформления и отъезда в Дальневосточный край. И, наконец, 8 апреля 1937 года с Ярославского вокзала москвичи провожали девушек, откликнувшихся на призыв Вали Хетагуровой.

А на Дальнем Востоке тщательно готовились к при-

ему молодежи. 20 марта 1937 года постановлением бюро Далькрайкома ВКП(б) была создана краевая комиссия по организации приема девушек-хетагуровок. Руководители краевых советских и хозяйственных организаций должны были представить заявки с указанием дефицитных профессий, а также оборудовать общежития на 30–40 человек в Хабаровске для временного размещения приезжающих девушек. Из документов Далькрайисполкома:

«…постановлением Далькрайисполкома было освобождено помещение Дома учителя для приема хетагуровок, был произведен ремонт этого здания.

На приобретение помещения для хетагуровок при Московском представительстве Далькрайисполкома было переведено телеграфом более 16 тысяч рублей.

Руководители всех советских, хозяйственных органов и промышленных предприятий обязаны были проверить состояние производственных и жилищно-бытовых условий хетагуровок, устранив имеющиеся недостатки и безобразия в деле».

Прибывших в далекий край девушек встречал в Хабаровске 3 мая 1937 года маршал Советского Союза и командарм ОКДВА В.К. Блюхер, а потом пароходами «Чичерин» и «Косарев» их доставили в Комсомольск-на-Амуре. Буквально через месяц (10 июня 1937 года) на имя секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина было отправлено письмо первостроителей города юности, и в нем особо был отмечен приезд хетагуровок: «Каждый день со всех концов нашей необъятной страны в Комсомольск приходят десятки писем от юношей и девушек, желающих вместе с нами строить самый юный в мире город. Недавно мы радостно встречали новый отряд строителей – 400 девушек, откликнувшихся на призыв дальневосточницы Валентины Хетагуровой и пожелавших работать в Комсомольске. За ними едут еще сотни молодых патриотов. Дела – горячего, увлекательного дела – хватит всем».

Перед строителями стояли трудные задачи, решить их нужно было в кратчайшие сроки. Девушки оставляли привычную работу, покидали родных, друзей, хорошо зная, что на Дальнем Востоке им придется заново устраивать свою жизнь. И что примечательнее всего – девушки не захотели оставаться в большом городе, а просились в самую глушь, туда, где люди нужнее и работы больше.

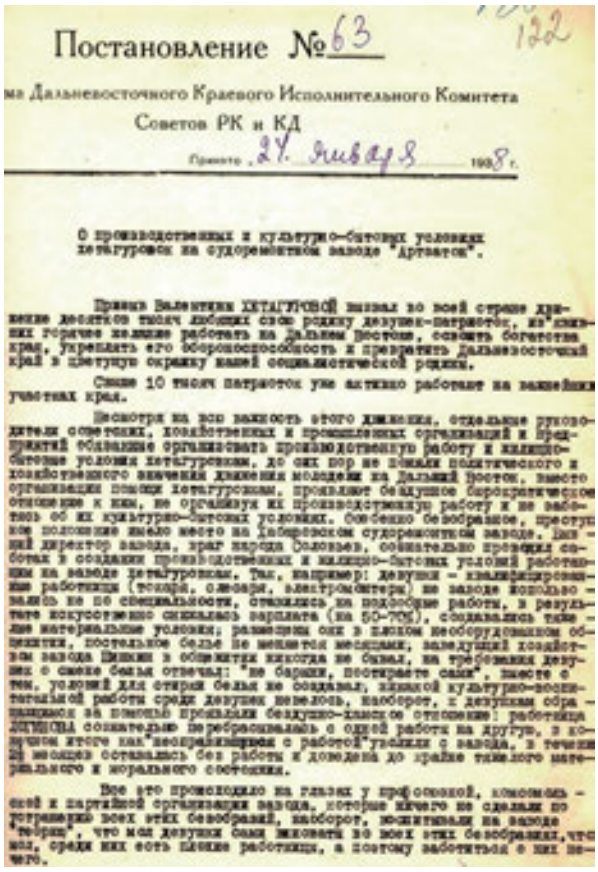
Но были и негативные моменты. Так, в постановлении Далькрайкома ВКП(б) «О хетагуровском движении девушек в Дальневосточный край» от 21 ноября 1937 года Бюро крайкома ВКП(б) отмечало, что «руководители хозяйственных организаций, директора заводов, руководители предприятий и учреждений не поняли политического и хозяйственного значения движения молодежи на Дальний Восток и до последнего времени проявляют бездушное, бюрократическое отношение к приему и устройству молодежи, приехавшей в Дальневосточный край по призыву В. Хетагуровой (директор Благовещенской бисквитной фабрики, начальники Уссурийского, Хабаровского и Амурского областного земельного управлений, управления Дальневосточной и Амурской железных дорог) – это является результатом того, что партийные и советские органы не руководят и не контролируют работу по приему и размещению хетагуровок, а также не проводят среди них массовой политической работы».

В течение двух лет только в Комсомольск-на-Амуре приехало почти 8 тысяч хетагуровок. Уже к осени 1937 года на Дальний Восток прибыли 11 500 комсомолок, в том числе 50 инженеров, 550 техников, 20 врачей, 400 медработников со средним специальным образованием, 140 агрономов, 300 зоотехников, 380 учителей, 800 культработников, 300 шоферов, 1 100 токарей, слесарей и электромонтеров, 1 100 счетных работников. Девушки направлялись в самые отдаленные уголки восточной части СССР, работали в школах, больницах, на корчевке тайги и валке леса, а также на рыболовецких промыслах.

Единый размер оплаты проезда прибывающим по призыву В. Хетагуровой был в среднем 1 тысяча рублей на человека, в нее входили оплата билета, провоз багажа, суточные в дороге и средства на первое время. Но было много и тех, кто приехал сюда за свой счет. Среди них ленинградки – револьверщица завода «Вулкан» Евдокия Гудкова, фрезеровщица Кошеварова, горьковчанка Нина Кащеева, из Черниговской области – учительница Феня Корж, из Курска – Лидия Березкина, Анна Крикина, Екатерина Павлова, пятеро из Москвы – Клавдия Яропольская, Анна Гальперина, Зоя Ноздрина, Мария Гладникова, Валя Копылова. Все эти девушки были ворошиловскими стрелками, значкистами ГСО, Яропольская – пилот-планерист. Им выдали путевки в Комсомольск-на-Амуре.

Группа девушек, ехавших из Москвы на Сахалин и Камчатку, перед отъездом встретилась с французским корреспондентом газеты. Узнав, куда собираются ехать девушки, он был очень озадачен. Что заставило их ехать в край бывшей каторги и ссылки? Не мог журналист объяснить это движение патриоток на Дальний Восток. Тысячи молодых парижанок мечтали проехаться в разгар лета на окраину Франции, на приморские курорты. Но, чтобы добровольно и надолго покинуть столицу, сменив ее на провинцию – нет, такого он не мог понять.

У советских людей хетагуровское движение вызывало гордость и восхищение. Весь жар души, силу молодости девушки отдавали освоению Дальнего Востока, по-хозяйски налаживая жизнь заботливыми женскими руками. Но приехавших хетагуровок ждали необычайные трудности, которые молодежь вынуждена была преодолевать порой без поддержки руководящих органов. В письме В. Хетагуровой о жилищно-коммунальном и культурно-бытовом строительстве от 11 мая 1938 года, направленном ею командующему войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, маршалу Советского Союза В.К. Блюхеру, затрагиваются проблемы обустройства молодежи, прибывшей в Комсомольск-на-Амуре: «Василий Константинович! Из года в год правительство на строительство г. Комсомольска-на-Амуре отпускает громадные средства, но эти средства также из года в год остаются неиспользованными… Всем известно, что подавляющая часть населения города – молодежь, приехавшая из промышленных и культурных центров нашей страны. Вполне естественно, что среди нее очень большая тяга к удовлетворению своих культурных запросов. Но существующие в городе условия и отсут-



Постановление №63

122

...ма Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета Советов РК и КД

Принято 24 января 1938 г.

О производственных и культурно-бытовых условиях хетагуровок на судоремонтном заводе "Артзатон".

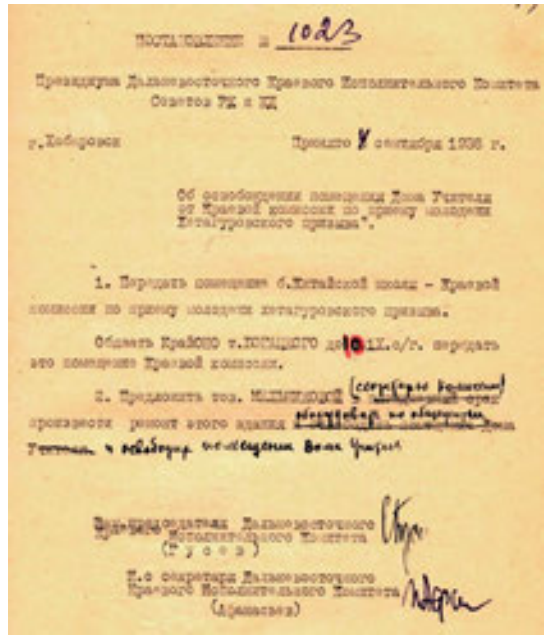
Призыв Валентины ХЕТАГУРОВОЙ вызвал во всей стране движение десятков тысяч любящих свою родину девушек-патриоток, из"явивших горячее желание работать на Дальнем Востоке, освоить богатства края, укреплять его обороноспособность и превратить Дальневосточный край в цветущую окраину нашей социалистической родины.

Свыше 10 тысяч патриоток уже активно работают на важнейших участках края.

Несмотря на всю важность этого движения, отдельные руководители советских, хозяйственных и промышленных организаций и предприятий обязанные организовать производственную работу и жилищно-бытовые условия хетагуровкам, до сих пор не поняли политического и хозяйственного значения движения молодежи на Дальний Восток, вместо организации помощи хетагуровкам, проявляют бездушное бюрократическое отношение к ним, не организуя их производственную работу и не заботясь об их культурно-бытовых условиях. Особенно безобразное, преступное положение имело место на Хабаровском судоремонтном заводе. Бывший директор завода, враг народа Соловьев, сознательно проводил саботаж в создании производственных и жилищно-бытовых условий работающим на заводе хетагуровкам. Так, например: девушки - квалифицированные работницы (токаря, слесаря, электромонтеры) на заводе использовались не по специальности, ставились на подсобные работы, в результате искусственно снижалась зарплата (на 50-70%), создавались тяжелые материальные условия; размещены они в плохом необорудованном общежитии, постельное белье не меняется месяцами, заведующий хозяйством завода Шишкин в общежитии никогда не бывал, на требования девушек о смене белья отвечал: "не барыни, постирайте сами", вместе с тем, условий для стирки белья не создавал, никакой культурно-воспитательной работы среди девушек невелось, наоборот, к девушкам обращающимся за помощью проявляли бездушно-хамское отношение: работница ЛОГИНОВА сознательно перебрасывалась с одной работы на другую, в конечном итоге как "неоправившуюся с работой" уволили с завода, в течение 2[illegible] месяцев оставалась без работы и доведена до крайне тяжелого материального и морального состояния.

Все это происходило на глазах у профсоюзной, комсомольской и партийной организации завода, которые ничего не сделали по устранению всех этих безобразий, наоборот, воспитывали на заводе "теорию", что мол девушки сами виноваты во всех этих безобразиях, что мол, среди них есть плохие работницы, а поэтому заботиться о них нечего.

Валентина Хетагурова среди девушек. 1937



ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1023

Президиума Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета Советов РК и КД

г.Хабаровск Принято 7 сентября 1938 г.

Об освобождении помещения Дома Учителя от Краевой комиссии по приему молодежи Хетагуровского призыва".

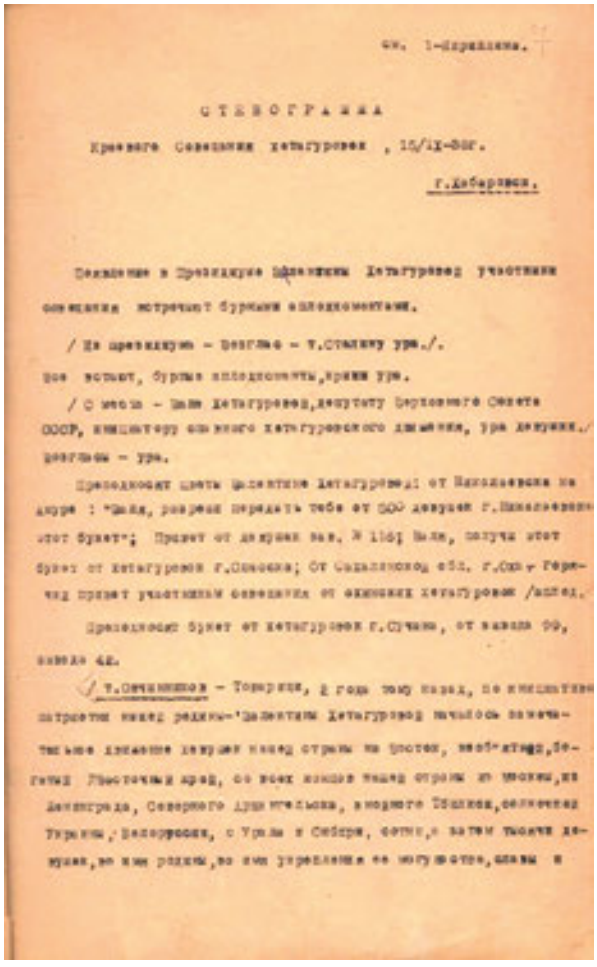
1. Передать помещение б.Китайской школы - Краевой комиссии по приему молодежи хетагуровского призыва.

Обязать КрайОНО т.ЛОГИНОВОГО до 10.IX.с/г. передать это помещение Краевой комиссии.

2. Предложить тов. МАЛЫШКОВОЙ (секретарю комиссии) произвести ремонт этого здания обязуясь по обязательству Дома Учителя и освободить помещение Дома Учителя.

Зам.председателя Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета (Гусев)

И.о секретаря Дальневосточного Краевого Исполнительного Комитета (Афанасьев)



см. 1-Ярослава.

СТЕНОГРАММА

Краевого Совещания хетагуровок, 15/IX-38г.

г.Хабаровск.

Появление в Президиуме Валентины Хетагуровой участники совещания встречают бурными аплодисментами.

/ Из президиума - Возглас - т.Сталину ура./.

Все встают, бурные аплодисменты, крики ура.

/ С места - Вале Хетагуровой, депутату Верховного Совета СССР, инициатору славного хетагуровского движения, ура девушки./ Возгласы - ура.

Преподносят цветы Валентине Хетагуровой: от Николаевска на Амуре: "Валя, разреши передать тебе от 500 девушек г.Николаевска этот букет"; Привет от девушек зав. № 116; Валя, получи этот букет от хетагуровок г.Спасска; От Сахалинской обл. г.Оха - Горячий привет участникам совещания от охинских хетагуровок /аплод./

Преподносят букет от хетагуровок г.Сучана, от завода 99, завода 42.

/ т.Овчинников - Товарищи, 2 года тому назад, по инициативе патриотки нашей родины-Валентины Хетагуровой началось замечательное движение девушек нашей страны на Восток, необъятный, богатый Восточный край, со всех концов нашей страны из Москвы, из Ленинграда, Северного Душангельска, вводного Тбилиси, солнечной Украины, Белоруссии, с Урала и Сибири, сотни, а затем тысячи девушек, во имя родины, во имя укрепления ее могущества, славы и

Валентина Хетагурова среди первостроителей и хетагуровок. Комсомольск-на-Амуре. 1972

ствие достаточного количества культурных очагов не в состоянии удовлетворить даже самой минимальной части потребностей молодежи.

В городе имеется только один клуб завода № 126 (ныне КнААПО. – *Примеч. автора*), который действительно можно назвать клубом. А два остальных представляют собой переделанные бараки на 170–200 мест.

В городе нет городского театра, дома обороны и физкультуры, парка культуры и отдыха, дома пионера и школьника. Аэроклуб находится в подвальном этаже бани. Таким образом, молодежь в нерабочее время предоставлена сама себе, в результате чего отдельные группы занимаются пьянством, хулиганством, имеет место несоветское отношение к женщине. Такая обстановка среди малоустойчивой части молодежи порождает нездоровые явления; так, например, только на одном 126-м заводе (главным образом среди девушек) имели место 9 случаев самоубийств… Поэтому, в первую очередь, обращаемся к Вам и просим поставить перед Совнаркомом СССР по культурному строительству следующие вопросы:

В 1938 г. начать строительство объектов: городской театр на 1 000 мест, дом обороны и физкультуры, дом пионеров и школьников. А также отпустить 100 000 руб. на продолжение работ по созданию парка культуры и отдыха».

Блюхер не оставил без внимания просьбу Хетагуровой. Проблемы отсутствия культурных учреждений были им затронуты в письменном обращении к председателю СНК СССР В.М. Молотову 13 июня 1938 года:

«В настоящее время в г. Комсомольске-на-Амуре свыше 60 тыс. чел. населения, но нет гортеатра, дома обороны и физкультуры, парка культуры и отдыха, дома пионера и школьника. Аэроклуб находится в подвальном этаже бани. Имеется только один клуб при заводе № 126 (Дзёмги).

…В результате отсутствия культурных учреждений молодежь предоставлена самой себе, что отчасти приводит к ряду отрицательных политико-моральных и бытовых явлений.

Прошу рассмотреть вопрос о строительстве г. Комсомольска-на-Амуре и …включить в план строительства 1939 г. по г. Комсомольску-на-Амуре:

а) городской театр на 1 000 мест; б) Дом обороны и физкультуры; в) Дом пионера и школьника; г) два родильных дома (в г. Комсомольске-на-Амуре и Дзёмгах); д) два детских комбината на 150–200 мест каждый (в г. Комсомольске-на-Амуре при заводе № 199 и Дзёмгах при заводе № 126). Теперь же отпустить 300 тыс. руб. на проектирование и подготовку строительства этих учреждений; 4) в 1938 г. отпустить 100 тыс. руб. на строительство парка культуры и отдыха».

Много трудностей пришлось испытать совсем юным искательницам приключений, неопытным и открытым, готовым к трудовым подвигам, но не готовым к будничной тяжелой работе. 15 сентября 1938 года в Хабаровске состоялось краевое совещание молодежи хетагуровского призыва, в котором приняли участие 214 делегаток.

Из выступления работницы завода № 126 г. Комсомольска-на-Амуре Илюшиной: «…Нас приехало в Комсомольск-на-Амуре 10 мая 1937 г. 400 девушек, 400 юных молодых сердец учащенно забились, когда мы подошли к Комсомольску. Встречи и прием, оказанные нам, воодушевили, но все же и несколько охладили наш первоначальный пыл. Нам казалось, что в Комсомольске мы должны увидеть не только дикую тайгу со зверем, но и полудиких людей, с которыми нам придется бороться...

…и вот 400 девушек приехали, но они не все одинаковые, не все воспитывались так, как одна и, кроме того, из них комсомольцев было 200 человек… Наши девушки поняли задачу, стоящую перед ними – сделать Дальневосточный край своей родиной, это наши девушки-хетагуровки поняли и этого они добиваются.

…с 1 января 1938 г. по 1 июля 1938 г., т.е. за 8 мес. в одном только Дземгинском районе г. Комсомольска-на-Амуре родилось 1 050 детей. Эта цифра изумительная, причем это в одном районе. А я знаю детей многих наших хетагуровок, здоровый вид наших ребят приводит в восхищение. Это девушки дела, подлинного освоения нашего края.

Возьмите другую сторону роста наших девушек на производстве. Оправдали ли они себя здесь? Да, оправдали. Аня Поликанова приехала, не имея никакого опыта, сейчас руководит группой планово-производственного отдела завода. Аня Курская приехала позднее нас, но сделала много: работала токарем и сейчас выдвинута производственным мастером. И много других таких девушек, прямо не перечислишь. А стахановцев сколько, таких, как Клава Виноградова, выполняющих план на 250 и больше процентов: Оля Майорова, присутствующая здесь, выполняет план на 300%, Мария Русина, тоже присутствующая здесь, выполняла норму на 300%, а сейчас, будучи переведена на новую, незнакомую работу, выполняет план на 205%.

…Вера Керпоч… создала на заводе команду медицинских сестер, сейчас она является инструктором кружков ГСО. Многие девушки являются инструкторами по ПВХО, ПВС и начальниками военных кружков.

Ряд девушек руководят политшколами: Шура Король, Мария Соловьева, Ася Попич, Аня Поклер.

Я думаю… сейчас наша задача – помочь крайкому комсомола и самим себе построить настоящую счастливую жизнь».

Совещание молодежи хетагуровского призыва подвело первые итоги комсомольского призыва, наметило перспективы. Участники совещания также приняли обращение «Ко всем девушкам и юношам Советского Союза». «Пусть слово «дальневосточница» звучит гордо», – заявили девушки-хетагуровки. Хетагуровское движение набирало темпы. Появились и другие призывы девушек – приехать на Камчатку, на Сахалин и на Чукотку. На начало 1938 года 36 краев, областей и автономных республик СССР отправили жить и работать на Дальний Восток более 100 тысяч человек. Среди них были инженеры и техники, врачи и агрономы, работники культуры и шоферы, 1 326 человек получили новые специальности на Дальнем Востоке.

Хетагуровское движение в СССР имело социально-экономическое и политическое значение, поскольку решались задачи освоения малозаселенных земель за счет переселения с Запада на Восток, развития народного хозяйства и одновременно укреплялся форпост России – Дальний Восток.

Наша современница капитан Савченко*

Всеволод ИВАНОВ

Это невидное, топкое, заросшее ивняком разводье было когда-то громко окрещено Артиллерийским затоном. Тогда еще, когда наш Хабаровск был небольшим, но важным центром генерал-губернаторства, городом чиновников с черными усами и седыми бачками, с цветным бархатом на околышах фуражек, с золотыми кокардами, с двуглавыми орлами. Когда по улицам на раскормленных выездах проезжали тучные барыни в шляпах с птичьими крылышками, бородатые купцы в черных картузах; городом колокольного звона с кафедрального Успенского собора – там, где теперь парк ДОСА… Вот тогда-то и появились здесь эти чугунные звонкие имена Казачьей и Соколиной гор, улиц Китайской, Маньчжурской, Муравьев-Амурской – вместе с Артиллерийским затоном…

А жизнь круто переменила свое лицо – топкий Артзатон теперь заселенная часть разросшегося города, застроена розовыми двухэтажными домами, вымощена асфальтом, обеспечена школами, детскими садами, кино. Только главная ее артерия носит доселе многозначительное название Заливной улицы. Бывало, значит, такое здесь дело, заливало! А я пересекаю ее, эту Заливную улицу еще незазеленевшим бульварчиком, и проходной судоремонтного завода выхожу на берег Артиллерийской протоки и затона.

Передо мною могучая картина: слепым блеском порыхлевшего под апрельским солнцем льда белеет огромное водное зеркало слияния двух могучих рек – Уссури и Амура. Надо льдами – высокое небо в тонких облаках, в синих пятнах. Вдали древним драконом прилег к горизонту лазоревый хребет Хехцир, отрог Сихотэ-Алиня. И против этой колоссальной величественной панорамы, растянувшись на 50 километров, лежит полукружье города Хабаровска сегодняшнего дня.

Нет уже и в помине и ивняковой, стрекозами звенящей тиши Артиллерийского затона. Высокий берег Судоремонтного завода заставлен самоходными баржами, пароходами, вкаченными на тележках на нагребенную гальку по поперечным рельсам мощного слипа, гремят молотки, из высокого цеха несется скрежет металла, под бортами, у днищ судов, стоящих на клепках, судорогами пылают голубые огни электросварок… А внизу на воде, во льдах, еще стоят, ждут очереди ремонта, сами ремонтируются, красятся пароходы, теплоходы, баржи, тоже готовясь к открытию навигации 1961 года.

Апрельским утром вся эта кипящая на воде весенняя жизнь полна солнечного веселого света, овеяна ветром – легким, пока прохладным, однако обещающим тепло. Кое-где на припеке тает залежавшийся под кирпичной стенкой последний снег, в гальке роются, звенят ручейки, и видно, что скоро хмурые льды дрогнут, тронутся вправо, к Тихому океану, а на ясную воду выплывут суда Амурского флота…

– Где же тут «Блюхер»? – спрашиваю я двух женщин, деловито шагающих в густо промасленных олифой ватниках.

– Вот же он! – энергично показывает вниз одна из них, – не видите, что ли? Да мы же его красим!

Останавливаюсь, смотрю на берег, на дома за льдом, на стрелы летящего солнца. Здесь очень уютно, в этом рождении новой, шумной жизни. Рассчитываю, как перейду по мокрым местам на «Блюхер» – небольшой речной теплоход: меня ждет там его капитан, с которым я должен поговорить. Капитан «Блюхера» – женщина, единственный капитан-женщина во всем Амурском флоте.

А кто-то со спины трогает, берет меня тихонько за рукав:

– Здравствуйте!

Оборачиваюсь. Передо мной Савченко Зинаида Пав-

* Печатается с сокращениями по машинописному оригиналу, который хранится в фондах Краевого музея им. Н.И. Гродекова.

ловна, капитан «Блюжера». Не сразу узнаю ее – вчера я видел ее в домашней обстановке квартиры на Заливной улице. Сегодня она уже прямой капитан Савченко – седеющие волосы, флотская каракулевая аккуратная ушанка, высокие резиновые сапоги и черная юбка не делают ее фигуру женской – сразу видно – командир.

Здороваемся, шутим. Подымаемся на «Блюхер» – весь в ремонтном хаосе, в перевернутых диванах, со снятым отоплением. И в носовой рубке, примостившись на одном из диванов, мы беседуем осторожно и неторопливо.

Передо мною развертывается понемногу фигура советской новой женщины, проведшей смело и красиво свою жизнь, женщины, взгляд которой хоть и по-женски мягкий, но может каждую минуту измениться, стать властным взглядом капитана. Я словно листаю большую книгу хорошей, соблюдшей себя жизни, книгу, которую пишет сама наша современность – книгу о женщине, смело поднявшейся на командирский мостик амурского судна уже 1941 года, книгу о пожилой уже женщине, которая сидит теперь рядом со мной на дерматиновом, еще промерзлом с зимы диване, женщине с хорошим простым лицом, с доброй понимающей улыбкой.

– Как же вы оказались на этой работе, Зинаида Павловна? – задаю я довольно-таки неловкий первый вопрос, чтобы завязать разговор. – Как случилось, что вы решили идти в эту необычную для женщины область труда… Что привело вас сюда?

Она улыбается, и ответ ее звучит довольно неожиданно:

– Станюкович! Да! В школе я много читала, и особенно увлекли меня книги Станюковича. Какие у него картины смелых путешествий по сини морей, оживленные города. Помните его книги «Морские рассказы», «Вокруг света на "Коршуне"»? Тогда в нашем амурском захолустье я мечтала о новой жизни, о новой дороге в нее, и Станюкович показал мне путь, а революция в наших местах открыла дорогу женщине… Я и пошла той дорогой. Остальное все зависело от меня самой…

Я наскоро заношу в мой московский блокнот скупые даты этой дороги, приведшей женщину на капитанский мостик. Зинаида Павловна родилась в 1912 году, на глухом прииске Владимирском, на реке Зее, в Амурской области. Детство прошло в селе Суражевке, под городом Свободным… Окончила она в с. Михайло-Чесноковском школу второй ступени и в 1929 году поступила в Благовещенское речное училище. Окончила его в 1932 году… Вот основное.

– А когда же вы вышли на воду?

– Летом 1931 года – я летнюю практику проплавала на пароходе матросом.

– Матросом?

– Да, рядовым матросом. Обыкновенным матросом. А летом 1932 года я плавала уже вторым помощником капитана на пароходе «Комиссар» по реке Амгуни, на линии Николаевск-на-Амуре – районный центр Керби, ныне Полины Осипенко. Амгунь – трудная, таежная река. С 1934-го я плавала на пассажирском пароходе «Карпенко», а в следующем году – на старинном пароходе, нынче позабытого уже типа «Колумб» – знаете, с задним колесом… Такие когда-то по Миссисипи плавали. В 1936 году я первый помощник на пароходе «Рыбак» – того же исчезнувшего типа. Навигации 1937–38 годов проплавала в том же звании на пароходе «Колумб» на пассажирской линии Благовещенск – Николаевск-на-Амуре, на нижнем плесе Амура.

Зинаида Павловна замолчала, и с берега снова ворвался рабочий шум оживающего Артзатона.

– Не плавала потом я год сороковой. Ну, вышла замуж – родилась дочка…

И капитан Савченко опустила голову…

– Большое это событие в жизни каждой женщины – брак и ребенок, – говорит она после легкого вздоха, подымая брови. – Но ведь я-то была на мужской работе. Я прежде всего хотела плавать… Жизнь-то моя становилась новой, и как же можно было по-старому? Ну, возникли трудности… Я все-таки пошла на пароход, на буксир, на «Астрахани» с 1941 года, и стала его капитаном. Шли годы войны, трудно было с кадрами, и на «Астрахани» работали почти одни девушки.

– Все женщины?

– Кроме одного механика и одного лоцмана, остальные все.

– И как работали?

– Говорят, не хуже других команд, – улыбается Зинаида Павловна.

Зинаида Павловна в этой беседе, очевидно по скромности, не сказала мне одной очень важной детали, которую я узнал уже потом. Она за эту свою работу на «Астрахани», за проявленный доблестный труд была награждена в 1942 году орденом Ленина. Длительная – более десятилетия – работа капитана Савченко на «Астрахани» показала ее высокие организационные качества, и с 1952 года Зинаида Павловна плавала командиром большого пассажирского парохода «Ильич» по линии Благовещенск – Николаевск-на-Амуре.

– А с 1958 года плаваю я на местной линии, на теплоходе «Блюхер», – говорит она. – Пришлось сделать это из-за дочери моей – трудно ей было одной с учебой… Вот вам, в общих чертах, мой жизненный путь. Просто, не правда ли? Ничего особенного?

Весь этот рассказ был изложен мягким женским голосом, с легкой улыбкой. Но наша беседа не раз прерывалась – вот пришли маляры. Женщины спрашивали, как красить палубные ящики для спасательных поясов. Спрашивали, и получали ответы – четкие, в мягкой форме. Ответы разумной, заботливой женщины. И я вдруг понимаю – здесь, на «Блюхере», хозяйничает, ведет дело не хозяин, а именно хозяйка. Мы, большинство публики, привыкли к известному образу капитана. Мы привыкли видеть его прежде всего мужчиной, плотным, сильным, властным тоже по-мужски, человеком большой практики… Вот он в белоснежном кителе с золотыми нашивками, белой фуражке с золотым шитьем стоит на командном мостике, такой красивый, такой решительный…

– А что, Зинаида Павловна, ведь все-таки приходится вам иногда круто разговаривать с вашими подчиненными?

Улыбка в ответ:

– А как же? Куда деваешься? Дело есть дело! Бывает, поговоришь по душам. Но это случается все меньше и меньше. Старое, грубое отходит. Публика становится все мягче, все культурнее… Команда у нас небольшая, всего 12 человек, а раньше было 18. Сокращаем – работают все лучше, выполняют по несколько обязанностей. Большинство со средним об-

Фото Игоря Симонова

разованием, практиканты речного училища. Того, что было раньше, нет. Иногда месяцами плаваешь, не слышно крепкого слова. На воде у нас теперь все легко в этом отношении.

– Но вам самой надо знать много разных специальностей, чтобы разбираться в них?

– А как же? Иначе нельзя. Наше дело – большое, сложное дело. Нужно уметь самой разбираться во всех деталях и судна, и плавания, я имею квалификацию помощника механика. И реку нужно знать, и с людьми так жить, чтобы тебя уважали, помогали, выручали, когда трудно. И вот я на «Блюхере». Конечно, это не море, ходим по Амуру. Не то, о чем мечталось в школе… Хотя и на Амуре у нас случаются такие штормы, что иной раз отстаиваемся над берегом на якоре. И «Блюхер» не корабль, не «Коршун», всего-то небольшой теплоход, в триста сил, на 250 пассажиров. И ходим недалеко – по два рейса в сутки, до Петропавловского озера, до Осиновой протоки. Местное сообщение – пассажиров ездит все больше и больше. Что ж, я довольна, жизнь проходит правильно… Я довольна.

– У вас дочь?

– Да, одна дочь. Радда учится в строительном техникуме. Два года проработала девочка для стажа.

– Ваш муж погиб на фронте? – спрашиваю я.

Зинаида Павловна недоуменно смотрит на меня.

– У меня нет мужа! – говорит она. – Мы разошлись давно, а потом он умер…

– Но почему же, простите, вы разошлись?

Зинаида Павловна смотрит в окно на рыхлый лед, горящий под солнцем.

– Я ушла сама от него. И теперь жалею, зачем это сделала, – грустно говорит она. – Молодость, горячность, ну, вспыхнешь… А подумаешь, да поймешь, и горячиться-то не из-за чего.

– Вы плохо жили с мужем?

– Хорошо мы жили. Дружили всегда и в школе, и в речном училище, работали вместе в Амурском пароходстве, дочку нажили, девять лет жили вместе. Дочь во втором классе была, как я ушла от него… Почему? Я уже говорила вам, я была на мужской работе. Я плавала. Бывало, по полугоду дома не бываешь. Ну и возникли трудности…

– Он заскучал?

– Ага! Что ж, и его понять нужно. Ну завел знакомства. Не сразу: долго крепился. А как я ушла – три года жил один. Потом, конечно, женился. Нелегко новому вступать в строй сложившейся жизни, ведь не у каждого мужа жена на пароходе плавает.

– И вы жалеете теперь, что порвали с ним?

– Жалею, очень. Не нужно было делать этого. Да ведь голова горит – самолюбие, обида… Но только, прямо сказать, не рвала я с ним совсем и окончательно. Мы оставались друзьями. Бывал он у нас постоянно. Да как же, скажите мне, порвешь, как насовсем раззнакомишься, если и детство, и юность у нас общие, если и поженившись неплохо жили? Но только настоящее ведь нас держит, держит нас и прошлое. Настоящее стареет, а прошлая юность кажется все краше. Когда он умер, было много горя…

– Так вы одни с дочкой и остались? – говорю я сочувственно.

Но в ответ я не слышу ожидаемого подтверждения.

– Как одни? – вдруг так неожиданно спрашивает Зинаида Павловна и подымает голову, – Не-ет. А семья мужа?

– Так какое же она имеет к вам-то отношение?

– Как какое? Они родные! Ведь после него сироты остались, дети – моей-то дочери они братья, сестры… Им-то расти надо! Как же им не помогать?

– Помогаете?

– Дочь с ними все время возится. Растут. Ну а мы с вдовой мужа тоже дружно живем. Семья как была, хоть и надломленная, а осталась. Вот теперь я хоть и плаваю, и дома мало бываю, а сердце спокойно… Семья! – говорит женщина-капитан и улыбается. – А что ж поделаешь? Нужно жить с жизнью, по жизни… В книгах этого не найдешь.

– Читаете книги? – спрашиваю я.

– Мы много читаем, – говорит Зинаида Павловна. – Да, все мы: коллектив наш, семья и дети, и Радда. Много и покупаем, и берем в библиотеке.

– Любите литературу?

– Как же без нее… Она мысль будит. Еще вот летное дело люблю.

– Да с какой стороны оно вам может подойти?

Зинаида Павловна смеется:

– Моложе была, время для него находила. Парашютным спортом занималась. И с вышки, и с самолета прыгала. Да пришлось уехать из Хабаровска, так забросила… Еще пока не все доступно нам, что любишь. И вот еще одно – стихи я люблю. Постоянно читаю.

Я слушаю все это, и мне неловко становится за самого себя. Досадно за то, что идучи на эту встречу для этого разговора я не предвидел, не ожидал такой глубины, силы, человеческого умудренного опыта, какое встретил в этой скромной пожилой женщине в каракулевой шапке, в высоких резиновых сапогах и ватнике.

И всплывает в мозгу фраза из удивительного Чехова: – «Умный пусть бросит надежду «возвысить толпу до себя». Пусть строит железные дороги, телефоны, телеграфы, и этим победит и подвинет вперед жизнь…»

– Каких же поэтом вы любите? – спрашиваю я уже почтительно.

– Из старых, конечно, Пушкина, – говорит Зинаида Павловна. – И Тютчева, и Фета, и Лермонтова. Хорошую вот книгу прочла о Лермонтове недавно. Люблю Есенина – только никак не решу: старый он поэт или новый?

– А из новых?

– Из новых – Суркова, Исаковского…

На берегу все нарастает шум, все выше в пропыленном за зиму окне солнце, ярче сверкают с глубоких бороздах гальки бегущие ручьи, и кажется, что бежит, шумит наша оптимистическая история, в которой выросла и живет такой полной жизнью наша современница…

Прощались уже, спрашиваю, чтобы самому себе подтвердить правильность своих впечатлений:

– Другой жизни себе вы, Зинаида Павловна, и не желали бы?

И снова ослепительно неожиданный ответ:

– Если бы я могла стать молоденькой девушкой, какой я была, когда вышла на реку – я бы пошла в летчики… Да… А Гагарин-то каков! А? – говорит она.

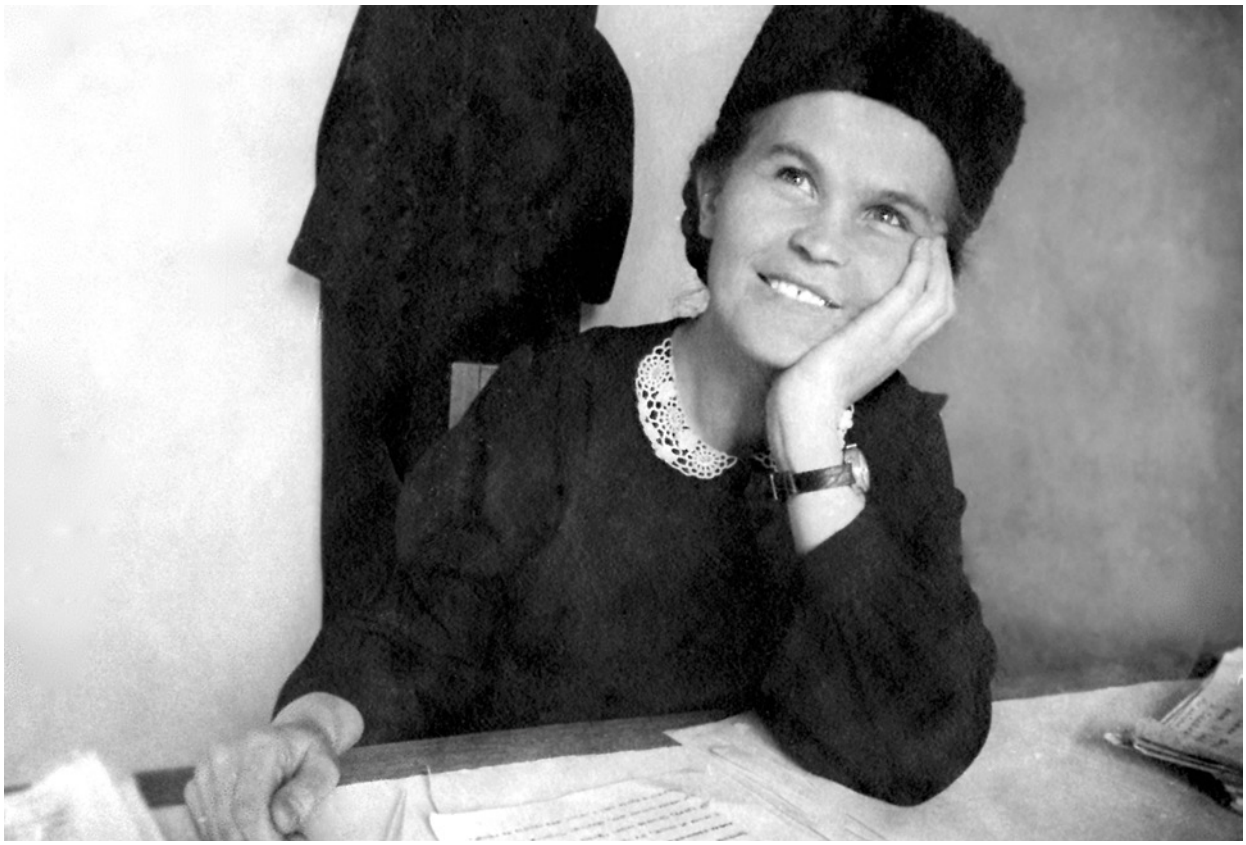
И в глазах у нее вспыхивает молодой блеск.

Хабаровск, 18 апреля 1961 год

Огни далеких костров

Наталья ПОЗИНА

Юлия Алексеевна Шестакова – яркая личность, писатель, переводчик, журналист. Ее судьба и творчество тесно связаны с Дальнем Востоком. Она была легендой еще при жизни, активным участником Хабаровской писательской организации.



Юлия Алексеевна Шестакова. 1946

В течение полувека, с момента вступления в Союз советских писателей в 1949 году, основным своим занятием она считала труд писателя. Юлия Алексеевна – автор таких книг повестей и рассказов, как «Золотые ворота», «Огни далеких костров», «Лесные ветры», «Новый перевал», «Люди-звезды». Эти произведения, посвященные автором своим современникам, людям труда, дальневосточникам, получили широкое признание читателей, и Юлия Алексеевна считала это самым главным творческим успехом. Ее очерки и воспоминания делают ближе и понятнее время и людей, с которыми она была знакома. Долгие годы Юлия Алексеевна возглавляла отдел художественной прозы в журнале «Дальний Восток», помогая публиковаться литераторам, только заявившим о себе в большой литературе. Шестакову связывали узы дружбы со многими талантливыми людьми своего времени, и в судьбе многих она сыграла заметную роль. Это и А.А. Фадеев, П.С. Комаров, Н.П. Задорнов, М.Г. Воскобойников, М.А. Сергеев, Д.Б. Кимонко, А.С. Пришвин, А.В. Шишкин и многие другие.

Дедушка Юлии Алексеевны, Иван Ильич Шестаков, был политическим ссыльным; в 1908 году вся семья последовала за ним по этапу до Никольск-Уссурийского и поселились недалеко от города. В семье Клавдии Ивановны и Алексея Ивановича Шестаковых было четыре дочери. Юлия Алексеевна Шестакова родилась в мае 1914 года в деревне Черновке Свободненского района Амурской области. Она вспоминала, что в их доме всегда собирались люди: дед читал газеты, которые выписывал, пели хором. В семье имелись книги, привезенные отцом из Петрограда, среди них «Былины», «Грамматика», «Морфология», «Синтаксис», «Космография», «Гео-

Выездное заседание секретариата Союза писателей РСФСР. Хабаровск. 1967

графия», «Капитал». Они бережно хранились в сундуке и были спасены от уничтожения во время Гражданской войны, когда семья бежала из дома. Девочки любили их читать, рассматривать картинки, причем отношение к книгам было особое: прежде чем взяться за них, дети, по просьбе матери, обязательно мыли руки.

В детстве «покровительницей» Юлии была бабушка Мария Андреевна – добрая, заботливая хозяйка большого семейства. Уже в старости она выучила грамоту, читала по слогам Евангелие и Псалтырь, просила внучку читать Святое Писание. Позднее Шестакова вспоминала, что в детстве «в ней жили суеверия – от притч, вычитанных из Евангелия, от рассказов взрослых».

Самые ранние воспоминания детства Юлии Алексеевны связаны с событиями Гражданской войны. Дом Шестаковых сожгли японские интервенты, семье пришлось «переезжать из одной деревни в другую, скитаться по чужим дворам». В это время семья Юлии Алексеевны потеряла дедушку и отца. Отец Алексей Иванович, франтоватый русоволосый мужчина, участник Первой мировой войны, «красный комиссар», был убит белогвардейцами в тайге, а дедушка арестован белогвардейцами и расстрелян в Благовещенской тюрьме.

В возрасте шести лет Юлия пошла в школу, это событие было одним из самых ярких для девочки. На уроках литературы Петра Николаевича Филоновича, который выделял девочку среди всех в классе, Юлия смогла понять «художественный склад языка – первооснову творчества». Именно учитель, первый рецензент ее творчества, задал его будущее направление: «Писать о том, что хорошо известно, не пересказывая других». Подростком Юлия Алексеевна начала писать стихи «в основном о природе, реже – о каком-то событии». Стихами девушка выражала сочувствие по поводу гибели крестьянина из соседней деревни, впечатления от увиденной кинокартины.

После окончания школы в Свободном по комсомольской путевке она поехала в деревню, чтобы заведовать избой-читальней, ее несовершеннолетие помешало ей продолжить учебу. Осенью 1931 года Ю.А. Шестакова

Комсомольск-на-Амуре. 1942

поступила на литературный факультет индустриально-педагогического института в Иркутске. Спустя два десятилетия Юлия Алексеевна получила и второе высшее образование, окончив Высшие литературные курсы. После окончания института она отправилась вслед за мужем-журналистом, сотрудником «Тихоокеанской звезды» Сергеем Леонтьевичем Рослым, в Хабаровск. После рождения сына Юлия Алексеевна начала работать в Дальневосточном правлении Союза советских писателей, в редакции журнала «На рубеже».

Военные годы были самыми памятными для писателя, несмотря на все испытания. Они совпали с работой в редакции газеты «Тихоокеанская звезда». Шестакова вспоминала, что «часто приходилось ездить в командировки, бывать там, куда читательская мысль порой и не залетала. Если надо было выполнять задание, ничто не останавливало: ни плохая обувь, ни отсутствие по-

путного транспорта где-нибудь в глубинке, ни чувство голода…».

В 1943 году по заданию редакции Юлия Алексеевна Шестакова впервые побывала у удэгейцев в селе Гвасюги и услышала песни Д.Б. Кимонко. Она писала, что песни, «несовершенные по форме, однако несли в себе глубокие мысли, самобытные, яркие образы, рожденные охотничьим опытом, подсказанные самой природой». Песни Джанси Кимонко «Я – сын удэгейского народа» и «Песня охотника» в переводе Юлии Алексеевны впервые были опубликованы в «Тихоокеанской звезде» в феврале 1944-го вместе с очерком о жизни таежного удэгейского села.

Благодаря вниманию Юлии Алексеевны к творчеству талантливого удэгейца, их совместной работе в 1950 году после смерти автора (журнальный вариант появился ранее) вышла повесть Д.Б. Кимонко «Там, где бежит Сукпай», ставшая, по мнению исследователей, «обобщением идейно-тематического единства, стилистики и жанрового поиска, которого достигли зачинатели литератур народов Севера». Книга была воспринята критиками как серьезное явление в национальной литературе и во многом определила творческий путь Юлии Алексеевны. А.С. Пришвин, отмечая значение работы над повестью Д.Б. Кимонко, писал, что «без Ю. Шестаковой, без самоотверженного, чуткого, влюбленного в свое дело переводчика, мы бы ничего не узнали о Джанси. Так случилось, что неожиданная встреча в тайге открыла не одного, а сразу двух писателей – Юлию Шестакову и Джанси Кимонко».

Ю.А. Шестакова в своей работе зачастую была одной из первых, участницей событий, важных для истории края и страны. Она была членом выездной редакции на стройку «Амурстали» в феврале 1942 года, единственной женщиной-журналистом в освободительном походе Советской армии в северную часть Китая. Как специальный корреспондент газеты Юлия Алексеевна в 1946 году вошла в состав комплексной экспедиции Приамурского филиала Географического общества Академии наук. Целью путешествия было исследование центральной части Сихотэ-Алиня. Экспедиция продлилась долгих три месяца, читатели «Тихоокеанской звезды» узнавали о суровых условиях жизни путешественников из очерков писателя. Плохо экипированные, без достаточных запасов провизии, члены экспедиции поднимались вверх по течению реки Хор на батах, шли пешком и лишь поздней осенью достигли истоков Хора в неполном составе. Экспедицию приветствовал академик Л.С. Берг, а Юлия Алексеевна стала делегатом Второго Всесоюзного съезда Географического общества Академии наук СССР и выступила на заседании от делегации дальневосточников.

Впоследствии путевые записи Шестаковой стали основой литературно-художественного произведения «Новый перевал» (1951). А.С. Пришвин отмечал, что «написанная в традиционной «арсеньевской» манере, эта книга о путешествии по-новому открыла недра Уссурийской тайги», ее людей.

В повествовании Ю.А. Шестакова использовала материал трудов известных исследователей Дальнего Востока Л.Я. Штернберга, В.К. Арсеньева, Н.М. Пржевальского, связанный с культурой удэгейцев. Она гармонично сочетала его с собственным внимательным изучением природы, материальной и духовной культуры малочисленного народа. Главы книги «Новый перевал» во многом стали логическим продолжением повести Д.Б. Кимонко «Там, где бежит Сукпай». В ярких очерковых зарисовках, собранных воедино в повести, Ю.А. Шестакова описывает историю судеб удэгейских родов Кимонко и Кялундзюга. В пейзажных зарисовках Ю.А. Шестакова соединила научность и тонкий лиризм, поэтичность.

М.А. Сергеев, ученый-североведа, отмечал, что «автор – несомненный знаток и хороший наблюдатель природы, но главные писательские интересы и чувства отданы людям». В показе реальных исторических процессов Ю.А. Шестакова делает основной акцент на национальном характере, на изменении мировоззрения и жизни этноса, произошедшем за два десятилетия советской власти.

Вместе с изображением современной жизни удэгейцев Ю.А. Шестакова органично вводит в ткань повествования устное поэтическое наследие народа. В тексте произведения она сохраняет строй речи рассказчика, синтаксические конструкции удэгейского языка. Каждый фольклорный эпизод имеет свой глубокий смысл и своеобразный культурный код и является органической частью действия повести.

В повести «Новый перевал» автор продолжила традиции, заложенные в произведениях В.К. Арсеньева: сочетание художественности и научной достоверности в описании природы, истории, традиционной духовной и материальной культуры малочисленного народа.

Жизнь Юлии Алексеевны была насыщена творческими поездками и путешествиями: она участник Второго Всесоюзного съезда советских писателей в 1954 году, конференции писателей стран Азии и Африки в 1958 году, вошла в состав Амурской делегации в г. Хэйхэ в 1961 году, была на творческом семинаре молодых прозаиков в 1964 году на Каспии, в творческой командировке от Союза писателей СССР в Народную Республику Болгарию в 1968 году. Многочисленные встречи и знакомства с творчеством писателей нашей и других стран способствовали тому, что Юлия Алексеевна стала переводчиком повестей С. Цырендоржиева «Встречный огонь», М. Джафарова «Крылатый браконьер», стихов болгарских и украинских поэтов, поэтов-северян, представителей коренных этносов Дальнего Востока.

В конце 1990-х свет увидела книга избранных переводов «Обретение друзей», которая объединила очень разных авторов. В этой последней книге Юлия Алексеевна осталась верна своему подвижническому служению литературе – в переводе своими словами «сказать самое важное и существенное» о жизни и творчестве другого творца.

Юлии Алексеевны не стало весной 2002 года. С ее уходом закончилась целая эпоха, и, может быть, поэтому слова и таланта этого писателя так не хватает тем, кто ее знал.

Фото из архива Краевого музея имени Н.И. Гродекова

День в тайге на Хехцире

Сентябрь, 1958

Фото Бориса ДЬЯЧЕНКО

Пахнет папоротником, прелыми листьями, лесным, берёзовым духом. Кажется, вон там мы однажды ранней весной подрубили березу и она накапала нам полную бутылку сладкого соку...

Где-то близко дорога, иначе не было бы этого стожка сена... Вот и всё...

...Как горел мой жаркий костёр, а в это время бурундук полосатый выбежал из-за кустов и свистнул, исчезая в зарослях. Шустрый какой...

— Что за холмик? Кто нашел здесь последнее своё убежище?..

Историческая летопись профессора Дубининой

Лариса САЛЕЕВА

Нина Ивановна Дубинина, авторитетный ученый, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета и яркий, неординарный человек. В 2012 году Нине Ивановне исполнилось 80 лет, и 50 из них она посвятила изучению архивных документов, опубликовав более 100 научных статей и несколько монографий. Заслуженный деятель науки РФ, награждена краевым знаком «За заслуги» им. Н.И. Муравьева-Амурского.

Фото В. Спидлена

Ее детство и юность прошли в атмосфере старинного русского города Александрова Владимирской губернии, овеянного славой Александра Невского, героев романа А. Толстого «Князь Серебряный». Уникальные памятники истории и культуры не могли не повлиять на выбор, поэтому после окончания средней школы альтернативы для молодой девушки не было – только история. Мечта сбылась, и Нина Качалова стала студенткой Московского государственного университета, который окончила в 1955 году. С этого же времени берет отсчет ее преподавательская деятельность, которой Нина Ивановна остается верной до сегодняшнего дня. Сразу после университета выпускница МГУ уехала в далекий дальневосточный город – Комсомольск-на-Амуре, который в итоге стал для нее своеобразной «малой родиной». Потому что здесь она начала свою научную деятельность.

50 лет назад в поисках документальных источников для работы над кандидатской диссертацией старший преподаватель Комсомольского-на-Амуре политехнического института Нина Ивановна Дубинина переступила порог партийного архива Хабаровского крайкома КПСС. Каждый человек, впервые соприкоснувшись с архивными документами, испытывает особые чувства. Так случилось и с Ниной Ивановной, которая до сих пор трепетно относится не только к самим архивам, но и к архивным работникам. В Государственном архиве Хабаровского края сохранилось личное дело исследователя Н.И. Дубининой, в котором зафиксированы биографические данные и этапы становления ее как историка. Рекомендательные письма, заявления, требования на выдачу документов из архивных хранилищ показывают, как многообразна тематика исследований профессора Дубининой.

В самой первой анкете, заполненной Ниной Ивановной 11 июня 1962 года, в графе «ученое звание и степень» стоит прочерк. Тогда еще молодой аспирант МГУ Н.И. Дубинина не имела званий и, наверное, не предполагала, каких вершин в итоге достигнет, став ученым, известным не только в Хабаровском крае, но и далеко за его пределами. Пройдет время, и научные и общественные организации посчитают за честь видеть ее в составе ученых советов и редакционных коллегий.

В личном деле исследователя сохранилось первое рекомендательное письмо ректора Комсомольского-на-Амуре политехнического института А.К. Куликова с просьбой «разрешить старшему преподавателю кафедры марксизма-ленинизма тов. Дубининой Н.И. работать в партийном архиве и оказать ей помощь в подборе архивных материалов для диссертационной работы на тему «Борьба Хабаровской краевой партийной организации за восстановление и дальнейшее развитие ленинских норм партийной жизни (1956–1961 гг.)».

На письме резолюция заведующего отделом Хабаровского крайкома КПСС А.С Боковенко: «т. Елизаровой. Согласен». В июне 1962 года на этом документе пересеклись два замечательных имени: Нины Ивановны Дубининой и заведующей партийным архивом Хабаровского крайкома КПСС Елизаветы Ивановны Елизаровой. Долгие годы между ними сохранялись не только деловые, но и чело-

Александров. 1949

Старинный русский город Александров Владимирской области – родина Н.И. Дубининой. 1947

веческие отношения. До 1974 года, до ухода на пенсию, Елизавета Ивановна Елизарова была для многих ученых своеобразным проводником по архивным фондам. О работе партийного архива и об исследователях, которым посчастливилось в нем работать, она рассказала в своих воспоминаниях «Архив – моя судьба». Рукопись этой книги хранится в личном фонде Е.И. Елизаровой, который создан в 2011 году. Отдельные страницы этой книги посвящены Нине Ивановне.

В архиве Н.И. Дубинина работала не один год, в основном во время студенческих каникул. Собрала добротный материал, написала диссертацию, подготовила автореферат. Защищаться должна была в Москве, в МГУ. Поскольку тема на тот период была актуальная, чисто партийная, требовалось согласование с крайкомом. Случайно автореферат попал не к секретарю по идеологии, который обычно давал разрешение на работу в архиве, а к первому секретарю Хабаровского крайкома КПСС А.П. Шитикову. И начались «разборки». «Кто такая Дубинина? Кто разрешил? Какие документы выдавали?». Это уже ЧП. Елизавету Ивановну вызвали в крайком, к первому секретарю. «Вооружившись делом исследователя, – вспоминает Елизавета Ивановна, – где находятся все подтверждающие и оправдательные документы, иду не без опаски – а вдруг выпустили «секрет». Ознакомившись с делом и убедившись, что вины архива ни в чем нет и «все по закону», меня отпускают. Очередь за автором. Вызывают Н.И. Дубинину для знакомства и объяснения. Она приехала из Комсомольска с диссертацией…». Беседа продолжалась более двух часов. Секретаря заинтересовала тема, собранный и обобщенный опыт работы партийных органов края. Встреча закончилась тем, что Шитиков поручил секретарю по идеологии Лапшину написать отзыв от крайкома партии. Крайком «благословил» и при защите диссертации этот отзыв был очень важен. Защита прошла блестяще.

Переехав в Хабаровск и занимая должность доцента кафедры истории КПСС Высшей партийной школы, Нина Ивановна Дубинина продолжала собирать материал по очередной теме: «Исторический опыт деятельности КПСС по развитию социальной активности женщин». Кроме того, что это была тема ее научных исследований, она занялась исследованием документов по теме «История хетагуровского движения». В 1976 году в Хабаровском книжном издательстве вышла книга кандидата исторических наук Н.И. Дубининой

Нина Качалова – выпускница исторического факультера МГУ. 1955

Таманская археологическая экспедиция. Нина Ивановна рядом с академиком, профессором Б.А. Рыбаковым. 1953

На краевом семинаре руководителей лекторских групп. Хабаровск. Нина Ивановна во втором ряду вторая слева. 1957

«Ты позови, Дальний Восток». Очерк посвящался молодежи 1930-х годов, тем, чья юность была отдана Дальнему Востоку. Активно используя имеющиеся материалы, Дубинина выполняла и функцию архивиста по сбору документов и материалов. За время работы над книгой в Хабаровском партархиве образовался фонд документов и воспоминаний хетагуровок, в создании которого энергичное участие приняла Нина Ивановна и научный сотрудник архива Валентина Васильевна Лаптева. Собранные ими воспоминания и сегодня являются объектом научного исследования, а книга занимает достойное место на полках архивов и библиотек. В личном фонде Е.И. Елизаровой хранится книга с дарственной надписью автора: «Дорогой Елизавете Ивановне, моему идейному вдохновителю и единомышленнику с глубокой признательностью за помощь и поддержку и наилучшими пожеланиями. Автор. Ноябрь. 1976 г.».

Исследователя Н.И Дубинину интересовала тема женщин Дальнего Востока, история Хабаровской краевой партийной организации, и с каждым годом круг исторических исследований расширялся: «Китайские интернационалисты – жертвы сталинских репрессий на Дальнем Востоке», «Корейская и китайская диаспора» и др. Кардинальные изменения российской жизни 1990-х годов, не могли не отразиться в исследованиях российских ученых. «Личность в истории» – так можно охарактеризовать целый этап в научной и творческой жизни профессора Н.И. Дубининой, посвященный выдающимся дальневосточникам, оставившим след в истории. С помощью архивных документов из небытия были возвращены имена руководителей Дальневосточного края Л.И. Лаврентьева (Картвелишвили), Я.Б. Гамарника, И.М. Варейкиса. Почти четверть века назад на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Дальний Восток» были опубликованы статьи Нины Ивановны «Трагедия личности» и «Противостояние». Лишь только появилась возможность изучать закрытые прежде сенсационные архивные документы, как в № 8 «Дальнего Востока» за 1990 год уже была опубликована статья Н.И. Дубининой «Противостояние» о первом секретаре Далькрайкома ВКП(б) Лаврентии Иосифовиче Лаврентьеве (Картвелишвили). Используя документы Далькрайкома ВКП(б) (Ф. П-2), периодические издания 1930-х годов, доктор исторических наук Н.И. Дубинина рассказала массовому читателю о непростой и трагической судьбе коммуниста, «отдавшего 27 лет своей жизни утверждению ленинских идей и заветов».

Но настоящей сенсацией для научной общественности и широкого круга читателей стали историко-биографические очерки о генерал-губернаторах Приамурского края Н.Л. Гондатти, Н.И. Гродекове и П.Ф. Унтербергере. В течение многих десятилетий имена генерал-губернаторов находились в полном забвении, а Н.Л. Гондатти к тому же числился и белоэмигрантом. Восстановить незаслуженно забытое имя авторитетного российского генерал-губернатора, которому принадлежало особое место в истории России начала XX века, помогли архивные документы.

Очерк о первом и последнем гражданском губернаторе Приамурского края Николае Львовиче Гондатти был издан в 1997 году. Кроме исторических, научных и статистических сведений неоценимую помощь в работе над книгой оказали документы из личного фонда заведующей архивным отделом Хабаровского крайисполкома Веры Ивановны Чернышевой. С ее именем связано появление в Государственном архиве Хабаровского края документов харбинской россики.

Под руководством Веры Ивановны из харбинских материалов, вывезенных из Маньчжурии в 1945 году, было сформировано более 1 000 дел, объединенных в 10 фондов. Через сорок с лишним лет они были рассекречены и сегодня являются самыми востребованными среди российских и зарубежных исследователей. За последние двадцать с лишним лет на их источниковой базе были подготовлены монографии, диссертации, сотни статей. По словам Н.И. Дубининой, «они помогают восстановить историческую связь времен, понять, что история зарубежной России – это неотъемлемая часть истории нашего Отечества. И за это Вере Ивановне Чернышевой наша вечная память и благодарность».

В одной из глав книги «Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти» «Горький хлеб чужбины» автор рассказала о его жизни в эмиграции. Используя личное дело Н.Л. Гондатти, хранящееся в фонде Бюро российских эмигрантов, эмигрантские газеты «Заря», «Рупор», «Рубеж», Н.И. Дубинина воссоздала картину нелегкой, а порой полной унижений и лишений жизни генерал-губернатора на чужбине и до конца своих дней сохранившего высокий дух и чувство любви в России.

После выхода в свет книги Нина Ивановна продолжила поиски новых событий и фактов, связанных с этим человеком. В 2011 году на четвертых архивных научных чтениях имени В.И. Чернышевой Нина Ивановна Дубинина выступила с докладом «Встреча В.И. Чернышевой с Н.Л. Гондатти – бывшим Приамурским генерал-губернатором – в Харбине».

Желание увековечить память выдающихся личностей, воссоздать картину жизни обширного региона на рубеже XIX–XX веков приводит ученого к изучению жизни и деятельности другого видного российского государственного и военного деятеля – Н.И. Гродекова. В 2001 году вышел историко-биографический очерк «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков».

Николай Иванович Гродеков прожил на Дальнем Востоке девять лет, сделав за это время столько, сколько другим не успеть и за всю жизнь. Приехав сюда на место помощника генерал-губернатора, он в 1898 году стал приамурским генерал-губернатором, командующим войсками военного округа и наказным казачьим атаманом Дальневосточных казачьих войск. При этом он был большим интеллектуалом. Помимо того, что Гродеков делал все возможное для обеспечения безопасности восточной границы России, он активно занимался литературным трудом и музейным делом.

Но если имя Н.И. Гродекова было достаточно хорошо известно широкой общественности, то предпоследний генерал-губернатор Павел Федорович Унтербергер в течение продолжительного времени в дальневосточной историографии был персоной нон-грата.

Документально-историческое повествование Н.И. Дубининой «Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер», изданное в 2008 году, не только восполняет пробелы в биографии видного государственного и военного деятеля Российской империи, но и впервые в историческом контексте дает полную картину жизненного пути

Н.И. Дубинина с будущими журналистами в археологическом музее. Хабаровск. 2010

П.Ф. Унтербергера, раскрывает его роль в укреплении безопасности, освоении и обустройстве дальневосточной окраины России. В основе книги лежат документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва), Российского государственного исторического архива (РГИА, С.-Петербург), архива Русского географического общества (АРГО, С.-Петербург), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Хабаровского края. Ценным источником получения информации стала книга П.Ф. Унтербергера «Приморская область. 1856–1898 гг.» и «Приамурский край. 1906–1910 гг.», а также газета «Приамурские ведомости». Стоит ли говорить, что подобные очерки о выдающихся администраторах Приамурского края помогут не только в восстановлении исторической картины Дальневосточного региона, но и в осознании сегодняшних реалий? Исследование деятельности генерал-губернаторов российского Дальнего Востока в XIX – начале XX веков привело ученого к изучению деятельности первых партийно-политических руководителей советского Дальнего Востока. Перед автором стояла задача: выяснить, что это были за люди, чем их деятельность отличалась от службы главных начальников дореволюционной поры и что им удалось сделать для Дальневосточного края и его жителей.

Архивисты стали свидетелями большой научной и исследовательской работы Н.И. Дубининой над книгой «Дальний Восток Яна Гамарника», увидевшей свет в 2011 году. Долгие годы Ян Борисович Гамарник был известен в первую очередь как видный военный и партийный работник на Дальнем Востоке, деятель, чье имя носит одна из улиц Хабаровска. Это, пожалуй, то немногое, что могло сказать о нем большинство людей. Книга Нины Ивановы, основанная, в первую очередь, на архивных документах, освещает жизнь и деятельность человека, так много сделавшего для нашего края. Документы фондов Дальревкома, Далькрайкома, периодические издания помогли показать роль Гамарника в социально-экономическом строительстве Дальневосточного региона в 1920–30-е годы. Отличительная черта книги, характерная для всех публикаций Нины Ивановны, – личный взгляд автора.

Архивисты очень гордятся тем, что видны результаты и их работы. Ученый, доктор исторических наук Нина Ивановна Дубинина всегда очень трепетно относится к архивным документам, все ее книги снабжены богатым научно-справочным аппаратом, а в источниках обязательно даны ссылки на архивные фонды. С большим уважением и благодарностью она относится и к самим архивистам, уважает их труд, ее советы, редакторские правки не раз помогали сотрудникам архива в подготовке сборников документов и публикаций. Н.И. Дубинина является членом научного совета управления по делам архивов правительства Хабаровского края, участником всех архивных мероприятий. С 2001 года Нина Ивановна постоянный участник архивных научных чтений имени В.И. Чернышевой, на которых выступает с докладами, популяризируя знания об историческом прошлом Хабаровского края и Дальнего Востока в целом.

Много лет назад, едва перешагнув порог архива, Нина Ивановна Дубинина поставила перед собой задачу: создание «строго документального рассказа», потому что без архивных документов «нельзя мыслить становление и развитие отечественной исторической науки». С этой задачей профессор Дубинина справилась блестяще.

Фото из фондов Государственного архива Хабаровского края и личного архива Н.И. Дубининой

Свернешь с дороги – потеряешь цель

Жизненное кредо скульптора Надежды Ивлевой

Никакие ученые и официальные документы не донесут до потомков так ярко облик нашей эпохи, как произведения искусства, сделанные искренней рукой мастера.

В.И. Мухина

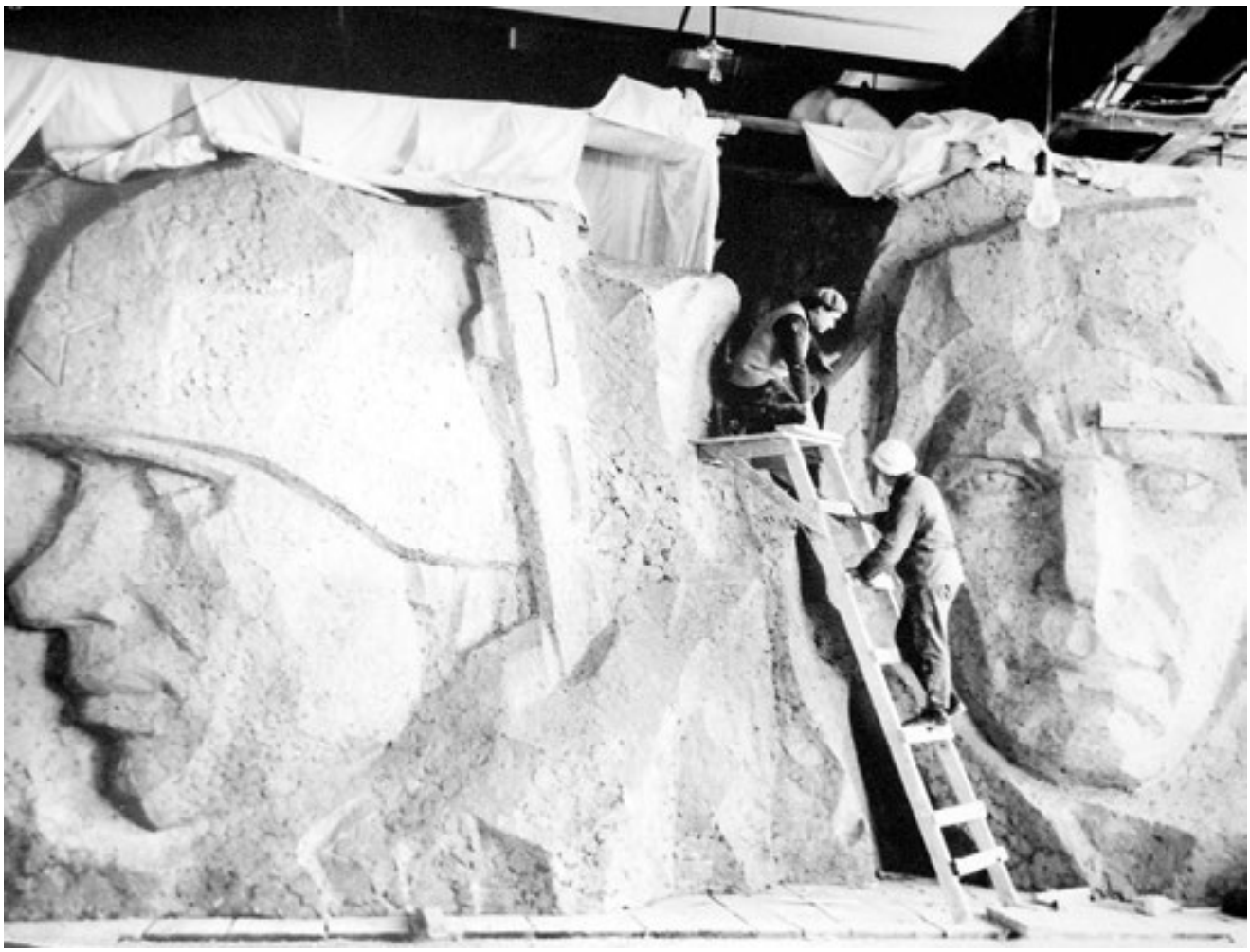
Евгения БЫКОВА

Скульптор Надежда Ивлева и город Комсомольск-на-Амуре, с которым у нее оказалась связана вся жизнь, – ровесники. В 2012 году им исполнилось по 80 лет. Ровно полвека хрупкая женщина преображала его черты и творила летопись в портретах людей, которых любит не меньше, чем сам город.

Надежда Семеновна Ивлева родилась 25 января 1932 года в деревне Петровке Никольского района Орловской области. В 1933-м, в разгар индустриализации, Ивлевы переехала из деревни в Ленинград. Отец устроился на завод слесарем-заточником, мать, не имея никакого образования, – дворником, чтобы получить жилье. Большая светлая комната на пятом этаже приютила дружную семью, которая вскоре пополнилась еще двумя детьми. Словом, жизнь постепенно налаживалась. Но когда началась война, их эвакуировали из Ленинграда в Новосибирск вместе с заводом, где работал отец. После войны Ивлевы вернулись в Ленинград, но прежнее жилье оказалось занятым, и тогда им выделили половину дома в пригороде Ленинграда – Ольгино.

Мать работала в типографии и часто приносила домой бракованные репродукции. Они вызывали восторг у детей, их можно было не только рассматривать и играть с ними, но и вырезать понравившиеся силуэты. А после того как старшая сестра Валя срисовала с репродукции изображение Ленина, младшая Надя открыла для себя совершенно другой мир, в котором именно она, а не загадочная машина, могла тиражировать любимые рисунки. Посыпались первые «заказы» от подруг, и глянцевые фото с киноактерами, трепетно собираемые девчонками, с упоением перерисовывались старательной Надей. В 1945 году в Ленинграде открывалось Высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухиной для подготовки реставраторов и специалистов по восстановлению разрушенных и утраченных во время войны произведений скульптуры и архитектуры. Внимательная мама, видя тягу младшей дочери к рисованию, предложила ей съездить в город на выставку, которая проводилась для привлечения творческой молодежи. Выставка Надежде понравилась, к тому же пришедшие туда преподаватели объяснили, какие именно нужны рисунки для поступления. И она бросилась домой рисовать «с натуры» свой первый натюрморт. Фарфоровый бюст Ленина и фаянсовый кофейник были тщательно срисованы и получили одобрение вступительной комиссии, а в Надежде была отмечена необычайная восприимчивость к тональным градациям. Еще одно открытие было сделано на экзамене. Сидевшая по соседству девочка виртуозно работала акварелью, выполняя учебный этюд. Надежда присмотрелась и попробовала повторить в новой для себя технике алла прима натурную постановку. Потом она всю свою жизнь следовала девизу «Совершенствуйся!».

Мемориальный монумент к 25-летию победы над фашистской Германией



Работа над мемориалом

Окончив 7-й класс и преодолев серьезный конкурс (11 человек на место), Надя была зачислена на отделение скульптуры училища им. В.И. Мухиной. Впереди ее ждали восемь лет напряженной учебы. Первый в училище, о ком Ивлева всегда вспоминает с благодарностью, Василий Ильич Суворов – куратор их группы, преподаватель рисунка. Находя подход к каждому студенту, он старался увлечь не только изобразительной деятельностью, но и прививал любовь к хорошей литературе, к театру. Усилиями Суворова на курсе был создан студенческий театр, в котором Надежда играла сваху в гоголевской «Женитьбе». И, конечно же, сам Ленинград был главным учителем. Русский музей стал источником живописных открытий: Александр Иванов, Валентин Серов, Михаил Врубель – те художники, чьи работы навсегда покорили сердце Надежды Ивлевой. Долгие часы она простаивала у рисунков и этюдов Иванова, впитывая ту жизненную энергию, которую мастер отдал простому листу бумаги. А походы в Эрмитаж давали возможность приобщиться к классическим образцам мировой скульптуры.

После трех лет подготовительной учебы Надежду Ивлеву, одну из пяти девочек в группе, зачислили на первый курс Высшего художественного училища им В.И. Мухиной. Она с благодарностью вспоминает своих учителей Ирину Николаевну Никонову – преподавателя композиции и скульптуры, Виктора Вильгельмовича Эллонена – заведующего кафедрой скульптуры, который первым разглядел в ее работах нежную лирическую душу, Леонида Абрамовича Месса, больше всего ценившего в студентах помимо мастерства образованность и душевную наполненность.

Пять лет учебы подходили к концу, творческое преддипломное задание выполнено на «отлично», дипломная работа тоже близка к завершению, профессор В.И. Ингал доволен своей выпускницей: аллегорическая скульптура «Хлеб» займет достойное место в Артиллерийском музее «Золотая горка» Ленинграда. Оставался лишь один вопрос: куда отправиться после окончания института, где найти применение своим силам? В эти дни в коридорах училища можно было часто видеть группу молодых скульпторов, с энтузиазмом обсуждавших возможности предстоящего распределения. В эпицентре этих страстей, горячо убеждая в чем-то товарищей, всегда был сероглазый юноша из соседней группы – Сергей Николин. Надежда, наблюдая за ним со стороны, невольно прислушиваясь, ловила слова «Дальний Восток», «Комсомольск-на-Амуре». Как обычно, из многочисленной толпы «пылких романтиков» лишь четверо согласились поехать на окраину России в молодой, строящийся город. Но Сергей Николин не отступил от своей мечты, а вместе с ним поехали Николай Долбилкин, Надежда Ивлева и Алексей Буробкин. Так в 1955 году Комсомольск-на-Амуре получил в свое распоряжение молодых, одержимых, талантливых скульпторов, которым предстояло создавать новый, неповторимый облик города юности.

Действительность оказалась не такой уж радужной, и настоящих заказов пришлось ждать довольно долго. Скульптор поневоле заложник существующей системы и зависит от многих обстоятельств, а чаще всего от вкусов людей, принимающих решения, и наличия средств для воплощения задуманного. Первым испытанием для мастерства Надежды Ивлевой было задание восстановить вдребезги разбитый гипсовый бюст Сталина. Творчество в подобной работе, конечно, отсутствует, но возможность показать свое мастерство Надежда использовала в полной мере. Тем более что на практике в училище у нее был опыт реставрационных работ, она принимала участие в восстановлении рельефов Адмиралтейства и скульптур на Зимнем дворце. С этого момента все окружающие, в том числе и художники, среди которых она была единственной женщиной, стали звать ее Надеждой Семеновной. А ведь ей на тот момент было всего 23 года.

Первые работы Ивлевой в Комсомольске-на-Амуре – «Муза Константинова», «Портрет В.Л. Пендрие», «Мальчик с гусем», «Девочка-юннатка», «Обнаженная девочка», «Рабочий», «Вика», «Скрипачка» – не сохранились. Они были выполнены либо из пластилина, либо из глины и, к сожалению, так и не переведены в «серьезный» материал. Возможно, они погибли в тот момент, когда в отчаянии Надежда Семеновна принялась крушить все в своей мастерской. Ей показалось, что нет больше сил преодолевать себя и все сделанное ею никому не нужно. Сосед по мастерской художник Е.В. Короленко, услышав шум, вмешался и сумел успокоить Надежду Семеновну, убедить ее в обратном. Она осталась в городе. Несмотря на минутную слабость, к тому времени Ивлева уже сформировалась как художник со своими представлениями об искусстве, его идеалах и целях. Именно это и помогло ей сделать правильный выбор.

Она обращается к камерной скульптуре, портрету и в них показывает себя как тонкий психолог, проникая в сущность характера портретируемого, подчеркивая черты, присущие только ему, удачно выбранным материалом. Первый скульптурный портрет, созданный ею в Комсомольске-на-Амуре, – бюст В.Л. Пендрие (1956). Образ заслуженного врача РСФСР дан с подчеркнутой четкостью, резкие, крупные черты лица выдают волевого, энергичного человека, но в то же время обнажают нежную, добрую душу врача, через руки которого прошли тысячи новорожденных комсомольчан. Человек сложной судьбы, прошедший полевым хирургом Первую мировую войну, работавший на Дальнем Востоке в период эпидемии чумы, он приехал в Комсомольск в 1934 году,

чтобы отдать свое сердце, свою жизнь городу и его людям. Дружба с Пендрие продолжалась до конца жизни этого замечательного человека, и «скульптор Надя» всегда была желанной гостьей в его доме, возможно потому, что их объединяло одно общее качество – необычайное горение, с которым они относились к любимому делу.

В центре внимания Надежды Ивлевой современник. Она выполнила бесконечное число станковых скульптурных портретов в дереве, гипсе, камне, бронзе. Легко оперируя объемами, она создала образы, наполненные живыми человеческими эмоциями. «Партизан М. Буровский», «Молодой специалист», «Мастер ЗЛК Лазович», «Художник Мащенко» и др. В портрете В.С. Цивилёвой, первостроительницы города, организатора первых кружков самодеятельности в клубе «Ударник», Надежда Семеновна вводит цвет, тонирует гипс, придавая образу любимой многими комсомольчанки ту энергию, которой она обладала и щедро делилась с окружающими.

«Фабричная девчонка» была создана на творческой даче им. Кардовского в Переславле-Залесском, а в материал переведена уже в Комсомольске-на-Амуре. Это образ юной девушки с чертами характера самой Надежды Семеновны, как бы портрет ее души – нежной, но в то же время волевой и страстной. Дерево для скульптуры добывалось непросто. Присмотрев подходящую березу на другом берегу Амура, взяв саночки и пилу, Ивлева одна отправилась за материалом. Можно только догадаться, каких усилий стоило хрупкой девушке выпилить из дерева нужный кусок, а потом по внезапно начавшейся пурге дотащить через Амур до мастерской.

Поездки по национальным селам Приамурья, интерес к его коренным жителям еще не были широко распространены в среде художников. Первым, кто протоптал туда дорожку, был Евгений Васильевич Короленко. Увидев несколько набросков и эскизов, выполненных им в селе Кондон, Надежда Семеновна загорелась желанием поработать в новой среде. В следующую поездку они поехали вместе. Надежду Семеновну поселили в семье Самар. Поначалу удивляло все: необычное убранство нанайской избы, семейный уклад, привычки и необыкновенная деликатность в отношениях. Самой главной в семье была бабушка, которая поначалу очень настороженно отнеслась к гостье, но спустя некоторое время уже доверительно показывала коллекцию деревянных курительных трубок, аккуратно уложенных в старинный сундучок, и образцы древних орнаментов. После долгих уговоров художников и домочадцев бабушка согласилась позировать для портрета. «Старушка из Кондона» – это рассказ о непростой судьбе нанайской женщины. Горестная морщинка между бровями, сжатый рот с опущенными уголками губ выражают одновременно скорбь и решимость. В печальных глазах – попытка заглянуть в будущее, уберечь и защитить родных. Вековая мудрость и боль матерей всего мира о судьбах своих детей в глазах этой женщины. Работа выполнена в бронзе, и кажется, что материал окончательно не застыл, он дышит и пульсирует, придавая живость скульптуре.

Там же, в Кондоне, Надежда Семеновна нашла еще одну модель. Молодая женщина Анна Дигор не позировала специально, а просто жила жизнью, естественной для многих поколений ее предков. Не спуская с рук малыша, ставшего для нанайской семьи центром мироздания, занималась привычной домашней работой. В композиции «Колыбельная» образ молодой матери-нанайки, прижимающей к груди уснувшее дитя, дан предельно лаконично, найдена выразительная поза, удивительно пластично сплетение рук, сонная истома, охватившая мать и ребенка, буквально разливается вокруг скульптуры. Нет ничего драгоценнее для матери, чем эта сладостная ноша, и нет крепости надежнее для ребенка, чем материнское плечо. Вся философия материнства в этой скульптуре. В 1959 году «Колыбельная» демонстрировалась на краевой выставке в Хабаровске и в том же году была показана в Москве на первой выставке «Советская Россия». Здесь произошла встреча с профессором Ингалом, руководителем диплома Ивлевой. Его оценка была очень важна для Надежды Семеновны, ведь на этой выставке она единственная с курса представила творческую работу и заявила о себе как о сложившемся скульпторе.

В 1965 году Надежда Семеновна принята в члены Союза художников России, а первый крупный городской заказ был получен ею в 1968 году: на территории аккумуляторного завода планировалось строительство мемориала к 25-летию победы над фашистской Германией. Администрация города предложила попробовать свои силы в создании мемориала Сергею Васильевичу Николину, но он порекомендовал передать этот заказ Ивлевой. Последовала пауза: «Женщина... справится ли?» Но все-таки обратились к ней. После долгих обсуждений и споров решено было перенести строительство мемориала на берег Амура, сделать памятник более масштабным и доступным для всех жителей города. Архитекторы уже работали над своей частью проекта, недоставало самого главного – идеи, образного решения. Создание мемориального монумента имеет свою специфику, здесь очень важно мгновенное восприятие памятника, его пластическая выразительность, а целью является создание образа события. Великая Отечественная война была для Надежды Семеновны самым главным потрясение жизни. Она отчетливо помнит ужас бомбежек в Новгородской области, куда эвакуировали детей Ленинграда в первые месяцы войны, долгую дорогу под градом зажигательных бомб в Новосибирск, полки ополченцев, идущих на войну, черный кружок радио – источник радостей и печалей. Поэтому создание мемориала стало ее главной творческой задачей. Удивительно, но подобное грандиозное для Комсомольска-на-Амуре строительство шло без согласования с Москвой. Скульпторы прекрасно понимали, что подобный шанс выпадает раз в жизни. Они пошли на прием к первому секретарю горкома Александру Романовичу Буряку и сказали прямо: «Мы приехали сюда работать, создавать новое лицо города, и если строительство мемориала будет утверждаться в Москве, то этот заказ нам сделать не дадут». Буряк пошел на риск и разрешил сделать проект самостоятельно. Времени было очень мало, буквально за два месяца создали несколько эскизов, но нужен был беспроигрышный вариант. В одном из фотоальбомов о войне Надежда Семеновна прочитала исто-

рию, которая помогла найти верное решение. На груди у убитого под Сталинградом фашистского офицера было найдено неотправленное письмо, в котором он писал своей жене: «...мы прошли всю Европу, это было легко, но этих русских одолеть невозможно, они стоят как каменные глыбы…». Именно каменные глыбы-образы должны быть олицетворением непреклонного русского духа, воплощать окаменевшую священную ненависть к врагам. И эту идею приняли все: архитекторы, работавшие над проектом, городская власть, соратники по цеху. Отливка памятника происходила в очень сжатые сроки, для этого скульпторам предоставили одно из помещений трамвайного депо. Материал выбрали по совету Сергея Николина – диоритовую крошку с цементом. Его крупнокристаллическая структура идеально подходила для задуманного. Оставалось выполнить инженерную часть проекта, и опять пришел на помощь Сергей Николин. Благодаря его конструкторским способностям были рассчитаны и выполнены формы для отливки по частям каменных деталей, из которых, как из детского конструктора, затем сложились образы русских воинов.

Удивительно, но в подобных творческих тандемах ведущая роль всегда принадлежит мужчине, женщина, как правило, уходит в тень, создавая благоприятные условия для работы. В творческом дуэте Ивлева – Николин этого не произошло. Она всегда вела, и он достойно принимал подобное положение вещей и помогал во всем.

9 мая 1972 года состоялось торжественное открытие мемориала. Скульптурное воплощение памяти народной, творческая дань авторов тысячам жителей города юности, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Еще один этап художественной реализации авторов и их несомненная удача. Монолитная композиция, состоящая из семи образов защитников, среди которых подросток и юная девушка, полнокровно звучит в пространстве. Она поражает не только разносторонней образной характеристикой, но и некоторой отстраненностью от сует земного мира. Кажется, что не рука скульптора нанесла на камень лики героев, а они возникли под воздействием мощных сил природы. В решении образов Ивлева идет совершенно новым путем, в скульптурах нет использования излюбленного приема, характерного для произведений революционно-военной тематики – патетической динамики и обязательного взгляда-укора героя, настигающего в любом уголке площади. Герои Ивлевой смотрят за грань реального пространства, они сродни древним гигантам острова Пасхи, взгляд каждого из них устремлен в вечность. В это произведение-символ Ивлева смогла вложить ощущение концентрированной народной воли к победе и вместе с тем душевную боль за попранную землю, за миллионы погибших в этой страшной войне.

В 1970-е годы Надежда Ивлева создала немало различных по тематике и назначению произведений. В городе шла интенсивная работа по оформлению общественных зданий; совместно с Сергеем Васильевичем Николиным Надежда Семеновна выполняет керамические декоративные панно для гостиницы «Восход», горельеф для поликлиники, рельефы для Дворца культуры в Амурске, вазоны для зимнего сада санатория «Сахалин». В продолжение военной темы возникает замысел двойной скульптуры. В 1975 году макет композиции «Весна сорок первого года» отлит из гипса, в настоящее время он украшает художественный музей города. В этой скульптуре Ивлева вновь проявила себя как тонкий лирик. В работах советских скульпторов, посвященных первым дням войны, как правило, героический порыв, всенародное чувство гнева, готовность к подвигу. Скульптура Надежды Ивлевой несет совсем другой эмоциональный настрой. Сидящие на траве в военной форме парень и девушка застыли в трепетном порыве, он, вытянув мальчишескую шею, прикрыв глаза, читает ей стихи, она слушает их, боясь пошевелиться. Внешне фигуры статичны, но в них чувствуется внутреннее напряжение, и этот контраст гармоничной уравновешенности и потенциальной энергии способствует повышенной выразительности скульптурной группы.

Следующее десятилетие прошло для Надежды Семеновны в работе над большим количеством портретов и мемориальных досок. Это мемориальная доска первому художнику города Г.А. Цивилёву, В.Л Пендрие, А.Р. Буряку, памятник М.И. Калинину, портрет художника С. Кузнецова, художницы Г. Соловьевой, первостроителя П.Ф. Кривоносова, бюст-портрет Герою Советского Союза В. Орехову. Вместе с С.В. Николиным для Советской Гавани сделан памятник рыбакам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, воссоздан памятник А.С. Пушкину в Хабаровске.

Невозможно в небольшой статье рассказать о всех работах мастера, но очень хочется упомянуть еще одну, к которой Надежда Семеновна Ивлева имела непосредственное отношение. Речь о памятнике участникам ледового перехода 1934–1935 гг. «Воин-строитель». Его автор – Сергей Васильевич Николин. Проект памятника сделан еще в 1975 году, но по ряду причин, объективных и не очень, только через 25 лет, в 2002-м, он был выполнен в материале (кованая медь) и установлен в городе. Сергею Васильевичу удалось воплотить свою мечту буквально за год до смерти. И всегда рядом с ним была его верная подруга, не гнушавшаяся работой подмастерья. Она любила повторять: «Свернешь с дороги – потеряешь цель».

Надежда Семеновна давно находится на заслуженном отдыхе, но продолжает работать. В 2005 году в сквере у кинотеатра «Факел» открылся еще один памятник Ивлевой – легендарному летчику, Герою Советского Союза Алексею Маресьеву, первостроителю Комсомольска-на-Амуре. В настоящее время скульптор работает над архивом, анализирует созданное, огорчается по поводу того, что реализованные проекты не всегда воплощались так, как она задумывала. Но какой великий мастер может похвастаться тем, что все его замыслы и проекты осуществлены, как он предполагал?

Первая персональная выставка Надежды Ивлевой состоялась лишь в 2004 году, в Музее изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре, где было представлено 80 произведений автора. И в самом названии выставки «Моим комсомольчанам» отразился смысл жизни скульптора – служение людям и искусству.

Эдемская память

Алина ЧАДАЕВА

Нелли Баранчук. Автопортрет

БАРАНЧУК Нелли Евгеньевна родилась в 1930 году в Астрахани. После Великой Отечественной войны переехала вместе с матерью в Алма-Ату, где поступила в Казахское республиканское театрально-художественное училище и после его окончания в 1954 году уехала в Хабаровск, с которым связана значительная часть ее творческой жизни.

В 1968 году Нелли Баранчук вступила в Союз художников СССР, в 1984 году ей присвоено звание заслуженного художника Российской Федерации. С 2000 года живет и работает в городе Владимире.

Персональные выставки Нелли Баранчук состоялись в разные годы в Хабаровске, Москве, Ленинграде, Коврове, Владимире. Работы художницы находятся в музейных собраниях в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Южно-Сахалинске, Магадане, Чите, Москве, Коврове, Владимире, а также в музеях Японии, Германии, в частных коллекциях в России, США. Великобритании.

К 80-летию художницы во Владимире издан альбом ее живописных работ. Автором вступительной статьи стала писательницаАлина Чадаева – бывшая дальневосточница, автор ряда книг о жизни и самобытной культуре северных этносов.

Эдемская память – это подсознательные воспоминания каждого человека о Рае – Эдеме. Прапредки наши – Адам и Ева, видевшие первородный храм Земли, по неизбывному наследству передали потомкам запечатленные в их генах впечатления о воплощенном в Природе замысле Творца.

Иногда Господь дарует эту память художникам с открытой, почти детской душой, как дар свыше, и они передают миру «горние улыбки цветов». Более тридцати лет, в стужу нашей российской жизни, я греюсь сердцем у картин богодухновенного живописца Нелли Евгеньевны Баранчук.

Год за годом, день за днем она неустанно, с рыцарским благоговением служит «Прекрасной Даме» – не опороченной человеком Земле. Ее особенное видение, согласное с душой, выискивает райские оазисы – то на клумбах чьей-то непритязательной дачи, то в родных по духу деревеньках, то в веточках физалиса на зимнем окне своей мастерской…

Ручьи – музыкальны,
Иными и быть не должны…
Деревья печальны,
Снега белоснежно-нежны…

Пришли на память – в контексте темы – стихи дальневосточного поэта Роальда Добровенского: подсказкой, ибо расцвет художественного понимания Природы пришелся в творчестве Нелли Баранчукна дальневосточный – амурско-камчатский пласт ее жизни.

«Ручьи музыкальны», как и цветы, и теплые снега Камчатки, и «амурские волны» – и все они звучат, каждый по-своему, в музыкальных полотнах их портретиста. Сегодня, как почти сорок лет назад, будто написаны они на одном дыхании.

Есть у Нелли Баранчук картина «Сон», где в странной круговерти над спящей витают легкокрылые ангелы, а вместе с ними добрые уссурийские звери, а вместе с ними – лоскутные одеяла владимирских бабушек, спирали нанайских орнаментов, узоры казахских ковров… Будто вся Нелина жизнь цветистой радугой осеняет сон-явь былого…

Нелли Баранчук. Натюрморт. Прялка. 2010. Холст, масло

Окно в мастерской
2009. Картон, масло

Натюрморт
2010. Холст, масло

Меня всегда изумляло, как сильны в полотнах Нелли Баранчук тюркские, среднеазиатские мотивы. Потом поняла, что это – архетипы, впитанные ею в ранней юности, когда она в 1950-е годы вместе с овдовевшей матерью (отец Нелли погиб на фронте) жила в Алма-Ате, где училась в Казахском республиканском театрально-художественном училище. В натюрмортах ее и по сию пору не остывает горячая кровь гранатов, вписанных в легчайшие шелка-сюзане или беседующих с говорящим космосом ковров и риштанских керамических блюд…

В том, восточном, Раю – свои цветы, и по-своему музыкальны ручьи, напоившие молодую художницу неиссякаемым сорадованием жизни. И как прекрасно, что ее благодарная память несет в себе эти нетленные сокровища и делится с нами.

А то вдруг мастерская художницы в городе Владимире преображается чуть ли не в цыганский шатер, увешанный разноцветными лоскутками, чтобы отразиться в зеркальных боках старинного самовара. И благодарно отзовется в душе русского человека уютное застолье наших прабабушек, чья жизнь была неспешна и укладиста, и хозяин стола – самовар утром и вечером скликал к себе домочадцев.

Даже экран телевизора, с его невероятно как снятыми фильмами о природе, становится для Нелли Баранчук источником познания новых миров. И снова ей видится райский сад – на дне морском, где в сине-сиреневых глубинах обитают небесно-голубые жемчужницы и иные мощные конхилы (*раковины. – Прим. ред.*), край которых свернут трубящим рогом, и у них своя музыка волн и подводных течений.

Экзотические эти предметы не перечислительны. Их мир выгорожен, отъединен, словно сад, круговой изгородью спиц прозрачного зонтика с японским прононсом. Так подводный мир-сад Нелли Баранчук одомашнен ее любовью к уголку неведомого дотоле бытия.

Когда-то мудрый святитель Феофан Затворник советовал своему духовному чаду: «Вы писали, что имеете обычай мысленно посещать все места, освященные стопами Господа, и воздавать Ему на них благоговейное поклонение. Делайте так, и Господь будет считать вас каждодневно пребывающею во Иерусалиме (или в Киеве) на святых местах».

А есть ли места, какие бы не посетил Господь, сотворяя Вселенную, где на земле, на воде и под нею еще сохранены воспоминания о том, что Эдем был и остается, и вмещается в сердце человека, которому даровано его видеть.

Осень. Село Булгаково
2006. Холст, масло

Натюрморт. Гранаты
2010. Холст, масло

Татьянин день

Глеб МОРДОВЦЕВ

Посол Германии в России Вальтер Юрген Шмид вручил Татьяне Филобок и Татьяне Мисевич медали ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». 2011

В большом фестивальном пространстве Хабаровска Дни немецко-российской культуры занимают особое место. Этот крупный международный форум дает возможность встречи с художниками, музыкантами, режиссерами, лингвистами, знакомит с тенденциями европейского искусства, представляет совместные проекты России и Германии. Дни немецко-российской культуры в Хабаровске по традиции всегда приходятся на осень, и в нынешнем году они состоятся уже в 16-й раз. Таким жизнестойким фестиваль стал во многом благодаря главным вдохновителям и организаторам – Татьяне Мисевич и Татьяне Филобок.

Сама идея фестиваля родилась осенью 1997 года, когда в Хабаровске проходила крупная международная конференция по вопросам германистики. Для участников конференции потребовалась культурная программа, и пастор Маркус Лезинский, приехавший в Хабаровск для помощи в становлении лютеранской общины, вызвался помочь в ее организации. Татьяна Мисевич была тогда его переводчиком. Участниками творческого проекта стали театр пантомимы «Триада», Дальневосточная государственная научная библиотека, Хабаровская краевая филармония, и в итоге программа оказалась насыщенной интересными событиями. Первый пробный шаг оказался удачным, и организаторам захотелось продолжить эту работу, чтобы хабаровчане знакомились и с культурой Германии, и с творчеством дальневосточников.

Официально первые Дни немецко-российской культуры в Хабаровске прошли в 1998 году. С самого начала они позиционировались как некоммерческий проект, а значит, его события были доступны всем – детям, студентам, пенсионерам. Фестиваль поддержали спонсоры, а его главным партнером стало Посольство Германии в Москве. При создании убедительной творческой программы для каждого фестиваля, в которой наряду с выставками, концертами, театральным форумом и кинофестивалем были и научные лингвистические программы, организаторам удавалось задействовать лучшие творческие площадки города. За эти годы надежными партнерами Дней немецко-российской культуры стали Хабаровская краевая филармония, Краевой музей имени Н.И. Гродекова, Дальневосточная государственная научная библиотека, кинотеатр

Выставка «Тени времени» Тины Штольт (Карсруэ). 2007

«Совкино», краевой театр юного зрителя и др. Каждый фестиваль проходит под новым девизом, который и придает проекту общий настрой. «Между прошлым и будущим», «Через годы, через расстояния», «Дороги, которые мы выбираем», «Жизнь все же хороша!». А в рамках шестнадцатых Дней немецко-российской культуры планируется интерактивная выставка, посвященная известному немецкому писателю Эриху Кестнеру, автору популярных книг для детей. Отсюда возник и новый слоган: «Все мы родом из детства». Фестиваль живет своей жизнью, течет как река – иногда участники создают программу, а иногда его главная тема собирает участников. Даже логотип фестиваля напоминает течение извилистой реки – его придумал дизайнер из Германии.

Для двух Татьян каждый фестиваль особый, и даже спустя время они с улыбкой и радостью говорят о том или ином событии. В 2011 году планировалась выставка «Четыре чемодана искусства из Германии». Так случилось, что художники приехали за один день до открытия, и на монтаж (в обычных условиях это заняло бы целую неделю) оставалась только ночь. А поскольку именно на нее пришелся Хэллоуин, Татьяны и художники Рауль Кио, Диана Киль, Симона Хоровиц и Барбара Шениан праздновали его прямо в выставочном зале Гродековского музея, упрашивая духов помочь им в этом нелегком деле. К утру выставка была смонтирована.

Самые яркие воспоминания – о выставочных проектах западных художников. В 2008 году художник Хингстмартин в своей инсталляции «оживлял»

Выставка «Квартира художника. Внутренняя жизнь» Хингстмартина (Кельн). 2008

Александр Кузнецов и Дальневосточный симфонический оркестр на закрытии XIV Дней немецко-российской культуры. 2011

старую мебель, превращая диваны и шкафы в живых персонажей. Зрители смогли увидеть внутреннюю жизнь невидимых обитателей кровати и буфета. В 2007 году Тина Штольт представила выставку «Тени Времени». Она состояла из силуэтов людей, нарисованных на тончайших полотнах газовой ткани, подвешенных к потолку. Все свои произведения художница привезла в маленькой сумочке, а выставка в итоге заняла просторный зал Дальневосточного художественного музея. Зрители имели возможность ходить между этими почти невесомыми полотнами, и от этого силуэты на ткани тоже начинали двигаться. Создавалась атмосфера, которую невозможно передать словами.

Театр КнАМ. Спектакль «Кафка для чайников». 2005

Впрочем, современное искусство – это то, с чем нужно взаимодействовать, а не описывать с помощью слов или картинок, считают организаторы Дней немецко-российской культуры в Хабаровске. С ним нужно соприкасаться, общаться вживую, и тогда возникнет ощущение сопричастности. Девиз Дней немецко-российской культуры – новаторство и доступность. Каждый раз Татьяна Мисевич и Татьяна Филобок напоминают нам о вечных истинах, которые остаются все такими же актуальными.

На организацию выставок, мастер-классов, концертов, кинофестивалей и прочих событий Дней немецко-российской культуры уходит много времени и сил, но его организаторы знают, что каждую осень хабаровчане ждут, когда в городе появятся афиши со знакомым логотипом и насыщенной программой Дней. Да и сами Татьяны, завершая очередной фестиваль, сразу начинают разрабатывать концепцию нового. Они называют это «творческим вирусом» – общение с людьми другой культуры, обмен знаниями и энергией. Эту энергию Татьяна Мисевич и Татьяна Филобок сумели передать многим людям, поэтому за пятнадцать лет вокруг фестиваля сформировалась отличная команда волонтеров, в основном студентов, которые работают переводчиками, разносят пригласительные билеты, расклеивают афиши, курируют участников Дней и т. д.

Так сложилось, что в тандеме двух Татьян у каждой своя партия. Татьяна Филобок – координатор культурной части программы фести-

Совместный концерт рок-групп «KWS» (Франкфурт-на-Майне) и «Просто» (Хабаровск). 2004

валя. Татьяна Мисевич осуществляет поиски, налаживание контактов и связей с приезжающими из Германии участниками фестиваля.

Татьяна Филобок: «У нас все получается органично, мы дополняем друг друга. Проводим обсуждения, дискуссии, споры, в которых и рождается идея. Словом, все в двух лицах. Но, конечно, ничего бы не вышло, если бы мы не работали с профессионалами: музыкантами, художниками, дизайнерами. Многие из них сами нас стимулируют и подстегивают. Мы даже сделали книгу, хотя раньше никогда не занимались издательским делом».

Татьяна Мисевич: «На нас лежит огромная ответственность. За что бы мы ни брались, должны отвечать за свое дело. Но там, где трудно, там и интересно. Мы хотим показать людям то, что мы видим в Европе, что меняет лично нас от соприкосновения с ее культурой. Например, традиция мастер-классов, которые художники проводят для хабаровских детей, нужна для того, чтобы юные дальневосточники почувствовали, как рождается искусство, пообщались с мастерами, познакомились с их взглядами. Ведь люди из другой страны по-другому смотрят на окружающий мир. И нам важна их точка зрения, чтобы мы сами могли развиваться».

Дни немецко-российской культуры во многом проект уникальный, а Хабаровск единственный российский город, где он проходит в таком формате. И это больше, чем выставки, концерты и презентации. Это – фестиваль-диалог. А дарят его нам две Татьяны. И учат тому, как можно радоваться – отдавая.

Мастер-класс Симоны Хоровиц для детей из специализированной школы-интерната № 4. 2011

Открытие выставки детских работ «Дорогами сказок братьев Гримм» в Арт-подвальчике. 2005

Жить в радости

Анна МОРОЗОВА

«Ты никогда не унываешь!», – говорят Ларисе Георгиевне Барышевой друзья и близкие. Но она-то знает, что даже если и одолевает уныние, этого никто не увидит. И создается впечатление, что ее жизнь действительно яркий праздник и череда интересных событий. Так и есть. Но за всем этим стоит огромная сила воли, умение двигаться вперед, преодолевать трудности и, что самое главное, ломать стереотипы.

Лариса Георгиевна Барышева, надев когда-то «государственный мундир», много лет занимается вопросами социальной политики и культуры, но с самого начала ей удалось разрушить закоснелые представления о чиновнике как о человеке черством и равнодушном. При этом ничего специально не делала. Честно работала, была искренна и открыта с людьми, всегда стремилась им помочь. И те, кому приходилось сталкиваться с ней не только на профессиональном уровне, но и на житейском, сходятся в главном: Лариса Георгиевна Барышева – человек дружелюбный и сердечный.

В жизни Ларисы Барышевой с самого начала все складывалось нестандартно. Путь не был устлан розами, но о трудностях вспоминается так легко и с юмором, что поневоле заражаешься этим оптимизмом и смотришь на все произошедшее другими глазами.

Лариса Барышева – коренная дальневосточница. Родилась в Амурской области, на станции Бузули, а в школу пошла в поселке Амурсталь, где родители работали учителями. Потом, когда поселок закрыли, поскольку завершилась добыча огнеупорной глины для завода «Амурсталь», семья переехала в Райчихинск. Пришла пора выбора профессии, и Лариса, как и многие ее сверстники, решила стать геологом. В 1960-е годы геология, овеянная романтикой, манила в поля и таежные дебри. Вместе с подругами она уже собралась поступать в Благовещенский политехнический техникум, но разговор со школьным библиотекарем изменил это решение кардинально. Доводы о том, что самые умные и красивые девушки работают именно в библиотеке, стали определяющими, и пятеро девчонок отправились в долгий путь (четверо суток в общем вагоне поезда) – в Улан-Удэ, где находился Восточно-Сибирский государственный институт культуры. В то время это был ближайший вуз, где готовили библиотекарей. Но так получилось, что из пятерки смелых по конкурсу прошла только Лариса.

Лариса Барышева училась на библиотечном факультете, ее будущий муж – на факультете народных инструментов. И познакомились они, конечно же, в очень необычной обстановке — в бурятской степи, на сакманных работах, куда периодически отправляли студентов института культуры. (Сакман – это группа овец с только что родившимися ягнятами.) Приключения продолжились: свадьбу решили играть на родине мужа, в Читинской области, но поскольку билетов на поезд не оказалось, ехать пришлось в тамбуре товарного поезда. Картина потрясающая: нарядный жених, невеста в белом платье и на высоких шпильках, друзья с подарками и тортами с раннего утра и до глубокой ночи добирались до пункта назначения. Стряхнули дорожную пыль вместе с усталостью — и веселую свадьбу сыграли!

Во время госэкзаменов у Ларисы Георгиевны родился сын Роман, но это не помешало ей штудировать учебники (иногда от усталости она просто засыпала над книжками и конспектами) и сдать все на отличные оценки. А первым местом работы молодого специалиста стала Чукотка. Махнула туда из Усть-Камчатского, где, к сожалению, обещания работы и жилья для ее семьи оказались призрачными. И мужа, ко всему прочему, призвали в армию. Приняла решение и отправилась одна в непростой перелет с маленьким сыном, большим чемоданом и детским горшком в хозяйственной авоське. Надо сказать, что Лариса Георгиевна всегда самостоятельно выстраивала свою жизнь и не боялась брать на себя ответственность. Она очень рано осталась без родителей, поэтому твердо знала, что пробиваться ей предстоит без чьей-либо помощи и рассчитывать только на собственные силы.

Эгвекинот. С сыном Романом. 1973

В Эгвекиноте, что на берегу залива Креста, ей предложили место в кабинете политпросвещения райкома партии. Плюс к этому привлекли к общественной работе, включили в лекторскую группу. Активная молодая женщина, добросовестная и все делавшая с душой, не могла не привлечь внимание. Через два года Барышеву рекомендовали в райком комсомола вторым секретарем по идеологии. Перебралась с сыном из коммуналки в отдельную квартиру, да и муж к тому времени вернулся из армии и стал директором Дома культуры. В общем, все как-то складывалось. Ступенька за ступенькой, от инструктора до начальника отдела пропаганды. Если отбросить терминологию советского времени, можно сказать, что все вопросы, которыми занималась Лариса Барышева, касались социальной области и культуры: строительство детских садов и школ, организация творческих акций, работа с фольклорными коллективами.

Эгвекинот. Чукотка

В таких палатках вместе с семьями оленеводов Лариса Барышева жила, когда бывала в тундре. 1985

На этой ездовой упряжке Лариса Барышева ездила в оленеводческие бригады. Североэвенский район Магаданской области. 1985

С автопробегами по селам Магаданской области. Лариса Барышева третья слева. 1980-е

Логично, что спустя много лет, уже в Хабаровске, Лариса Георгиевна стала одним из инициаторов создания Совета национальных и международных культурных связей (сегодня Международная ассоциация национальных культур) и по сей день возглавляет его.

Это хлеб не назовешь легким. Частые командировки в отдаленные районы Чукотки, куда она добиралась на вертолетах, а иногда и на оленьих упряжках. Вместо гостиниц сельсоветы и чумы. В 29 лет Лариса Барышева стала секретарем райкома комсомола Чукотского района по идеологии и проработала там пять лет. Лариса Георгиевна рассказывает, что в основном ей попадались хорошие люди, не случалось конфликтов, недоразумений. Но, думается, что такая доброжелательная среда складывалась еще и в силу ее собственного характера.

В общей сложности Чукотке Лариса Георгиевна Барышева посвятила почти двадцать лет. За это время окончила с отличием Высшую партийную школу (ВПШ) и за два года учебы в Хабаровске вновь проявила себя как яркий лидер. Достаточно сказать, что профком ВПШ, который ей предложили возглавить, из малоавторитетной структуры превратился в серьезную организацию, вокруг которой кипела интересная жизнь. После распределения Барышеву направили в Северо-Эвенск, а через пять лет она вернулась в Хабаровск, уже преподавателем ВПШ. Одновременно поступила в аспирантуру в Новосибирске, начала писать научную работу, но резкие перемены в обществе в начале 1990-х изменили расклад.

Словосочетание «партийный функционер» в то время приобрело резко негативную окраску. Часто рубили сплеча, не щадя никого, забывая прежние заслуги. Не обошло это и Ларису Георгиевну. Но сильная женщина всегда остается сильной. Она не собиралась перечеркивать свое прошлое, в чем-то каяться. Пришла к ректору бывшей ВПШ, а к тому времени уже Социально-политического института, и сказала прямо: «Я бывший партийный функционер, но ничего плохого за все это время людям не сделала. Я должна работать». Несколько лет Барышева занимала должность ученого секретаря Социально-политического института, в 1999 году ее пригласили в администрацию Хабаровского края, где вначале она в качестве главного специалиста курировала вопросы культуры, потом возглавила управление по социальным вопросам и семейной политике.

Теперь Лариса Георгиевна работает в Хабаровской краевой филармонии заместителем генерального директора по связям с общественностью. Это новая для нее сфера, но Барышева такой человек, который легко встраивается в новый процесс. У нее есть замечательное качество – все время познавать и двигаться вперед. Осваивая новое для себя музыкальное пространство, Лариса Георгиевна не пропустила ни одного концерта – как хабаровских коллективов, так и гастролирующих. Потому что в любой работе важно понять все нюансы. И дело пошло. С учетом своего бюрократического опыта, шутит Лариса Георгиевна, она систематизировала работу своего направления.

«Давайте будем двигаться вперед!» – говорит она своим коллегам. В данном случае речь идет о создании зала истории в Краевой филармонии – своего рода небольшого музея, где отразится богатая музыкальная жизнь нашего края. До этого момента дальше идеи дело не шло. С приходом Барышевой, можно быть уверенными, музею быть.

Лариса Георгиевна яркая и неординарная во всем: безукоризненная прическа, жизнерадостные цвета в одежде. Она всегда хотела отличаться от общей массы, быть другой и, что самое главное, постоянное наполнять жизнь интересными событиями. Каждый год она собирает одноклассников из Райчихинска и выпускников ВПШ, которые приезжают в Хабаровск со всего Дальнего Востока, переписывается с сотнями людей в социальных сетях интернета. Словом, в жизни всегда есть место празднику. Этот праздник Лариса Георгиевна Барышева щедро дарит другим.

Фото из личного архива Л.Г. Барышевой

«Почему тетя поет дядиным голосом?»

Смешные и грустные монологи Лилии Онегиной

Марина ЦВЕТНИКОВА

Судьба подарила мне редкостную и драгоценную встречу с удивительной личностью, большой певицей, примадонной Минского театра оперы и балета, ученицей великого Сергея Лемешева – Лилией Онегиной. Мы познакомились уже в Хабаровске, куда она вернулась после своей блистательной карьеры и занялась преподавательской деятельностью. Частенько я приводила к ней на вокальную диагностику своих учеников, а с Оксаной Донцовой, ныне артисткой Мариинского театра оперы и балета, мы занимались около года. И это были уникальные уроки, мы буквально впитывали школу Лилии Алексеевны. Помимо высочайшего профессионализма она обладала светоносной душой, обаянием, несокрушимым оптимизмом, а ее неповторимое чувство юмора ассоциировалось с Фаиной Раневской. Много было рассказано во время наших встреч, и я записывала не только бесценные вокальные рекомендации, но и полные юмора эпизоды ее бурной концертно-гастрольной жизни. Так возникли эти монологи, сохранившие неповторимую интонацию Лилии Алексеевны Онегиной.

Лилия Алексеевна Онегина. 1949

Вы спрашиваете, как я стала оперной певицей и хотела ли я этого? Да я даже не знала, что у меня есть голос, пригодный для оперы. О существовании какого-то особенного голоса я и не подозревала. Правда, я догадывалась, что он у меня какой-то слишком уж громкий. Позовешь кого-нибудь на улице – вся улица оборачивается! Так что это была случайность. Его величество Случай. Я тогда работала в КрайТАСС, и было мне 16 лет. Отец мой только что вернулся не из столь отдаленных мест. Он был якобы политически неблагонадежен, поэтому вуз мне «не угрожал». Это было еще в Хабаровске. В лагере отец заболел холодовой аллергией, и климат Дальнего Востока ему более не подходил. И мы переехали в Донецк. В Донецке я также устроилась работать в КрайТАСС, а так как у меня оставалось много свободного времени, то пошла от скуки в городской хор. Учили мы известную тогда песню «Русский с китайцем – братья навек». Разучивали ее в унисон, то есть все пели одно и то же. Потом я простудилась и пропустила несколько репетиций, за это время песню разбили на партии, но я этого не знала и, придя на репетицию, взревела так, что перекрыла весь хор! «Это кто сейчас взревел?» – спро-

«Обручение в монастыре»

В роли Людмилы в опере «Царская невеста»

Солоха. «Ночь перед Рождеством»

Гуго Тиц и Сергей Лемешев

сила хормейстер. Скромно потупив глаза, я вышла вперед. Хормейстер попросила подойти меня к роялю, и, проверив все данные – голос, слух, градации вплоть до львиного рыка и бычачьего рева, отвела в музыкальное училище. Так с этой смешной песней я и поступила.

Педагог мне попалась – бывшая примадонна императорского театра, чуть ли не тысяча восемьсот такого-то года рождения. Такая характерная старушка, ну прямо яд-бабка! Она имела вместо языка змеиное жало! Могла так тяпнуть – костей не соберешь! Например, в адрес тенора нашего класса были такие реплики: «Хватит петь своим козлетоном, все равно оперной карьеры тебе не видать как своих ушей!» В свой адрес я таких реплик не слышала, но зато два года я проревела: дыхание не становилось на место. Так что реплики в мой адрес были другого рода: «Прекрати реветь, корова!» Вообще-то я носила 42-й размер, но это мелочи.

На госэкзамены в наше училище понаехали бонзы разных консерваторий, но я, конечно, выбрала лучшую – Московскую! Учил меня великий Сергей Лемешев и замечательный педагог Гуго Тиц – родной дядя нашего, ныне покойного дирижера симфонического оркестра Виктора Тица. От голоса Лемешева я сходила с ума и покрывалась гусиными пупырышками. На уроках он говорил очевидные и незаумные вещи. Например, «некругло взята нота, горло зажала». Записывал меня на магнитофон. От его прикосновений к моему горлу у меня кружилась голова и подкашивались ноги.

В консерватории я вместо положенных пяти лет проучилась семь. Лемешев оставил меня еще на два года – подлечить нервную систему. Сотворила я за время обучения две глупости: тяпнула себя по венам и вырезала абсолютно здоровый аппендицит. Дело было так. Вокал вокалом, а любовь любовью. Был у нас на курсе один красавец армянин, назовем его, к примеру, Аваз. Голос у него был так себе, зато фактура впечатляла. Насчет денег у него в карманах была полная тишина, он ходил в одном и том же костюмчике и зимой и летом, как бы сказал Зощенко, «без польт». А климат в Москве довольно собачий, не Бангладеш все-таки! А у меня была повышенная стипендия и большие переводы от родителей. Для начала я его одела. Любовь у нас была как во французской поговорке: один любит, второй лишь подставляет щеку. Любящей стороной была именно я, он лишь подставлял. Лемешев, видя эту «неземную» любовь, решил пропихнуть меня в Большой театр, а Аваза – в театр имени Немировича-Данченко. Насчет Большого у меня были, простите за тавтологию, большие сомнения. Сомневалась я в том, что быстро доберусь до главных партий, а петь до седых волос няню из «Онегина» мне как-то не хотелось. Я рвалась к большим ролям. Опять же, надо было по распределению ехать в Донецкий оперный. Когда же я сказала Авазу о таких перспективах, мой армянин разразился тирадой на чистейшем украинском языке: «Ты что! С глузду зъихала? Кто же по доброй воле оставляет Москву?» Вот тут я и поняла, что наши пути расходятся, и тяпнула себя по венам.

Второй случай связан был с невыученной политэкономией. Московская консерватория не детсад с няньками, несдача любого предмета, пусть даже не относящегося к музыкальным дисциплинам, – верное отчисление! Команда «скорой помощи» недоумевала: температура нормальная, а пациентка извивается от невыносимой боли в боку. Седенький профессор во время операции сказал: «Первый раз вижу, чтобы по своей воле отказывались от здорового органа!»

Итак, я поехала в Донецк одна. С поступлением в театр был связан забавный случай. Меня предупредили, что директор театра – бывший начальник тюрьмы и, войдя в его кабинет, надо соответствующим образом здороваться, а именно: «Здравствуйте, гражданин начальник!» Ну я таким образом и поздоровалась, и он меня запомнил, всегда отличал и даже напутствовал в личных вопросах: «На театральных мужчин, Лиля, не реагировать, балетники – все сплошь гомики, а оперники – сплошные цацы!» Наверное, поэтому я вышла замуж за дирижера оркестра нашего театра, который был старше меня на 25 лет. И чем, вы думаете, он в этом странном браке со мною занимался? Выучил за два года десять опер!

А на меня «точил зуб» дирижер Минской оперы. Хотелось ему в труппе иметь контральто, и в одну из гастрольных поездок (кажется, это было в Грузии) он меня попросту украл и привез в Белоруссию. Муж-дирижер проявил много понимания и не стал препятствовать переезду и разводу. Все-таки мужчины в 50 лет ко многому уже относятся философски. В Минске я снова вышла замуж, но об этом позднее.

Что было самым ярким и страшным среди событий тех лет? Да ташкентское землетрясение, в которое мы вляпались на гастролях в 1966 году. Дело было так. В пять утра загудела земля. Я заорала во всю мощь своих связок: «АТОМНАЯ ВОЙНА!» На эту мысль меня подвигла вспышка – ярче тысячи солнц! Это рванула электростанция. Гостиница – мощное здание сталинской постройки, лишь пошла трещинами, театр также уцелел. Высыпали мы на улицу кто в чем успел. Один дядя с пиалой в одной руке и с чайничком в другой, зато в костюме Адама – в чем мама родила! Звоню родителям – у них истерика, уже не чаяли меня услышать. Вот такие случились гастроли.

В театре я пела все, что могло петь меццо и контральто: от Амнерис в «Аиде» до графини из «Пиковой дамы».

А так как я была легка на подъем, коммуникабельна и здорова как лошадь, меня часто посылали в творческие командировки, и я моментально вводилась в «Онегина» или «Аиду». Во Львове, где пришлось петь Ольгу в «Онегине», мне сделали предложение перейти к ним в театр. Но я решила, что если кое-как терплю белорусский, с его «навернОе» и «скураной мапой» (так называли кожаный портфель), то опера на украинском – это то, чего мне не пережить. Например, ария Ленского звучала так: «Паду ли я, дрючком проперты, иль мимо прошпиндорит вин», или что-то в этом роде. Сравните с подлинником: «Паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она». На спектакле я щипала себя за ноги, чтобы не хохотать во все горло.

Да, любой театр – это гадюшник. Летит, например, балерина в жете, а у кулисы доброжелателями так любезно поставлен ящик с гвоздями. Бац, и ломает ноги! Или мне между актами положили телеграмму, что умер папа. Голос тут же сел.

Дважды нас выпускали за границу. До этих поездок я думала, что живу хорошо. По приезде мне как солистке сразу же дали двухкомнатную квартиру и зарплату 250 рублей. В Польше увидела, что примадонна живет в собственном доме с бассейном и машиной, и поняла, что я живу не очень… Ну а в Канаде, увидев почти дворец оперной дивы, я поняла, что вообще никак не живу. Все это, разумеется, шутки, так как самым главным для меня были роли, которые исчислялись конкретной цифрой – 42 партии.

Вы спрашиваете о судьбоносных пересечениях? Да, мне приходилось петь в Большом театре на Днях белорусской культуры и с Атлантовым, и со Штоколовым, и с хулиганом Пьявко, который, отпев, уходил щипать балерин. Довелось мне петь и с Галиной Вишневской в «Евгении Онегине».

Ушла я из театра с треском и блеском, с главных ролей. Тяжело заболела мама и стала настойчиво звать меня в Хабаровск, к тому времени она уже вернулась на Дальний Восток. Несколько раз я выступала с Дальневосточным симфоническим, а потом филармония начала гонять меня по садикам, и дети, недоумевая, спрашивали после концерта: «А почему тетя поет дядиным голосом?»

Вместо послесловия

Вот уже несколько лет нет с нами Лилии Онегиной. Но… такие люди не уходят, а продолжают жить в нас, пускают глубокие корни в наших сердцах и душах. Вот и на нас словно падают невидимые лучи души Лилии Алексеевны. В последние годы она не столько преподавала, сколько консультировала будущих консерваторских студентов, и ее многочисленные ученики всегда будут помнить и необыкновенную щедрость ее души, и истинную – не афишированную – доброту, и неподражаемое чувство юмора. Она всегда будет жить в наших сердцах – удивительная женщина с нежным пушкинским именем.

Фото из архива автора

Азучена. Опера «Трубадур»

Марфа. Опера «Хованщина»

«Молодец, Лилька!»

Разговор с солнечной женщиной

Лилия Яковлевна Славутская – режиссер, автор многочисленных передач о дальневосточных актерах и гастролирующих российских коллективах, телевизионных версий театральных постановок, а также собственных телеспектаклей. Большая театральная летопись нашего края создана за долгие годы работы на Хабаровском телевидении хрупкой и в то же время очень сильной женщиной. Лилии Яковлевне исполнилось 80 лет, но о ней невозможно подумать: «Человек достиг почтенного возраста». Она легка, остроумна, с необыкновенно обаятельной, солнечной улыбкой.

Мизансцена в память об отце

– Вы знаете, я ведь ребенок войны. Когда беда пришла, мне уже было одиннадцать лет. Я многое помню, просто в деталях, как в замерших кадрах пленки…

– …и то воскресенье?

– Ну еще бы! Мы в тот день поехали за город (а жили мы тогда в Челябинске), в сосновый лес, выбрались большой компанией: родители, их друзья, много детей, – помню, окрошка была в качестве ударного блюда. Мама приготовила. Только-только по первой стопке взрослые налили, а тут вдруг откуда ни возьмись люди. Хорошо было видно сквозь просвет деревьев, что все бегут куда-то, бегут, в каком-то страшном возбуждении. «Что случилось?» – крикнул отец, а в ответ донеслось: «Война…». Я обернулась к нему и вижу, как задрожала его рука.

Лицо сохранил, а рука выдала. Меня очень долго, когда я повзрослела и уже стала телережиссером, стала самостоятельно работать на моей любимой хабаровской телестудии, преследовала эта мизансцена: папина дрожащая рука, в которой застыла стопка горькой под крик «Война!..». Все хотелось эту говорящую деталь использовать в какой-нибудь постановке.

– Судя по интонации, не срослось. Может, и не стоило? Ведь выносить на экран свою боль, по-моему, невыносимо.

– Пожалуй, ты права. Хотя я, помню, не совсем понимала отца, который пресекал все мои расспросы о войне. Он ведь ушел на фронт почти сразу и добровольцем: «Ну, зачем тебе, Лилечка, знать всю правду? Там было много крови и боли…» – молчал, как кремень.

Я думаю, быть может, такая закрытость объяснялась и тем странным его исчезновением в середине тридцатых, когда он работал на Магнитке и вдруг пропал, а потом так же необъяснимо появился.

– В те годы как раз развернулись репрессии в поддержку печально знаменитого дела Промпартии, может, и его задело крылом?

– Да, все, конечно, может быть. Папочка был из той человеческой среды, на долю которой выпали не просто гонения по национальному признаку, но и погромы в родной стране. Он вышел из многодетной семьи, в которой котировались ценности вовсе не материального порядка, а умение нести по жизни свой крест, не перекладывая ношу на других. Свою Тосю (маму мою), детдомовскую девочку, он полюбил сразу и на всю жизнь, хоть у них и была разница в возрасте, и от этого, что не редкость в таких союзах, иногда возникали обиды. С маминой стороны, конечно же.

Лилия Яковлевна Славутская

– Ну, она же была девочка, а тут такой «афронт»: из роддома вышла с кульком на руках, будто мать-одиночка.

– Да, папы рядом не было. Как раз был сложный момент, когда врача Славутского вычеркнули из профессии, из реальной жизни. Мама рассказывала, что ну очень хотела уложиться с родами к 8 марта. Все-таки символ путеводный – появиться на свет в Международный женский день, а вот я, видимо, рассудила иначе, коль попросилась на волю через три дня. Причем для ровного счета так: одиннадцатого марта в одиннадцать утра.

– Красиво, ничего не скажешь!

– Господи, а в чем мы из роддома выходили!

Лилия Славутская в спектакле «Машенька». 1960-е

– Неужели и это помните?

– Да ладно тебе! Мамочка рассказывала, нищета такая, что не было возможности приготовить какие-никакие пеленки, распашонки. Она просто завернула меня в свою шаль, так мы и вышли.

Нужно еще сказать, что папочка у меня был первоклассный врач. Известный в Челябинске доктор. Безотказный, всегда готовый помочь. Его действительно многие любили и старались помочь семье в самые сложные периоды. В том, что мы с мамой, слава богу, не разделили его участь, что в те годы было правилом, большая заслуга папиных коллег и друзей. Они нас не дали в обиду. Никто не лишил угла, который был нам выделен прямо в расположении городской больницы. Я уверена, что все это в знак уважения к отцу.

«Ждите моего звонка» – первый телесериал на Хабаровском телевидении. Валерий Шаврин и Игорь Желтоухов

Мечта, не предай!..

– Я не хочу расспрашивать вас о голоде…

– Ну почему? Спроси, пожалуйста, что у меня с войны самое любимое лакомство.

– И что же?

– Не поверишь: жмых! Это такие спрессованные плитки темного цвета, чуть подсахаренные, как нам тогда казалось. На самом деле жмыхом назывался такой, с позволения сказать, продукт, который был в остатке от промышленной переработки семян подсолнечника. Помню, как я впервые попробовала это лакомство. Мы катались на санках, как раз снег первый выпал, а мимо проезжал обоз с охраной, все люди в шинелях, и вдруг один из возчиков заметил нас, оглянулся и бросил в снег несколько плиток жмыха. Мы их поделили между собой по-братски.

Если честно, то, видимо, мое сознание не сохранило четких подробностей, сколько и чего давали на карточку, что в ту пору готовила мама – все заслонялось чувством голода, которое было с тобой всегда, преследовало постоянно, заслоняло все мысли и редкие поводы для радости, хотя и выручал иногда «артистический» паек. Я же была девочка активная, боевая, яркая, заводная. Зовут в тимуровскую команду – бегу первая, в госпиталь ухаживать за ранеными, посуду мыть, стирать бинты, дрова рубить – я со всей душой. Ко всему прочему, еще и в самодеятельности блистала, меня и на радио записывали со стихами, ну а с песнями шла на бис во всех концертах.

Представьте себе: с Челябинского тракторного, который с началом войны перешел на ремонт танков, провожают на фронт (чаще всего почему-то ночью) боевые экипажи, а в качестве подарка для бойцов дают концерт силами самодеятельности, и я в ней блистаю. Причем, как я сегодня понимаю, серьезный это был труд. По детству как-то не оценивала свои «подвиги», когда нужно было через весь город, в ночь и мороз идти в сопровождении мамы к заводоуправлению, чтобы успеть к началу концерта и не подвести людей.

– Что вы тогда пели для бойцов?

– Ой, я перепевала все свои любимые фильмы, в которых царили Лидия Смирнова и Валентина Серова, но особенным успехом пользовалась песня из «Жди меня». Хотя, при всей моей фантазии, я бы не смогла позволить себе такую взрослую тему. Ну в самом деле, как бы это было? Выходит на сценку еще ребенок, ростом с кнопку, и начинает петь про большую любовь. Нет, у меня лучше

выходила другая песня, помнишь, как звучало у Серовой, на высоких нотах: «Ты, крылатая песня, лети ветром буйным в родные края…». А уж после войны пошел «импорт». На наш экран вышли трофейные фильмы с великолепной музыкой, с такими голосами! Где уж было удержаться! Я сразу брала себе в репертуар и зажигала на всех площадках Челябинска.

– Не сомневаюсь, что в итоге вышло, как в той песне: «…и слава тебя найдет».

– Еще бы! Меня знал весь город! Я ощущала себя просто звездой. Меня даже не расстроило то обстоятельство, что в силу идеологических причин мне пришлось оставить учебу на актерском факультете ГИТИСа, куда я легко поступила сразу же после окончания школы.

Знаешь, с каким репертуаром я приехала в Москву? Читала приемной комиссии чеховского «Злого мальчика» и отрывок из Леси Украинки: «Мечта, не предай!». Этот запал и вел затем меня по жизни: «Не предай!..». Но тогда такой текст требовал зрелого нутра, а я была маленькая и задорная. Но ведь за то меня и взяли на курс, расслышав в моем голосе «бабановские» нотки (Мария Бабанова – легендарная русская актриса, многие помнят ее по заглавной роли в арбузовской «Тане». – Примеч. авт.), и потом, сложись все по уму, я могла бы служить в московском ТЮЗе.

Но жизнь распорядилась иначе: закончила пединститут, стала словесником, работала в школе и техникуме, где учились парни, прошедшие фронт, и ни о чем не жалею, поскольку в итоге у меня все срослось по принципу «Мечта, не предай!..».

Главный урок Григория Чухрая

– Я всегда любила учиться. Мне невероятно везло на тех людей, которые могли дать новые знания. Я не отчаивалась, если что-то срывалось или откладывалось. Знала, что все хорошее еще догонит. Ну просто не может меня, такую славную, обойти счастье.

Представь себе, я еду в Ленинград с направлением от Хабаровского телевидения, которое еще только-только создается в городе на Амуре, и мне улыбнулась удача попасть в дружную команду, а затем и поступить на режиссерский факультет знаменитого ЛГИТМиКа: курс набирали Александр Белинский и Юлий Карасик…

– Серьезные имена, а вот моя память при упоминании ЛГИТМиКа выдает другой ряд: Василий Меркурьев и Марина Неелова – знаменитый актер и педагог и не менее знаменитая актриса «Современника».

– Так ведь и я там свой след оставила! (Смеется.) «Где эта девочка из Хабаровска?», – ласко-

Подготовка к съемкам

С Еленой Паевской

Малый театр СССР на студии Хабаровского телевидения во время гастролей

во спрашивали перед экзаменом педагоги, а я удивлялась: ну где ж они нашли девочку? На мой взгляд, я была уже дама в возрасте и при статусе (в Хабаровск Лиля приехала в 25 лет, вышла замуж за молодого офицера, который замечательно за ней ухаживал. – Примеч. авт.). К тому же успела поработать учителем на дальней станции Архара, где и служил мой муж, а потом и в Хабаровске себя проявила, причем одновременно в трех качествах: диктором, а затем и режиссером в редакции художественного вещания на краевом радио; актрисой народного театра ДК «Энергомаш», ассистентом у режиссера Бориса Владимировича Федоровского (он был и режиссером в музкомедии) и руководителем заводской самодеятельности, а для педагогов я, оказывается, все еще «девочка из Хабаровска»!

На студии Хабаровского телевидения с актерами литбригады «Товарищ кино». Лилия Славутская четвертая слева

– Лилия Яковлевна, вы сказали: «…актрисой народного театра», хотя бы об одной своей роли расскажите.

– Ой, я же в «Машеньке» играла! Имела колоссальный успех!

– В той самой, афиногеновской? С детства помню фильм с Караваевой и молодым Кузнецовым.

– Да-да-да. Когда Борис Владимирович задумал ее поставить, я сразу чуть ли не на коленях умолять: «Хочу, хочу! Смертельно хочу ее сыграть!» А он мне выставил условие: «Похудеешь – посмотрим…» Я просто была пухленькая. По моим прикидкам нужно было сбросить килограммов пятнадцать. Пила английскую соль и сбросила лишний вес за две недели. Зато, когда пришла к Федоровскому, он тут же сказал: «Все, репетируем!» Так что к тому моменту, как я поехала на учебу в Ленинград, что такое успех, мне было известно: «Девочка из Хабаровска!..»

Между прочим, к тому моменту я была уже на серьезном сроке беременности, хотя по мне этого и не было видно. Мало того, когда я в черном строгом платьице да с белым воротничком пришла к ректору – просить его похлопотать(!) о выплате мне декретных – он просто потерял дар речи. Не от наглости, ее во мне и не было. Боже правый, святая простота – поступить и тут же явить себя пред светлые очи с такой-то просьбой! «Милая моя, на моей памяти вы первая такая…», – и посоветовал взять академ. Что я и сделала, вернувшись в Хабаровск и получив в награду свою любимую дочку Машу.

С тех самых пор я испытываю невероятную любовь к городу на Неве, где есть БДТ (Большой драматический театр), который создал легендарный Георгий Товстоногов. Я благодарна судьбе, что мне посчастливилось побывать на товстоноговских репетициях, пообщаться с актерами, и, к своему восторгу, пересмотреть весь репертуар БДТ включая и знаменитые постановки – «Идиота» (первого состава) с Дорониной и Смоктуновским, «Трех сестер» с Шарко, Поповой, Басилашвили, Копеляном, Лавровым – не имена, а музыка!

С того времени и повелось, что я дарю близким мне по духу людям, скажем так, знакомство с легендарными актерами через одно рукопожатие: со Смоктуновским, с Басилашвили, с Матвеевым, с Озеровым – со многими личностями, с кем сводила меня судьба по жизни и на телевидении. Оттого и счастлива.

В ЛГИТМиК я не вернулась, невозможно было, имея на руках малышку, летать в такую даль на сессии, а тут во Владике объявили набор в институте искусств на факультет телережиссуры. Причем набирал курс человек с

вахтанговской школой – Михаил Каширин, работавший к тому моменту вторым режиссером у Григория Чухрая, к которому мы затем и ездили на практику во ВГИК.

Обучение было таким плотным и интересным, что я захлебывалась от новых знаний, усвоив на всю жизнь главный урок от Чухрая: есть два типа журналистов: один старается увидеть в собеседнике Бога и свет, а другой работает только на себя – беря в руки микрофон, прет без тормозов.

Жаль, что из эфира ушла душа. Мне не хочется брюзжать на этот счет, да я и не стараюсь ловить ту волну. Хотя порой невыносимо больно, что не вернуть в эфир то замечательное настроение, которое достигалось отнюдь не только техническими возможностями телевидения, а прежде всего уважением к зрителю. Вот исчезают же из сетки вещания («Не формат!») такие программы, в которых звучала великая поэзия, когда в студии «Театральной гостиной» общались с публикой наши ведущие актеры. Да и мы, творческие работники телевидения, имели возможность привести в эфир свой театр, от чего ты сам буквально летал, такой был подъем. Помню, когда я задумала поставить «Гамлета» как моноспектакль, в котором все трагическое действо шло в диалогах главного героя с разными предметами: с зеркалом, с флейтой, с чашей с ядом, – и ведь не было никакого страха, что люди не примут и не поймут. Понимали и принимали, еще как!

Ну разве возможно забыть, когда во время показа первого в истории Хабаровского телевидения телесериала «Ждите моего звонка», который шел, естественно, вживую (Л.Я. Славутская сняла его по мотивам повести «Трактир на Пятницкой». – Примеч. авт.), город буквально вымирал, причем все четыре вечера подряд, ровно столько и шел спектакль.

Мне очень жаль, что мы не смогли сохранить живые голоса наших замечательных земляков: актеров, писателей, художников – не было тогда записи как таковой. Все программы шли в прямой эфир, и когда меня порой спрашивали: «А где ты работаешь?», я с иронией отвечала: «В унитазе…», имея в виду то, что, к сожалению, все съемки смывались.

– По законам жанра не хочется такой грусти в финале. Тем более что не в вашем это характере.

– Да, ты права. Знаешь, хочется обойтись без пафоса, но я действительно счастлива, что в моей жизни был такой театр, как телевидение, где было множество открытий, встреч с хорошими людьми. Вполне логично, что с моим появлением на телевидении связан и один из первых анекдотов: «Ходит вся такая восторженная и спрашивает: «Как? А здесь еще и деньги платят?» – согласись, редкое везение, когда профессия не уничтожает тебя, требуя великих жертв, хотя в любой творческой отрасли без мук, самоедства, но и желания быть замеченным не обойтись.

Лилия Яковлевна Славутская со своими студентами Хабаровского института культуры и искусств

Свой первый фильм на телевидении я делала как признание в любви Петру Комарову, нарушив все мыслимые сроки, чем и было вызвано крайнее недовольство начальства; в довершение ко всему ленту решили вынести на суд общественности. Собрали в городском парке культуры партактив и показали мой материал. В фильме были просто дивные съемки Амура и любимого мной Хабаровска, буквально каждый кадр был мною выстрадан, и все прошло удачно. Принимающая сторона поздравила с хорошей работой руководство студии, и все разошлись, а про меня никто даже и не вспомнил. Помню, иду я по парку и рыдаю навзрыд: «Ну хоть бы кто слово сказал!..», а слезы падают на дорожку, буквально взрывая пыль, и вдруг слышу: «Лилька, молодец! Замечательный фильм сделала!» – пробегая мимо, хлопнул меня дружески по плечу коллега Владимир Каменев. И все, тут же слезы высохли.

Потом ленту отметили в Москве, и впервые работу Хабаровского телевидения «пустили в тираж», то есть фильм приняли к показу на всей территории страны. Я тогда подумала: как же мало надо для счастья! Да просто, чтобы тебя вовремя хлопнули по плечу и сказали: «Молодец, Лилька!»

Подготовила Ирина ПОЛНИКОВА.
Фото Галины ПЕРШИНОЙ
и из семейного архива
Лилии Славутской

Поэзия ню

Ольга ПРИВАЛОВА

С гор я увидел вас голыми
Около чистого озера
И прибежал, не подумавши,
Что все вы – дочери месяца,
Черной вороны я сын.

Николай Гумилев

Николай Холодок. Экслибрис
Линограюра. Хабаровск

Игорь Грабовский. Красное.
Холст, масло. Комсомольск-на-Амуре

Обнаженность женщины в искусстве ассоциируется с чувственностью жизненного бытия, красотой, материнством. И трудно представить, что обнаженное тело в истории искусства – настоящий полигон страстей и в социальном, и в религиозном, а в современном искусстве XX века – и в политическом отношении.

Изначально в античной Греции только мужчина, бог и герой, достоин возвеличения в скульптурном изваянии, созерцание его мужественной обнаженной красоты вызывало стремление подражать совершенному атлетическому телосложению. Но в божественном пантеоне немалую власть имели деятельные богини, и постепенно женская фигура освобождалась от драпировок хитонов и наряду с уверенностью явила плавные округлости женских форм. И кариатиды поддерживают архитектурный небосвод нежными плавными жестами, а их лукавые полуулыбки выражают некую тайну, известную, видимо, только женщинам. И вот философ Платон открыто заявляет, что существуют две Венеры: Небесная и Вульгарная, т. е. земная. В позднеантичном Средиземноморье нагота чувствует себя как дома: этруски с удовольствием демонстрируют напоказ свой живот, что шокировало бы греков.

Средневековый религиозный фанатизм отменил и идеальную, и чувственную красоту. Но глаз художника просто по внутреннему призванию, вопреки всем запретам, обязан изучать натуру – он исследователь реальности, отбирая сущностное и переводя на язык Эстетики. Следуя идее религиозного времени, художники, скрываясь от цензуры инквизиции, все же изобрели условный язык аскетической вытянутой вверх фигуры, где и грация шеи, и вытянутый изгиб женского торса стали той нотой пафоса, которая вторит стрельчатому рит-

му позднеготической архитектуры. Художники эпохи Возрождения не удовлетворены античными пропорциями и продолжают поиски идеальной фигуры. Леонардо да Винчи, Дюрер пытались по правилам геометрической пропорции вывести формулу человеческой красоты. Но не круги и не квадраты выражают красоту нагого тела, наконец-то признал Дюрер: «На свете нет человека, который мог бы вынести окончательное суждение относительно того, какова самая прекрасная человеческая форма. Одному Богу это известно. В отношении красоты непросто определить «хорошее» и «лучшее», ибо, даже создав две абсолютно разные фигуры, одну толще, другую тоньше, мы все же вряд ли скажем, какая из них более красива».

В XVII веке обнаружили, что женская нагота более привлекательна, чем мужская. Как придать женскому телу цельность и гармонию в сочетании с теплым чувством реальности – основной вопрос европейской культуры постепенно превратился в шаблонный салон жеманной обнаженности с одинаковыми личиками на фоне античных портиков, мраморных бассейнов, ангелочки же стали напоминать чертиков с рожками. (Как ни странно, но такая псевдоэстетика наблюдается сейчас в России.)

В восточных гравюрах в это же время обнаженные фигурки спокойно располагаются в пространстве как естественная часть изображений повседневной жизни с интимными сценами, т. е. нагота не выделяется как предмет созерцания – она естественна как природа. Для европейского сознания эффект такой непосредственной обнаженности бытия поразительный, оно стало открытием. И XIX век взрывается скандалами, сопротивляясь усредненному, слащавому вкусу. Бедную «Олимпию» Э. Мане «защитники нравственности» пытались проткнуть тростями, потому что была изображена обычная девушка с городской улицы без пышных форм, естественная и доверчиво открытая миру. Также художники Нового времени под влиянием Востока облагородят восточный принцип декоративностью графических линейных орнаментов и цветовой насыщенностью. Г. Климт вместо того чтобы впрямую прославить ценности Науки и Разума в оформлении университета, решил ввести эротическую тематику – обнаженные женщины и гуру. Но эта ирония покоробила заказчиков, и они выгнали художника, ставшего позже мировой знаменитостью. Так женское тело завоевывало право

Николай Вагин. Ню
Бумага, уголь
Хабаровск

Олег Яхнин. Иллюзия!
Офорт
Санкт-Петербург

Сергей Лукьянов
Тишина
Бумага, пастель
Комсомольск-на-Амуре

выражать радость и мольбу, горе и любовь, нежность и страсть… Экстатическая энергия инстинкта любви вырывается из острых кубических женских форм в знаменитой картине Пикассо «Авиньонские девицы». До сих пор эта картина вызывает споры: зачем так изображать женщину, и неприятие дилетантов, не понимающих, что женское начало есть чувственность творения самой жизни, а жизнь рождается в драматургии

Геннадий Кутуров
Материнство
Холст, масло
Хабаровск

радости и сомнений как единение эмоциональной страстности и материнской мудрости. Обнаженное тело, физически отражая реальный цвет и рефлексы окружающего мира, открывает жизнь чувств – сокрытое обнажается?! Нет, жанр ню любого времени все далее и далее уводит в лабиринт тайн эротического содержания. И каждое произведение современного художника в этом жанре вызывает не только созерцательный интерес, но и нередко волнительные споры об обнаженности в искусстве.

Многолетняя выставочная деятельность галереи современного искусства «Метаморфоза» позволила сформировать оригинальный визуальный картинный ряд поистине поэтического жанра ню. Эта коллекция показывает, насколько интересен и сложен поиск художественных средств, чтобы тема обнаженности зазвучала с многогранной жизненной емкостью. Лаконичное, но символичное цветовое решение в живописной картине «Дочери Лота» Игоря Шабалина (Хабаровск) как раз обнажает беспристрастность жизненного источника женской природы. И в то же время художни исподволь противопоставляет земное и небесное, подчеркивая драматургию картинного образа. В обнаженных образах японской художницы Ваканы Ямаучи, скорее всего, выражен экстатический порыв женского желания, как и сокрытие, и одновременное преодоление на пути познания чувственного мира. Контрастны по содержанию офорты Олега Яхнина (Санкт-Петербург) такой провокационной иронией, что вызывает у зрителей дискуссии на тему взаимоотношений мужчины и женщины.

Жанр ню самый сложный, потому что мотив обнаженности, на первый взгляд, однозначный, и совершенствование пластической выразительности, порой даже изобретательности, составляет увлекательный процесс. Возможно, Александр Михалевич (Хабаровск) и поставил себе задачу создания композиции на плоскости как необычное решение светотеневой моделировки, используя сочетание просвечивающих слоев различных бумажных фактур «от папиросной до туалетной» – нежность и осязаемость, рафинированность и простота. Получился удивительный образ – женская ипостась в стиле настоящего модерна в его игре пластических смыслов: с процарапанными узорами, с тонкой игрой света на разной фактуре, обнажая тончайшие душевно чувственные взаимосвязи женской внутренней натуры. Такие же изысканные, но

Александр Михалевич. Мечты
Цв. картон, бумага, коллаж, процарапывание
Хабаровск

Анатолий Нежинский. Даме хорошо
Холст, акрил. Хабаровск

Илья Лиханов. Торс
Бумага, пастель. Сикачи-Алян

Александр Шалагин
Смешанная техника
Находка

Игорь Шабалин
Дочери Лота
Холст, масло
Хабаровск

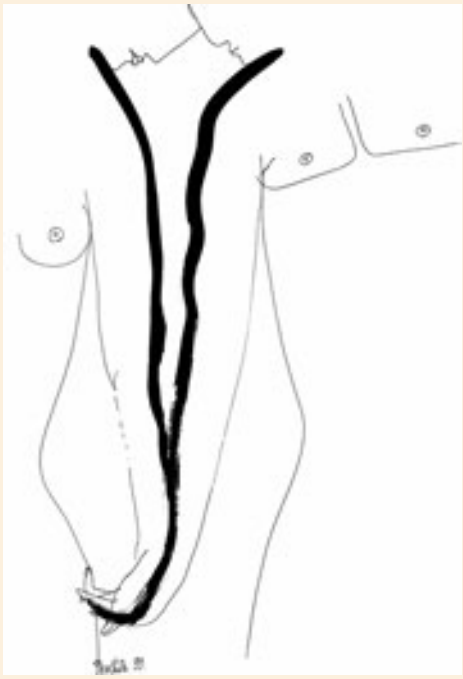
Геннадий Захаркин
Отдых
Холст, масло
Комсомольск-на-Амуре

графические арабески – образы у Игоря Грабовского (Комсомольск-на-Амуре), где сам по себе знаковый мотив определяет чувственную природу и ассоциативность с природными формами только подчеркивает чистоту естества.

Творчество художников Дальнего Востока в жанре ню в основном тяготеет к классическим образам. И в первую очередь, это работа с натурой. Но именно здесь проявляется, насколько художник, отталкиваясь от натурного изображения, творит семантику эмоционального образа. Классические образы купальщиц (Г.М. Кутуров, Г.Н. Захаркин) современны бытовыми реалиями, хотя и соотносятся с французскими образами (О. Ренуар, Г. Курбе, Д. Энгр, П. Сезанн). Мотив «спящей Венеры» также дает широкие возможности для поиска изобразительных средств в создании лирического образа. Такие графические и живописные работы созерцательны в почти бесконечном многообразии пластических сочетаний. Монохромная лаконичность тонового пятна, динамика штриха в графических рисунках Н. Вагина, В. Хрустова, Б. Тамулевича, (Хабаровск), С.Г. Лукьянова (Комсомольск-на-Амуре) подчеркивают чувственную женственную выразительность, и хотя подчеркивается внешняя красота, но сосредоточенность натуры гармонизирует эстетическое восприятие. Напряженная цветовая палитра Г.М. Кутурова (Хабаровск) контрастна и усложнена интенсивной штриховкой. Всегда удивляет содержательность лирического повествования экслибрисов Николая Холодка. Ясная осязательность женской непринужденности в цветочном декоре притягивает «греческой» отстраненной приветливостью, обобщая в целом эстетически прекрасный образ женщины.

Двадцатый век в жанр ню принес стилистическое переосмысление в направлении метафоры, знака как гиперболы эмоциональных смыслов: и иронического текста: «Даме хорошо» А. Нежинский (Хабаровск), А. Шалагин (Находка), и экспрессивной драматургии: И. Лиханов (Хабаровск), И. Шабалин (Хабаровск), И. Грабовский (Комсомольск-на-Амуре), где семантика пластических средств играет определяющую роль в образном содержании картины.

Галерея ню известных дальневосточных художников – это пространство пластических поисков, своеобразный диалог с изобразительной историей жанра. А он бесконечен как сама жизнь в любви и созидании, в чувствах проживания Прекрасного.

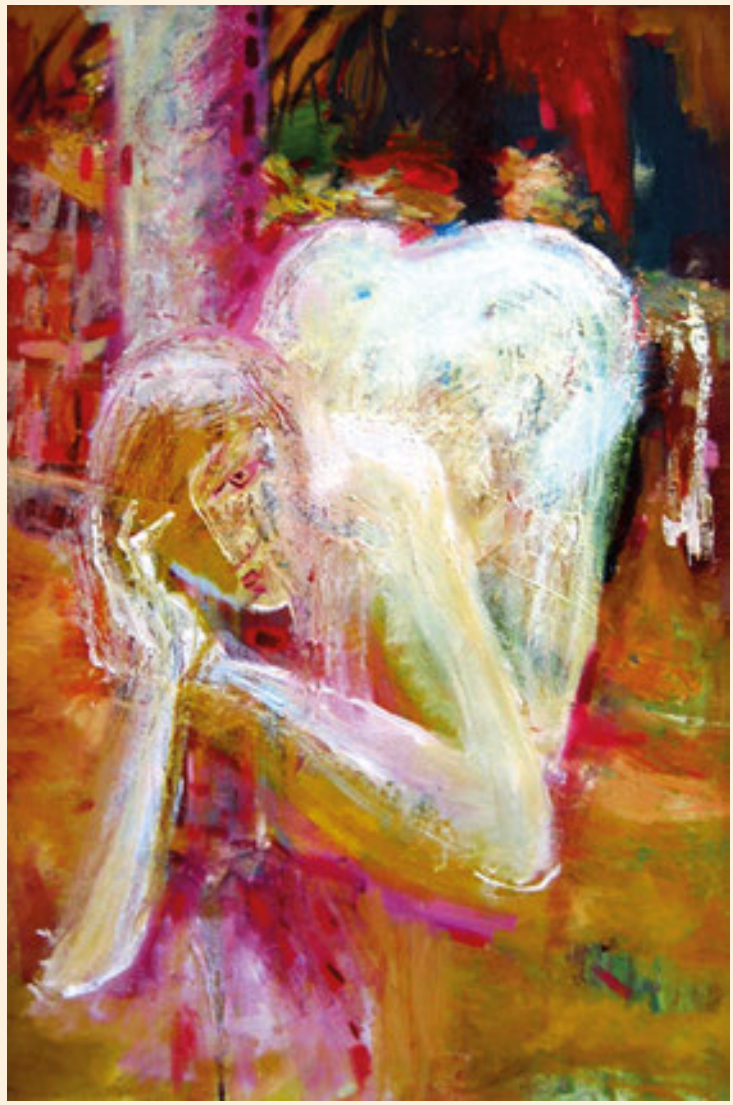


Игорь Грабовский. Соединение
Перо, тушь, бумага
Комсомольск-на-Амуре

Игорь Шабалин. Обнажение. Холст масло. Хабаровск

Вакана Ямаучи. Печаль
Бумага, смешанная техника
Япония

Игорь Грабовский. Город. Холст, масло. Комсомольск-на-Амуре



Таежная синема

Ненаписанный сценарий

Дмитрий ЕФРЕМОВ
Рисунки автора

Всё перекаты, всё перекаты,
послать бы их по адресу,
на это место еще нет карты,
идем, бредем по абрису….
Из полевой песни

Многие из нас воспринимают мир через картинки. Какие-то бусинки жизни складываются в видеоряд, как в кино. И уж, во всяком случае, любой из нас имеет в запасе наблюдаемый извне или пережитый изнутри сюжет, который так и просится на пленку и который хочется прокручивать и прокручивать в памяти. Вот и в моей памяти сидит сюжет, который я не могу унести с собой, но, как ни странно, не могу и рассказать о нем, так как вся суть спрятана не столько в событиях и их последовательности, сколько в колорите окружения. Несмотря на то, что я был не только очевидцем, но и непосредственным участником тех событий, о которых хочу рассказать, я вспоминаю их как бы со стороны, воспринимая весь этот калейдоскоп как длинный и необыкновенный, до предела насыщенный эмоциями киносценарий.

Представьте себе: быстрая, таежная горная река, теснимая крутыми синими сопками, с многочисленными перекатами, протоками, галечниковыми косами, заломами и порогами. Типичная дальневосточная речка, причудливо извивающаяся, с массой разветвлений и мелких притоков. По берегам ее раскинулись бескрайние темные хвойные леса, которые по гребням прилегающих сопок образуют ультрамариновые, почти черные, зубчатые стены. Вдоль реки, петляя по перекатам и переходя вброд неглубокие протоки, четыре человека в энцефалитках тянут вверх по течению большую узкую плоскую лодку – ульмагду, доверху нагруженную рюкзаками, вьючными ящиками, другим полевым скарбом. В конце лодки, подгребая и подталкивая шестом, сидит ороч. Он также одет в энцефалитный костюм, но по осанке и повадкам сразу угадывается местный восточный человек – проводник. Еще один человек, совсем молодой мужчина, с полевой сумкой и ружьем, идет впереди, высматривая удобные проходы и зазевавшихся крохалей – мясо на ужин. Обычная экспедиционная группа.

Необычность только в том, что четверо «бурлаков» – молоденькие, очень красивые, ладные женщины.

Женщина в тайге вообще явление, а тут целых четыре. Веселые, жизнерадостные, излучающие такую жизнеутверждающую энергию, что блики солнца на гребнях волн кажутся нестерпимо яркими, а в брызгах, взлетающих из-под ног девчат, мелькает радуга.

Небольшое отвлечение. Женщина в тайге, в поле всегда проблема. Но как, каким образом женщины попадают в экспедицию?

Конечно же, первым делом профессионалы. Они приходят по долгу службы. Во время полевых работ, как правило, не нуждаются в покровительстве мужчин, независимы от них, работают наравне с ними, не очень-то следят за собой, и каким-то чудом сохраняя в адских условиях свою красоту и привлекательность, становятся объектами всеобщего обожания и легенд в таежной ойкумене или, что чаще, превращаются в теток, обремененных изнурительной или монотонной работой.

Во-вторых, женщины-таборщицы, поварихи, иногда медички. Их разыскивают, отбирают по особым критериям, иногда по вкусу начальника. Чаще всего они попадают в экспедиционный отряд по протекции. Пользуются покровительством лидеров. Снисходительны к слабым. В конце концов становятся мамками, любят всех в силу душевности и доброты.

В-третьих, различного рода лаборантки, техники, практикантки, просто подруги. Самая опасная категория. Они приходят разными путями. Как правило, попадают в отряд или через отчаянное сопротивление мужчин, или, напротив, через всеобщее обожание и потаенное ожидание. Присутствие их будоражит коллектив, хотя порой служит причиной раздоров. В конце концов, если выдерживают и приживаются, становятся «хорошими парнями», оставаясь в любой форме весьма привлекательными.

В любом случае женщина в отряде фактор – положительный, т. к. не позволяет мужикам опускаться. Вынуждает их следить за собой, сдерживает грубость, держит в тонусе. И еще деталь. Один известный французский ученый, отправляясь в экспедицию, обязательно брал в группу самую некрасивую лаборантку. Весь сезон они спокойно работали, но наступал момент, когда лаборантка начинала казаться ему неописуемой красавицей. Тогда он немедленно прекращал все работы и возвращался домой. В нашей практике можно было и не спешить.

В этот раз все произошло случайно. Экспедиция лесного НИИ, направленная в глухой, малоосвоенный район для изучения лесов и оценки сырьевой базы проектируемого леспромхоза, разделилась. Часть отряда почти всем мужским составом была заброшена вертолетом в верховья реки, откуда должна была сплавом спускаться на резиновых лодках. Во вторую часть вошли все наши четыре девушки: две научные сотрудницы, две лаборантки, и я, тоже научный сотрудник. Мне было поручено беречь их и командовать. Не по должности, а по старшинству полевого опыта. Мы должны были подняться с низовьев до устья крупного притока, в среднем течении реки (это около ста километров) дождаться первой группы и отработать прилегающие лесные массивы.

От города, где группы расстались, «нижние», перелетели на маленьком самолете в таежный поселок, расположенный на берегу морского пролива. Оттуда, наняв ороча-проводника с лодкой, добрались по суше до устья большой реки, по которой и начали свой исторический поход вверх по течению.

В начале реки, в равнинной части, пока было довольно глубоко, а течение небыстрое, путешественники, забравшись в лодку, толкались шестами, прижимаясь то к одному, то к другому берегу, и довольно-таки шустро продвигались вверх по течению. Лодка была большой грузоподъемности и, на удивление, вмещала всех. Иногда, когда по надпойменной террасе обозначалась тропа вдоль берега, часть людей шла пешком, переходя вброд небольшие протоки. После нескольких часов подъема крутые берега начали теснить русло, течение усилилось, появились перекаты и отложения гальки. Река входила в горы. Начиналась многодневная таежная одиссея, а кадры событий замелькали со скоростью киноленты. Таежный вариант «Белого солнца пустыни», где старшему пришлось выполнять что-то среднее между ролью Сухова и Федота из фильма «А зори здесь тихие».

Далее пойдут только сцены и эпизоды событий без жесткой привязки к хронологии и последовательности – так, как они всплывают в памяти.

Ночь. Хрустально-звездное небо. Шум реки. Постукивают перекатываемые быстрым течением камни. Изредка попискивают кулички. Где-то в сопках ухает филин. Над зубчатым гребнем сопок висит почти круглая луна. На невысоком берегу среди редких раскидистых ив у небольшого костра спят, вповалку, беспробудным сном девчата. Уже по позам спящих видно, как они устали, пройдя за день более двух десятков километров, толкая и перетаскивая лодку и груз по перекатам и преодолевая бесконечные заломы. Проводник устроился в лодке и тоже похрапывает, не обращая внимания на зудящий рой гнуса. Не спит только «старшой». Он изредка подкладывает дрова в костер, поправляет брезент, которым укрыты его спутницы, натягивает марлевый накомарник, чтобы как-то защитить их лица от комаров и гнуса. Проделав это, садится к костру. Прислушивается к ночным звукам и задумывается о предстоящем, понимая, какая ответственность свалилась на него. Таких ночей будет много.

На заре утренняя прохлада. Сонные лица девчат. Беспричинный смех. Непривычная ломота в ногах от вчерашней усталости. Осознание, что все происходящее реальность и необходимо двигаться дальше. Быстрый завтрак. Погрузка. И вновь в путь по скользкой гальке, в голубой туман с розовой подсветкой от восходящего солнца.

Эпизод в пути. На одном из отрезков вся группа двигается по высокой ровной террасе вдоль берега, где среди густого кустарника пролегает достаточно хорошо протоптанная тропа. Рюкзаки взвалены на плечи, чтобы

как-то разгрузить лодку и облегчить проводнику возможность толкать ее шестом вверх по течению (в чем он был большой мастер и справлялся без помощников). В одном месте, где через кусты просматривается широкий плес, видно, как сверху по реке спускается лодка, в которой находятся два человека. Старший спустился к воде и помахал им рукой. Сидящие в лодке заметили его и подплыли к берегу. После приветствия выяснилось, что в лодке спускались местные егерь и охотник-промысловик. Они были вверху, на солонцах. Разговорились. Закурили. Начались расспросы: кто, откуда? В это время из-за кустов выходит первая девушка, которая несколько отстала от лидера на тропе. Стройная, с распущенными волосами, сказочно эффектная. Егерь сразу замолк, потеряв дар речи. В следующее мгновение из тех же кустов появляется вторая девушка, по красоте ничем не уступающая первой. Глаза егеря и его напарника засветились, а челюсти явно начали падать, отвиснув окончательно, когда из-за тех же кустов появилась третья.

«Да сколько же их?!» – воскликнул он, чуть не вывалившись из лодки, и в этот момент рядом с третьей возникло четвертое очаровательное видение. Мужики в лодке просто впали в ступор с вытаращенными на лоб глазами. Такого рассадника в тайге, где на сотни верст безлюдье, не могло даже присниться. Красота сразила наповал. Ребята, забыв, куда они направлялись, развернулись и безоговорочно изъявили желание сопровождать караван красавиц до конца. Это было очень кстати. Они прекрасно знали здешние места, и когда снизу подтянулась ульмагда с проводником, группа, перераспределив груз, пошла вверх уже на двух лодках. Через два дня группа добралась до конечного пункта. Повстречавшиеся охотники оказались очень хорошими парнями. Они не только проводили, но и предложили экспедиционной группе остановиться в их охотничьей избушке, помогли устроиться в ней.

Просто кадр. Избушка, рубленная из круглых бревен, расположена на крутом берегу, на крошечной полянке у самой стены густейшего ельника. Со стороны реки она смотрится как настоящая избушка на курьих ножках, чему особенно способствует большой, разлапистый пень кедра у входа. На фоне черного ельника бревна светились каким-то теплым золотистым светом. Избушка рассчитана на трех, максимум четырех человек. Внутри небольшая печурка, пристроенный к стенке столик да полати из протесанных жердей. Все как обычно, ничего лишнего и очень уютно.

От избушки открывается изумительный вид на широкий плес реки, галечниковый пляж на другом берегу, курчавое обрамление из ив, крупных раскидистых деревьев тополя и щеток стройной сиреневой чозении. Обрадовавшись крыше, уютному пристанищу, девчонки шумно, со смехом и шутками разбирают вещи, обустраивают быт. Мужчины сооружают очаг, столик под раскидистой елью, лавочки вокруг него из дощечек тарных ящиков и спуск к воде с крутого обрывистого уступа, пилят дрова. Вечером богатый ужин (рис с тушенкой, хариусы, запеченные на углях, треть кружки спирта, разбавленного ключевой водой, и крепчайший индийский чай иркутского развеса), затем песни у костра, лирика, рассказы о полевых приключениях, воспоминания, нежелание расходиться, несмотря на усталость.

Очень не хотелось ребятам покидать новоявленных друзей, но все даже самое хорошее имеет конец, и наутро они отчалили вниз, обещая скоро вернуться. Девчон-

ки махали им с берега и выкрикивали теплые слова благодарности за помощь. После их отъезда пошли таежные будни, каждый день из которых в обыденности показался бы пределом, фантастически насыщенным полевой романтикой, которой хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

Но пора познакомить читателя с главными героинями описываемых событий. При этом автор умышленно не называет настоящих фамилий и имен, чтобы не превращать рассказ в документальное описание.

Людмила Тимофеевна. Почвовед (если название профессии может характеризовать человека). Абсолютно предана своему делу. Готова где угодно вырыть почвенную яму (разрез) и сидеть в ней, не замечая тучи комаров, описывая всяческие слои и различные прослойки, отбирая в мешочки многочисленные образцы почвенных проб. Эти мешочки, как кирпичи, укладывались в рюкзак, делая его неподъемным. Но Л.Т. всегда несла этот груз только сама, никому не доверяя. Удивительно самоотверженна, готова не задумываясь броситься на выручку товарищу, целеустремленна, упорна в достижении цели. При всем при этом очень красивая, крепкая, ладная, романтична, добра беспредельно.

Алла. Лесовед-ботаник. Миниатюрная, нежная, хрупкая. Неутомимая труженица и хлопотунья. Ни минуты без дела. Весь полевой табор на ней. Имеет со студенчества большой опыт работы в полевых условиях. Умеет делать все: заложить и обработать пробную площадь, описать каждое растение, спилить и разделать модельное дерево, собрать гербарий, проложить маршрут и многое другое из полевых работ. Все это умудряется аккуратно и толково записать, оформить, сберечь. Одновременно с этим – наловить рыбы, разделать дичь, развести костер, сготовить варево из подручных лесных продуктов, накормить всех. Удивительное сочетание внешней почти детской хрупкости и внутренней воли, выносливости и прямо-таки мужской хватки и приспособленности к полевым неурядицам. Железная выдержка. Очень красивая, душевная, добрая. Первая и самая полезная помощница старшего.

Таня – техник-лаборант. Крупная, яркая, очень красивая девушка. Страстная. Импульсивная. Любит и бережет себя. Поэтому, когда возникают какие-то трудности или просто донимают комары, или мучают воспоминания о своем любимом, может всплакнуть и захандрить. Сильная. Способна в одиночку тянуть груженую лодку, но по настроению. Очень хорошо поет. По вечерам, в свете костра, сказочно обаятельна. Постоянно ждет своего принца.

Люда-маленькая – техник-лаборант, вчерашняя школьница. Милая, нежная девушка с большими голубыми глазами, излучающими восторг, удивление и наивность. Она первый раз в поле. Неумеха. Полевая одежда на ней сидит нескладно, что никак не портит ее, а, напротив, придает шарма. Все дается ей с трудом, но она очень старается, и когда что-то получается, ждет похвалы. Когда при описании лесного участка записывает диктуемые ей данные, нежные музыкальные кисти ее рук, как она ни пытается их спрятать, слоем облепляют комары, отчего она сильно страдает, но терпит и не подает виду. Оказывается, что та самая полевая романтика, которую она так ждала и о которой так наслышана, в действительности нескончаемый труд, пот, невыносимый зуд от гнуса, клещи, распухшие руки, стертые ноги, копоть от костра и дымокуров, мокрая одежда, повсеместный кислый запах дыма и многое другое, о чем лучше не вспоминать.

Вот они, помощницы, героини и объект заботы старшего. (О старшем не будем, он также молод, романтик, лесовод по профессии, успел побывать в экспедициях и знает тайгу, но самое главное в данном случае – единственный мужчина в группе.)

Вместе два месяца. И днем и ночью. Избушка, река, обязанность выполнить задание: заложить и описать несколько десятков пробных площадей, определить запасы древесины в различных типах леса на этой и той стороне реки. Необходимость переплывать на ту сторону реки на резиновой лодке. И, конечно же, каждодневный быт, означающий само существование и пребывание, требующие больших усилий. И все это в данных условиях, каждый обычный день – событие.

Будни. Обычный день. В любую погоду подъем до восхода солнца. Первой, как правило, встает Алла, за ней старший. Быстро сполоснувшись ледяной водой (иначе нельзя, комары заедят), старший спускает на воду надувную лодку и вместе с Аллой плывет проверить небольшую сетку, установленную рядом, ниже по течению, в устье небольшого притока. Сидя на веслах, выбирать запутавшуюся в сетке рыбу он доверяет только ей. Улов хороший. На дне лодки прыгают несколько увесистых леночков и хариусов, как раз на добрую уху. Вернувшись, старший разжигает костер, рубит дрова. Алла ловко чистит рыбу, заправляет уху, кипятит чай. Через полчаса завтрак готов. Солнце взошло. Сквозь кроны деревьев пробиваются первые лучи солнца. Сопки, напротив, окрашиваются в малиновый цвет, но русло реки еще в синей тени.

Появляются остальные девчонки. Сонные, улыбающиеся. Тут же возникает гомон, смех, суета. Наконец-то все за столом. Между шутками, поглощением ухи и чая обсуждение планов на день, распределение заданий. Сегодня работаем на правой стороне реки. Будем закладывать пробные площади в ельниках и лиственничниках через всю долину, перпендикулярно от русла реки до водораздельного хребта.

Пробная площадь – это отграниченный визирами участок леса, соответствующего по своему облику и составу растительности определенным требованиям. На пробной площади проводится учет и измерение размеров всех деревьев, описывается молодняк древесных пород, различные кустарники, травы, мхи и все, что есть живого и мертвого. Выкапывается и описывается почвенный разрез (почвенная яма) глубиной до метра и более. Берутся образцы разных слоев почвы для анализа. Такими пробными площадями и описанием должен быть охвачен весь спектр типов леса, все природное разнообразие, имеющееся в данном районе.

Работа кропотливая и трудоемкая. Надо подойти к каждому дереву, измерить, описать его. Найти и перечислить каждый вид кустарника или трав, а также мхов и кустарников, определить их, собрать гербарий. Не говоря уже о почвенной яме. Главное, что все это постоянно сопровождалось тучей гнуса и комаров.

В день обычно закладывали одну пробную площадь. Возвращались в зимовье, домой, как правило, уже в сумерках. В другие дни переплывали на резиновой лодке на ту сторону, где более разнообразный состав лесов, и там было много работы. Резиновая лодка была достаточно надежная, десантная, в форме пироги. Однако все равно страшновато, на реке ждут многочисленные прелести-ловушки горного водотока…

Небольшая справка для тех, кто мечтает сплавляться по горным рекам. Водный поток в горной речке очень изменчив: относительно неширокий и разветвленный, он вдруг почти в одночасье после дождей превращается в бурную, безбрежную, грохочущую за счет перекатывающихся глыб реку, несущую по течению различный древесный хлам. Благополучно переплыть такую речку на резиновой лодке очень непросто. Течение обязательно снесет лодку на полкилометра, а то и более, вниз, и хорошо если найдется удобное место высадиться на том берегу и успеть до маячащего впереди ревущего залома.

Заломы – беспорядочное нагромождение поперек русла на всю ширину или частично свежих и старых стволов деревьев, древесных обломков, всякого древесного хлама, принесенного течением, каменных глыб, создающее затор водотоку. Заломы бывают глухие и сквозные. Глухие перегораживают русло почти как плотина. Основной водоток при этом в виде мощной струи перекатывается сверху, образуя порог, или уходит под залом, образуя перед ним широкую воронку, со страшной силой втягивающую течением все, что попадает в струю. Не дай бог попасть в эту воронку. Лодку и всех, кто в ней, как спичку поглотит водоток. В лучшем случае что-то из остатков содержимого лодки всплывет на той стороне залома.

Сквозной залом опасен тем, что вода хаотичными струями с огромным напором сквозит в щели между на-

громождением деревьев и другого плавника. Струя может захватить лодку на расстоянии от стены залома и затащить ее в проем или поставить вертикально, выкинув все: и седоков, и груз. Счастливец может оказаться на каком-нибудь стволе, держась за сук, или, если не зацепится, как пробка вынырнет на той стороне. Но это очень большой счастливец. Чаще всего такие заломы бывают в протоках с крутыми, обрывистыми размываемыми берегами. Подмываемые деревья, как частоколом, перекрывают русло широкой полосой, а водоток, как в трубе, несется в теснине с огромной скоростью. Особенно после дождей. Очень легко с основного русла скатиться в такую протоку. При встрече с такими заломами всегда надо помнить поговорку «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Если вы, конечно, не ищете приключений, вовремя остановитесь, осмотритесь и согласитесь, что суша надежнее.

Перевертыши – глыбистые пороги, где в проемах между скальными глыбами образуются страшной силы и скорости водотоки, различные завихрения и воронки, попав в которые, лодка закручивается как щепка, и чаще всего опрокидывается. Подплывать к таким проемам близко крайне опасно – затянет в струю. Разумнее поискать какой-то обход или вообще перетащиться по берегу.

Большую опасность на горных речках, кроме заломов и каменистых порогов, представляют различного рода топляки. Обычно их делят на нерп, щук, расчески, ну и далее, насколько хватает фантазии. Нерпа – это когда из воды торчит бревно, конец которого в зависимости от течения то погружается в воду, то всплывает, напоминая голову нерпы на поверхности воды. Лучше с ней не сталкиваться. Можешь дальше поплыть без лодки. Щука – торчащая из воды остроконечная отполированная вершина затопленного ствола ели с короткими острейшими сучьями, которые напоминают зубы в пасти щуки. Распарывают бок резиновой лодки как бритва. Расческа – зависшее над водой с опущенными в водоток ветвями падающее с размываемого берега дерево. Особенно опасны ель или пихта. Их ветви, отполированные сильным течением, выглядят точно как зубья в гигантской расческе, которые иногда перекрывают русло протоки чуть ли не наполовину. При сильном течении, если вы подплывете к такой расческе со стороны струи-стремнины, вашу лодку или плот обязательно прижмет к сучьям и опрокинет, как бы вы ни старались табанить веслами, а если и протащит через редкие сучья под стволом, мало что останется в лодке.

Везло. Много раз группе исследователей удавалось с трудом но благополучно переправляться на ту сторону. Переправившись, шли в горы, каждый день разными маршрутами и все дальше. Так проходили дни, от зари до зари. Весь день работа. Бесконечные заходы по тайге, в зарослях, болотах, форсируя многочисленные речушки и протоки. Пересекая хребты и распадки. Что заставляло так отдаваться работе? Ведь не было никакого контроля. Только осознанная необходимость. Как это ни странно сейчас звучит, чувство долга. Понимание важности и нужности порученного дела. Одна задача руководила ими – приведение лесов данного района в известность. А кругом расстилалась девственная, совсем не тронутая человеком, малоизученная тайга, море леса. Даже мысли не возникало бросить все это и пожалеть себя. Хотя и заработка особого не было, и ничего, что могло бы держать и быть каким-то стимулом, кроме интереса к познанию. Не задумывались и о том, что могло случиться все, что угодно.

Случись оно, и никто бы не помог, и нашли бы нескоро. Безусловно, текущая организация полевых работ выглядела, с одной стороны, как легкомысленность и самоуверенность молодости. С другой стороны, была необхо-

димостью, так как в те времена не было ничего: ни доступной связи, ни проходимого транспорта, ни специального снаряжения, ни легких материалов, а работу в любом случае надо сделать. Чтобы познать лес, надо там быть. Вот и отваживались на авантюру, хотя в принципе для мужского состава полевиков это было обычным делом.

Уставали страшно. Особенно в первое время. Ночевали там, где заставал вечер, у какого-нибудь ручья. Разводили костер. Сооружали общую подстилку из еловых лап, после простенькой похлебки из рябчиков или гольянов, заваливались на нее и, тесно прижавшись, друг к другу, накрывшись тентом, мгновенно засыпали. Спали как убитые, без снов и страхов.

Несмотря на ежедневную усталость, тяжелейший полевой быт, девчонки терпеливо переносили все неудобства и сохраняли юмор, задор, помогая друг другу во всем, берясь безотказно за любое дело. Что удивительно для женского коллектива, никаких распрей. День за днем. Череда событий. Серых, обычных, или, напротив, ярких, насыщенных хорошими, а то и драматическими приключениями. Исключение – банный день.

Самое большое желание после многодневных заходов, ночевок у костра, постоянного зуда от комариных укусов – оказаться в бане. Но где ее взять в тайге? Однако недаром же существует поговорка «Голь и лесники на выдумки хитры…».

На галечниковой косе собрали в кучу крупные камни, развели на них большой костер, согрели в ведрах воду. Когда костер прогорел и камни накалились, их разровняли, положили настил из свежих стволиков ивы и сверху поставили из нескольких шестов пирамидку в рост человека, на которую натянули куски пленки, брезента. Получился примитивный чум, который сразу наполнялся жаром и паром, как только вода попадала на горячие камни. Баня готова. Девчонки были счастливы. Сколько радости, сколько веселья, сколько визга, особенно когда они, распаренные, выскакивали из шалаша и окунались в ледяную воду горной речки. Легко вообразить, как все это прекрасно смотрелось со стороны. Увы, старшему все это видеть не пришлось, так как от греха подальше он ушел поглубже в темный ельник добывать рябчиков.

Вечером у костра девчата, похорошевшие, посвежевшие, излучали такую нежность, такое желание любить, так душевно и проникновенно пели, «что если бы слышали те, о ком эта песня сейчас звучала, прибежали б сюда пешком, чтоб прослушать ее сначала».

Не имел права расслабиться только старший, он как всегда был строг и суров. Время шло. Уже середина сентября. По утрам звенели льдинками заморозки. Продуктов оставалось все меньше. Рассчитывали на месяц, пробыли два. Сплав сверху основной (мужской) группы, почему-то задерживался. Тогда никто не мог предположить, что они попали в залом, потеряв рюкзаки, лодку, добрались по суше до метеостанции, единственного жилья в верховьях реки. Возникла неопределенность, которая, безусловно, вызывала тщательно скрываемую внутреннюю тревогу за выживание. Ясно, что скоро наступят холода, закончатся продукты и надо думать о возвращении. Пока выручало все, что можно было добыть ружьем и рыбалкой. Требовались большая собранность, дисциплина и самоотдача в группе как залог выживания. Это понимали все.

Отношения старшего, на котором лежали основные обязанности по безопасности и жизнеобеспечению группы, и женского коллектива складывались на равных. С одной стороны безоговорочное исполнение штатной необходимости, с другой – полное доверие и дружелюбие, но не больше. Малейший перебор с симпатией к одному объекту, что иногда было очень трудно замаскировать, тут же вызывал воинственную реакцию других, пресекая всякую попытку предпочтения. Даже хвалить надо было очень осторожно. Примерно по такой схеме: «Ах, какая Алла молодец, послушалась совета Людмилы Тимофеевны, с помощью Тани и Люды-маленькой смогла сделать такую гигантскую работу». Без меры

хвалить можно было только старшего, тем более как добытчик он часто давал для этого повод.

Например, такой, очень кинематографичный, эпизод.

Как-то ясным солнечным утром, во время завтрака, через речку перелетел глухарь и сел на высокий тополь, на другом берегу, прямо напротив табора. Старший схватил ружье, которое всегда было рядом, вскинул на плечо резиновую лодку, совсем как белый индеец, и побежал вверх по течению реки. Пробежав по берегу расстояние возможного сноса течением, он спустил лодку на воду и поплыл по стремнине к другому берегу. Перебравшись на ту сторону и пристав к берегу там, где находился приметный тополь, старший заметил, что девчонки, все четверо, стоят на высоком обрыве возле избушки и машут ему руками, показывая, что глухарь сидит на месте. Старший, пробираясь сквозь высокую пойменную траву, держа ружье наизготовку, осторожно подошел к самому дереву. В этот момент глухарь взлетел. Прогремел выстрел. Глухарь упал. И когда старший появился на прибрежной косе с глухарем в руках, на той стороне реки раздался вопль удачи. Подплывая к избушке, старший был встречен таким искренним восторгом, что невольно почувствовал себя первобытным кормильцем. Очень нужным.

Однажды, возвращаясь из захода, старший, предложив спутницам подождать, ушел вперед разведать места.

Вечерело. Кругом темный густой ельник. Только слегка маячит белесая прогалина. Моросящий дождь, тяжелые, тревожные, гнетущие сумерки. Сделав круг, старший, несколько сбившись с направления и слегка задержавшись, тихо подошел к месту расставания сзади. За шумом дождя его шагов не было слышно. Картина, которую он увидел, не могла не вызвать улыбки. На валежине, поперек прогалины, сидят четыре неподвижные сгорбившиеся фигурки в капюшонах. Неотрывно смотрят в ту сторону, куда он ушел на разведку. Молча ждут. По спинам видно, что им страшно и тревожно. «А вдруг не вернется…» – и когда он окликнул их, подойдя вплотную, раздался такой единодушный крик радости, что у старшего что-то защемило в душе от нежности к ним.

Были и довольно драматические события, которые лишь случайно не закончились трагедией. Три дня лил беспрерывный дождь. Река вспухла. Течение взбесилось, ворочая глыбы и неся массу коряг, подмытых деревьев. Работать в такую погоду невозможно. Сидели в избушке: обрабатывали записи, сушили у печурки гербарий, почвенные образцы, срезы деревьев. Приводили себя и одежду в порядок. Но время не ждет, надо работать, и как только дождь закончился и течение несколько ослабло, группа решила попробовать перебраться на другую сторону реки. Поплыли налегке, только трое, без груза. Людмила., Алла и старший. Очень быстро убедились, что течение слишком сильное, плыть дальше опасно. Решили вернуться обратно. Когда подгребали к берегу, не могли найти место, чтобы вытащить лодку. Течением ее проносило мимо. Тогда старший предложил по течению зацепиться за ближайшую расческу. Это было большой ошибкой. На носу сидела Алла, которая должна была ухватиться за ветку и удержать лодку. Но женские руки не смогли справиться с этой задачей. Лодку бросило течением на ветви расчески и мгновенно перевернуло. Все, что было в лодке, оказалось в воде.

Первое, что увидел старший, вынырнув из воды, были уносимая течением перевернутая вверх дном лодка и какой-то кувыркающийся на волнах темный куль – это была Людмила... На расческе, обхватив руками и ногами тонкий ствол дерева, висела Алла – достаточно надежно. Не теряя ни секунды, старший в несколько гребков догнал лодку и, схватив ее за бортовой шнур, бросился догонять плывущий впереди куль. Сделать это было нелегко, так как грести приходилось одной рукой. Так проплыли метров сто, пока струя не вынесла Люду, которая к этому моменту справилась с паническим состоянием и стала помогать себе гребками, на гребень галечниковой косы. Увидев, что она выползла на сушу, и убедившись в ее безопасности, старший, перевернув лодку и забравшись в нее, поплыл, гребя сохранившимися в уключинах веслами, к берегу. Выбравшись, он, взвалив лодку на плечо, побежал вверх по течению к месту, где осталась Алла.

Она по-прежнему висела на расческе, судорожно обхватив скрещенными ногами и руками ствол дерева над водой. Молча, без единого звука. Лицо белее белого. Ствол подмытого деревца мог окунуться в воду в любой момент под тяжестью дополнительного груза. Старший, крепко держа пустую лодку, подсунул ее под расческу так, что Алле оставалось только упасть в нее. Но она не могла это сделать сразу: руки, видимо, затекли и не слушались. Срабатывал страх. Руки разжались только после долгих ласковых уговоров, что опасность миновала. Нащупав ногой дно лодки, она опустилась в нее. Затем уже вдвоем быстро побежали назад, к месту, где оставили Людмилу. Когда переплыли к ней, та уже освоилась, спокойно вы-

жимала мокрую одежду и раскладывала сушиться на гальке. Девушки при взгляде друг на друга начали истерично и долго смеяться. Только старшему было не до смеха. Его вина была очевидной, но все закончилось благополучно. Одно плохо, утонуло ружье. Кормилец…

Три дня после случившегося группа сидела в избушке, работала поблизости. С потерей ружья угнетала неизбежность голода. Отрезок рыболовной сетки как назло унесло паводком. На третий день, после того как течение спало и несколько успокоилось, решили поискать утонувшее ружье. Одному с этой задачей не справиться. Надо чтобы кто-то был на веслах, а кто-то высматривал и нырял. Поплыли вдвоем с Аллой, предварительно соорудив якорь из большого камня и привязав его на длинный шнур. Когда подплыли к месту крушения, Алла села за весла, а старший на нос, вглядываясь в глубину толщи воды. Вода была абсолютно прозрачна, и на дне были видны даже маленькие камни. Поэтому вскоре несколько ниже по течению он увидел на дне ружье, которое зацепилось ремнем за большой камень. Это было большой удачей. Оставалось только заякориться и нырнуть в ледяную воду, чтобы достать его. Как ни странно, но ружье нисколько не пострадало от купания, видимо, зацепилось ремнем и это спасло его от сокрушающего течения. После просушки оно продолжало исправно служить, спасая группу от голода.

Удивляет не само событие. Для мужчины-полевика, в сущности, это достаточно тривиальное происшествие. Но не для женщины, испытавшей крайнюю грань риска. Какое надо иметь мужество и волю, чтобы после пережитого крушения вновь отправиться в плавание по бурному течению!

Наступил октябрь. Неожиданно выпал первый снег. Правда, он быстро стаял. Но одежда и обувь не были рассчитаны на такую погоду, и девчонки мерзли. Конечно, они старались не подавать виду, все терпели, но в любом случае, учитывая неопределенность положения верхней группы, надо было принимать решение. Случай подтолкнул к нему.

В середине октября к избушке причалила большая долбленая лодка с двумя орочами. После непродолжительного разговора за небольшую плату они согласились перебросить по пути группу с полевым скарбом вниз по реке до устья, где имелось несколько полузаброшенных строений. Там иногда останавливались рыбацкие катера по пути в ближайший морской порт.

Пришло время прощания с уютным пристанищем. Собрали вещи. Упаковались. Устроили прощальный вечер. Пели грустные песни у костра. На следующее утро, погрузив весь груз и людей в две лодки, деревянную и резиновую, и сцепив их длинным буксиром, чтобы была возможность маневра у последней, начали сплав вниз по течению. Время осеннее, река заметно обмелела, плыть было несложно. Через два дня, с одной ночевкой в пути, группа благополучно добралась до устья, где, как в сказке, поджидал случайно остановившийся на ночевку большой грузовой катер. Договориться с капитаном не составило никакого труда. Он с радостью согласился взять на борт странно одетых и несколько необычно выглядевших, но очень симпатичных девчат и доставить их в портовый город, откуда уже можно было лететь самолетом.

Наутро катер растаял в морской дали, увозя всю женскую часть группы. На берегу остался только старший в ожидании задержавшихся вверху членов экспедиции… Перед его глазами стояли четыре машущих руками фигурки на корме катера, а в ушах звучали прощальные возгласы. Было очень грустно…

…Прошло много, много лет. Больше половины жизни я провел в лесу, в самых различных по составу экспедициях, но и сейчас передо мной встает все та же картина: берег, шум реки, костер, милые лица моих дорогих спутниц в розовых сполохах огня, их счастливые, несмотря на страшную усталость после трудового дня и полную неопределенность, улыбки. Не знаю, насколько мне это удалось, но щемящая тоска не дает угаснуть памяти, и я был просто обязан рассказать о них. Может быть, кто-нибудь из мира кино и возьмется закончить этот сценарий из жизни, который невозможно передать просто словами. Все это можно только увидеть и пережить.

Фото Евгения Балашова

Единое пространство культуры

Философия Ильи Нигая

Виктория ШИШКИНА

Даже если жизненный путь художника завершен, этого нельзя сказать о его творчестве. Оставшиеся папки с рисунками и акварелями, холсты – это не только продолжение биографии мастера, но и возможность незримо продолжать разговор с ним. Вспомним Илью Петровича Нигая.

Он родился 7 ноября 1947 года в поселке Тельновске Сахалинской области в многодетной интеллигентной семье, окруженный заботой и вниманием. Детей воспитывали в традициях восточной культуры, ориентированной на семейные ценности, умение поддерживать и понимать друг друга в сложных жизненных ситуациях. В юности Илья много и успешно занимался спортом и даже не раз побеждал на соревнованиях различного уровня по боксу. Но ни спорт, ни карьера морского офицера (а до поступления на хабаровский худграф Илья Нигай уже четыре года отслужил на Тихоокеанском флоте) его не привлекли. Отказавшись поступать в медицинский институт, о чем мечтали его близкие, он выбрал свой путь, и в 1971 году стал студентом художественно-графического факультета Хабаровского педагогического института.

На собеседование Илья принес с собой увесистую, видавшую виды папку пейзажных этюдов, написанных в технике масляной живописи. Рисовать и писать с натуры он любил с детства. На факультет Нигай пришел подготовленным и уверенным в правильности своего выбора, с накопленным жизненным опытом и даже членством в партии, что на худграфе даже среди преподавательского состава было большой редкостью. Не удивительно, что уже после первого просмотра многие композиции Ильи были отобраны в методический фонд художественно-графического факультета. В освоении специальных дисциплин ему очень помогли поддержка и внимание доцента С.М. Федотова, к которому Нигай навсегда сохранил уважение и при-

Снежная зима
Холст, масло. 80 x 59

знательность за дельные творческие советы и помощь. Нигай начал участвовать в художественных выставках с 1974 года, будучи еще студентом. И вообще с факультетом у него оказались связаны многие стороны жизни. В студенческие годы встретит здесь свою Любовь, с которой прожил всю жизнь, а когда выросли сыновья – пришли учиться сюда же. Сам Илья Петрович отдал преподавательской работе в общей сложности около пятнадцати лет. Все, кто работал с Нигаем на кафедре изобразительного искусства Хабаровского педагогического института (сейчас Дальневосточный государственный гумантарный университет), помнят, что он был постоянным участником ежегодных творческих отчетов художников-педагогов, а его пейзажи и натюрморты всегда можно было видеть на преподавательских выставках.

Членом профессионального Союза художников России Нигай стал в 1998 году. Он участвовал в выставках различного уровня, в том числе и региональных («Дальний Восток»: VIII 1997, IX 2003, X 2008). Ведущий жанр в его творчестве – пейзаж. Поиск своей манеры, своего видения натуры и образного воплощения – всегда стержень творческой жизни любого настоящего художника. Для Ильи Нигая был очень важен именно непосредственный контакт, живое общение с природой. Чтобы бывать с ней наедине, с детства любил ранним утром уходить к морю. У Ильи Петровича не было пристрастия к

Вечер на Амуре
Бумага, акварель, гуашь.
61 x 69

На берегу
Бумага, акварель. 61 х 86

Натюрморт с цветами
Бумага, акварель 52 х 61

Мокрый день
Холст, масло. 82 х 76

какому-то одному времени года. Он писал и рисовал, стараясь достичь главного – передать состояние. Пути постижения дальневосточного пейзажа у разных художников всегда индивидуальны, здесь нет и не должно быть никаких стереотипов. Илья Нигай внес свой вклад в видение амурских мотивов . Работая на пленэре, передавая покой природы в утренние часы с тихими далями проток и неподвижными тонкими стеблями тальника, художник всегда обобщал видимое, подчиняя изображение единому колористическому строю. Его живопись часто отмечена нюансами прохладной цветовой гаммы. В некоторых композициях он пишет стремительные струи дождя и порывы ветра, сгибающие кусты и кроны деревьев. Художник стремился к целостности в пейзаже, к законченной художественной форме и в то же время к передаче скрытой энергии. В картинах мастера главное – природный ландшафт, а зритель остается в роли чуткого созерцателя («Дыхание осени», 1998; «Мокрый день», 2008). Полевые и садовые цветы в акварелях Ильи Петровича написаны свежо, на активных цветовых акцентах, в них чувствуется уверенная рука и импровизационность исполнения («Цветы», 1997). Любую творческую работу Илья начинал только с раннего утра и продолжал часто до глубокой ночи.

Творческая биография Ильи Нигая не будет полной, если представить его только как живописца. Не раз он пробовал свои силы в создании ледовой скульптуры. В 1998 году получил первое место на конкурсе за композицию «Год тигра» (при участии А. Паукаева и А. Котова). Участвовал в оформлении интерьеров, в частности, в 2000 году был осуществлен в материале эскиз росписи спального корпуса детского оздоровительного лагеря «Энергетик» (вместе с Н. Вагиным, Ф. Галиуллиным, А. Паукаевым, С. Шароновым). Последние годы Илья Петрович профессионально занимался художественной обработкой дерева. Обращался с природным материалом деликатно, стараясь не разрушить целостность, органично покрывал резьбой, стремясь подчеркнуть естественную красоту древесины. Исполнял Илья Петрович декоративные композиции камерного характера, а в 2005 году занял первое место во втором городском конкурсе садово-парковой скульптуры «Хабаровские узоры», приуроченном к 147-летию краевого центра (эскиз И. Ни-

гая «Берендеево царство»). Украшенные тонким резным орнаментом царские врата (эскиз П. Трача) для иконостаса храма Кирилла и Мефодия в подворье православной гимназии Владивостока – последняя завершенная работа мастера.

В 2011 году И.П. Нигай был удостоен благодарности министра культуры Российской Федерации А.А. Авдеева за большой вклад в развитие культуры и многолетнюю плодотворную работу.

Давней мечтой Ильи Петровича, как и любого художника, была собственная мастерская. Брат Валентин и сыновья помогли сделать к дому пристройку, где в светлом интерьере нашлось место большому мольберту, холстам, подрамникам, заготовкам, инструментам для резьбы по дереву. Вот только поработать здесь Илье Петровичу, к сожалению, не довелось. 13 мая 2012 года в неполных 64 года его не стало.

Каким он запомнился? Внешне всегда сдержанный и спокойный, деликатный и улыбчивый. Он абсолютно не владел столь распространенным в настоящее время умением «ходить по головам» коллег и друзей для достижения какой-либо цели. В общении никому ничего не навязывал и никого ни о чем не просил. Всего стремился достичь сам, и только самые близкие знали, что за внешней уравновешенностью с детства воспитанного в незыблемых восточных традициях человека, за его умением «всегда сохранять лицо», скрывается неуспокоенность и кипение души. Он никогда никого не осуждал, и если кто-то по представлению Ильи Петровича был слишком навязчив и агрессивен в суждениях, мягко замечал, что «у него нет философии». В этой скупой фразе содержались емкий смысл и некое предостережение, как в мудром восточном высказывании, которое можно интерпретировать бесконечно.

Дом Ильи Нигая был всегда открыт для родных, друзей-художников и учеников. Его бывшие студенты до сих пор помнят незабываемые пленэры с Ильей Петровичем на Сахалине и в Приамурье. В его семье все стали педагогами-художниками. Жена Любовь Яковлевна долгие годы работает в детской художественной школе № 1 города Хабаровска. Здесь же преподает его младший сын Илья. Профессию учителя изобразительного искусства избрал старший – Эдуард.

Фотографии из архива семьи художника

И.П. Нигай среди победителей городского конкурса садово-парковой скульптуры «Хабаровские узоры». 2005

Резной растительный декор. Фрагмент оформления лестницы

Зимняя перекличка
Бумага, акварель. 41 х 29

Холсты-отражения Андрея Паукаева

Виктория ШИШКИНА

Андрей ПАУКАЕВ
(2 февраля 1958 – 11 июня 2012)

Родился в поселке Маго Николаевского района Хабаровского края. В 1981 году окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Андрей Паукаев с 1984 года постоянный участник выставок различного уровня, их у него более тридцати, а также автор трех персональных. Андрей Паукаев более двадцати пяти лет проработал на кафедре изобразительного искусства ДВГГУ. Член Союз художников России с 1991 года.

Произведения художника находятся в собраниях Дальневосточного художественного музея, картинной галереи имени А.М. Федотова (Хабаровск), Читинского областного художественного музея.

Выставка «Отражение» стала для Андрея Паукаева четвертой персоналией. Художник к ней готовился, тщательно отбирал холсты, обдумывал ее название. Но так уж случилось, что сейчас говорить с нами могут только произведения мастера, написанные им в разные годы.

«Отражение» – емкое и многомерное слово, наполненное для самого автора сокровенным смыслом. Оно не может быть истолковано какими-то общими фразами, так как вбирает в себя принципиально значимые для художника творческие идеи.

Вначале Андрей Паукаев использовал пластические идеи кубизма, затем пережил увлечение живописью английского художника Ф. Бэкона. В становлении собственной манеры письма он постепенно пришел к фокусированию внимания на цвете, к использованию его мощного воздействия. Выстраивая свой поэтический мир, основанный на зримых впечатлениях окружающей жизни, Паукаев не придумывал и не копировал действительность, а создавал обобщенный зрительный ряд с реальными предметами среды и времени. И постепенно он выработал лаконичный язык, способный передать тончайшие нюансы цвета и вызвать отклик в душе зрителя. В холстах этого художника всегда ощутима его энергетика: темпераментная работа кистью, стремительность наложения мазков, то плотных, то совсем легких и прозрачных.

Андрей Паукаев был активным членом группы «Пять» (состав группы: Г. Арапов, И. Кравчук, А. Паукаев, В. Хрустов, И. Шабалин) и с 1988 года – неизменным участни-

В мастерской. *1988. Холст, масло. 91 x 116*

ком всех акций этого творческого объединения, и его «голос» всегда был отчетливо «слышен» благодаря цвету. Яркий и сложный, материально ощутимый цвет его произведений снимает с окружающей действительности патину обыденности. Художник умел показать зрителю мир, увиденный взволнованным и не будничным взглядом.

Он всегда работал в широком жанровом диапазоне. Дальневосточные закаты горят столкновением красок («Залив» (1989), «Осенний лес» (1989), картинная галерея им. А.М. Федотова). В композиции «Будет дождь» (2007) сложно взят цвет и тяжелая туча, словно крылья гигантской птицы, заполняет небо, тяжело вздымая воду. Соотношение холодного неба и последних лучей уходящего солнца словно предвестник надвигающегося небесного боя. Паукаев, разрабатывая тему, порой варьирует ее в нескольких композициях с разной мерой условности. Такое погружение в материал говорит о потребности глубже постичь и отразить натуру. Зимний ночной пейзаж

Ночь. *1991. Холст, масло. 90 x 94,5*

с фонарями. Они напоминают диковинные плоды и создают ощущение остановившегося времени («Фонари», 1990). Снег и стужа зимней ночи скрадывают силуэты деревьев, превращая заснеженный путь в дорогу в никуда. Более поздняя версия этого композиционного решения предельно стилизована. Ряд фонарей с отражением света на мокром асфальте передает другое эмоциональное состояние. Они словно уводят взгляд в бесконечность и безмолвность космоса, обращая взгляд зрителя к самому себе («Фонари»). В пейзажах отражается время, ощущается сложность и острота мировосприятия художника.

Фонари
2003. Оргалит, смешанная техника. 100 х 50

На протяжении многих лет Андрей Паукаев успешно работал «на стыке жанров». Его цикл, который можно условно назвать «Веранды», в полной мере отражает сложность «прочтения» им натурного материала художником («Веранда», 1987; «Окно веранды», 1989, ДВХМ; «Веранда», 1991; «Окно в мастерской», 2007). Взгляд в окно через ячейки рамы и скупой натюрморт на подоконнике отражает иллюзорный эффект соотношения мира личного, интимного, и бесконечности окружающего нас пространства. На холсте «Ласточка» (1989) мир за окном и малый мир веранды написаны в гармонии близких зеленоватых оттенков. Они мгновенно пересекаются в точке стремительного полета птицы. Волей случая ласточка написана летящей точно в центре холста, и что может быть более непредсказуемым, чем ее полет или полет мысли, размышление о свободе и несвободе? Магически мощная энергия совмещения художником в точке двух пространств эмоционально и философски переживается зрителем.

Замечателен цикл работ Паукаева, посвященный Сикачи-Аляну. Они полны внутренней энергии и динамичны по композиции. Эффект зрелищности в картинах подчеркивается особенной, объемной шероховатостью фактуры холста, коллажированой сетками, рельефным грунтом и другими включениями, которые передают глубокую древность священных камней. В цикле «Сикачи-Алян» отразился особый авторский взгляд на неолитический памятник искусства Дальневосточного региона («Камни Сикачи-Аляна», 1989).

В течение ряда лет художник разрабатывал тему ню. «Обнаженные» Андрея Паукаева написаны легко и свободно, на одном дыхании, иногда просто несколькими мощными ударами кисти («У зеркала», 1998; «Золотая обнаженная», 1993; «Розовая ню», 2002; «Грусть», 2003). Некоторые из них ассоциативно перекликаются с произведениями классического искусства, когда автор вводит в композицию зеркало с неявным теплым отражением модели. Он мощно синтезировал образ, цвет и форму, в его работах нет «лишних», отвлекающих деталей, и вместе с тем картины глубоко поэтичны. («Обнаженная № 3», 1990, ДВХМ).

Особая тема в творчестве Андрея Паукаева – ирисы («Ирисы 2», 2007; «Синие ирисы»). Он часто строит композицию по принципу микропейзажа, своеобразной

Белая лошадь
2009. Холст, масло. 46 x 54

Из серии «Нанайские дети»
2000-е. Холст, масло. 50 x 40

Проселочная дорога
1992. Холст, масло. 63 x 75

Сон ночной бабочки
2000. Оргалит, масло. 133 x 145

Обнаженная перед зеркалом
2007. Холст, масло. 101 x 81

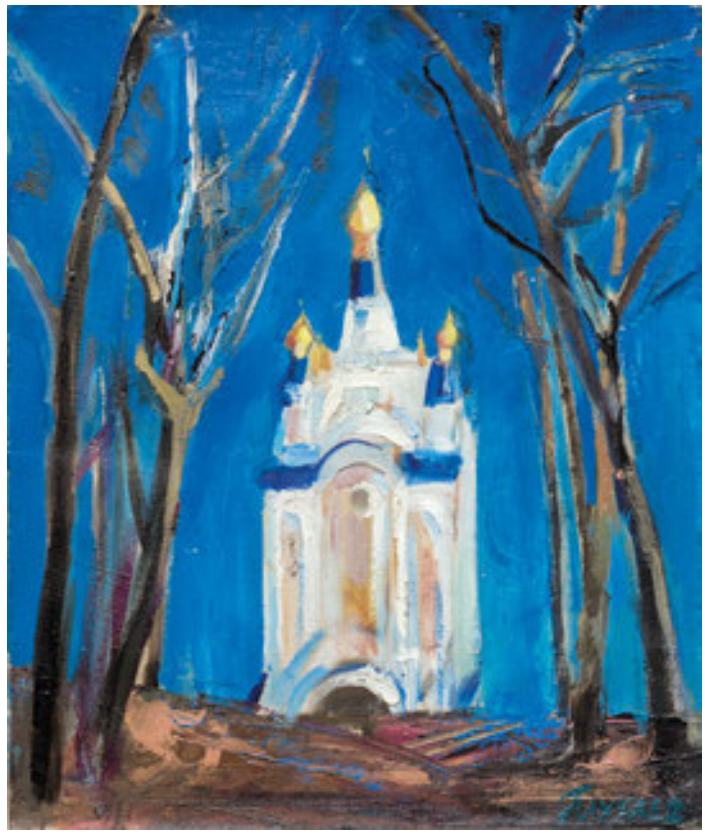
Веранда
1991. Холст, масло. 100 x 91,5

Красная обнаженная 1991.
Холст, смешанная техник. 80 x 60

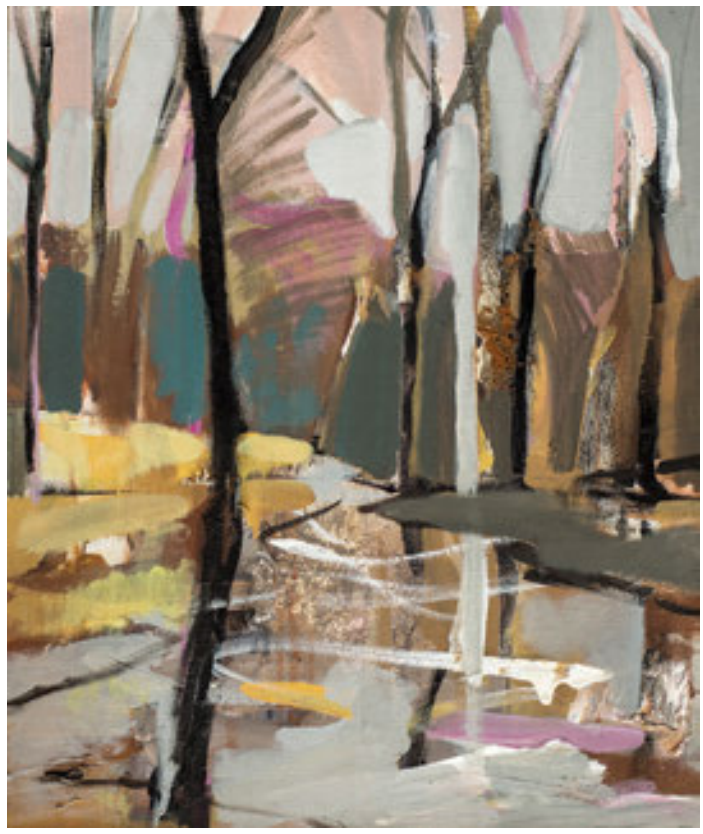
Ирисы сестре
2001. Холст, акрил. 70 х 50

условной панорамы. Именно цветок подчиняет, фокусирует и притягивает к себе внимание зрителя. Ирисы необычайно чувственны, эмоциональны, полны ассоциативно-метафорической нагрузки. Художник передает образ, точнее ощущение цветка, словно тень его души и тонкой сути, ощутимой в текучих или режущих ритмах стеблей. Ирисы завораживают трепетными соцветиями и трогательными изгибами причудливых лепестков. Совершенно особые цветовые гармонии в цикле «Ирисы» взяты очень точно, создают ощущение времени, дня или сумерек, когда все замерло и «горящие» лепестки несут отблеск последних лучей уходящего дня, дыхание и ароматы ночи. «Ирисы» Андрея Паукаева дают абсолютно реальное представление о времени суток, о состоянии души. Они – отражение быстротечности времени, скоротечности и вечности красоты, неуловимости поэтических грез и раздумий.

Отражение подобно эху. Оно призрачно и неожиданно, но не заменяет реальность. Андрей Алексеевич Паукаев постоянно работал с натуры, но возникает ощущение, что он стремился подняться до некоего глубокого обобщения или символа («Плавающие отражения», 1993, картинная галерея им. А.М. Федотова). Художник умел придать особые черты пластическому мотиву, увидеть его зрением духовным и вместе с тем настраивал зрителя на чувства, которые переживал сам.



Собор
2006. Холст, масло. 54,5 х 45



Пасмурно
2010. Холст, акрил. 60 х 50

Цена свободы

Глеб МОРДОВЦЕВ

Ральф Хензель

Ветхозаветная история о Юдифи, которая проявила мужество и спасла свой город от врагов, – один из самых популярных сюжетов в европейской литературе, музыке, изобразительном искусстве. Обратился к ней и режиссер Ральф Хензель (Бауцен, Германия), поставив на сцене Хабаровского краевого театра юного зрителя спектакль «Юдифь» по пьесе Кристиана Фридриха Хеббеля.

Премьера состоялась в октябре прошлого года в рамках пятнадцатого по счету международного фестиваля «Дни немецко-российской культуры». Театральный эксперимент, к участию в котором театр юного зрителя пригласил Ральфа Хензеля, оказался удачным. Работая в течение месяца над постановкой и находясь в тесном диалоге с хабаровскими актерами, режиссер привнес на дальневосточную сцену традиции европейского театра.

История самого Ральфа Хензеля тоже интересна. В свое время он учился в Киевском военном институте (оттого хорошо владеет русским языком), но вскоре понял, что театр привлекает его больше, чем карьера военного. Причем какое-то время он служил еще и в качестве актера в Немецко-Сорбском народном театре в Бауцене, где теперь работает как режиссер.

Итак «Юдифь». Когда армия неприятеля осадила Ветилую, молодая вдова, назвавшись пророчицей, обманом попала в лагерь неприятеля и уверила безжалостного полководца Олоферна (Александр Молчанов) в том, что поможет ему покорить ее народ. Чтобы соблазнить его, Юдифи (Дарья Добычина) пришлось пожертвовать честью, а потом, когда жестокосердный воин уснул, она отрубила ему голову. В представлении немецкого драматурга Хеббеля это не могло даться ей легко, без терзаний и мук, и тогда однозначная, на первый взгляд, библейская история предстает перед нами в совсем другом свете.

Сценография спектакля очень проста: пустая сцена, поверх стен зеленая военная камуфляжная сетка. Но с помощью света и актерской игры пространство на протяжении всего действия удивительным образом меняет свой объем – от широкой многолюдной площади до тесной комнатки. Особенно будоражит сцена, в которой к Олоферну приходит гонец. Свет гаснет, и военачальник ищет гонца в кромешной темноте с помощью мощного фонаря, но тот, словно призрак, каждый раз появляется в неожиданном месте, выхватывая из мрака свое лицо с помощью другого фонаря. Оттого возникает ощущение, что и ты стоишь рядом с Олоферном, в страхе ощупывая пустоту вокруг.

В спектакле множественные переплетения условности и реализма. В некоторых сценах актеры, находясь в тесном диалоге, в то же время взаимодействуют на расстоянии друг от друга. Служанка (Татьяна Широкова), волнуясь о своей госпоже, поднимает и гладит ее безвольную руку, но при этом они находятся в разных концах сценического пространства. Создается впечатление, что режиссер показывает нам 3D-проекцию настоящих событий, но намеренно искажает ее, подчеркивая отчужденность главной героини. Олоферн жестоко избивает своего раба, но при этом не прикасается к нему: взмах руки разрубает воздух, слуга корчится от боли, но такие истязания кажутся невыносимыми. Но вот совсем иная сцена: обезумевший от ярости Олоферн набрасывается на одного из своих солдат и загрызает его, а когда поворачивается к зрителям, мы видим свежую кровь на его руках и губах. В этот момент все кажется та-

Юдифь – Дарья Добычина,
Служанка – Татьяна Широкова

В центре – Олоферн (Александр Молчанов)

ким реальным, что наступает настоящий шок: на твоих глазах только что произошло жестокое убийство.

Лица актеров в зеленом гриме, и это ассоциируется с боевой раскраской. На них цветные балахоны, по которым можно определять их принадлежность к определенному народу, но под ними, у всех до одного, одинаковые серые пижамы – безликие души. По замыслу режиссера у каждого актера в этом спектакле, кроме ключевых фигур, одновременно по нескольку ролей. И меняются они порой молниеносно. Вот старец, поучающий толпу, а через мгновение он уже один из тех горожан, кто осуждает этого старика (Владимир Годованец).

Лишь Юдифь и Олоферн не похожи на остальных. Среди всех персонажей они являются главными противоборствующими сторонами. Вначале Юдифь одета в черное, но перед тем как отправиться выполнять свой план, она, зайдя за белое полотно, облачается в красное платье. Это напоминает таинственный театр теней. На Олоферне красивая военная форма. Юдифь – мужененавистница. Олоферн – властный предводитель с повадками поп-кумира.

Олоферн, уверовав в свою всесильность, лишь в Юдифи видит единственного достойного соперника. Юдифь, прежде чем решиться на этот шаг, несколько дней не ест и не пьет, она лежит без единого движения, готовясь совершить страшный поступок. А по сути – принести себя в жертву.

«Она сидит вот так уже три дня и три ночи, – рассказывает Служанка. – Не ест, не пьет, не говорит. Даже не вздыхает и не жалуется. Вчера вечером я крикнула: «Пожар!», и заметалась, будто совсем потеряла голову. Она и бровью не повела. По-моему, она хочет, чтобы ее положили в гроб, забили крышку и опустили в могилу. Она слышит все, что я говорю, но не отвечает. Юдифь, не позвать ли могильщика?»

А она сказала: «Отведите меня к Олоферну, я хочу служить ему, я буду его рабой и открою ему тайны моего народа».

Юдифь спасла свой народ, обрела для него свободу, но при этом взвалила на себя тяжелейший груз, с которым ей придется жить дальше.

Сложнейшее пластическое решение спектакля, максимальное физическое напряжение актеров, реалистично поставленные бои – все это электризовало воздух, заставляло его звенеть подобно струне. Хоровое пение а капелла (хормейстер Елена Кретова) перемежалось с мощными композициями группы Rammstein. Атмосфера спектакля брала зрителя в жесткие тиски и не отпускала до самого конца.

Размышляя о Юдифи и ее неординарном поступке, авторы спектакля шли вслед за драматургом по сложному лабиринту сомнений и вели по нему зрителя. Какова цена спасения своего народа? Что может быть дороже чести и свободы? Что есть красота – проклятие, смертоносное оружие? Вряд ли будет найден однозначный ответ.

Фотографии предоставлены
Краевым театром юного зрителя

О фотохудожниках и людях с фотоаппаратами

Валерий ТОКАРСКИЙ

«Непобежденные». Проект Дмитрия Моргулиса, посвященный 70-летию начала Великой Отечественной войны. Это название выставки, состоявшейся в 2011 году в выставочном зале Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова. Слово «войны» почему-то с заглавной буквы, в следующем предложении после слов «два года» отсутствует запятая. Анонс выставки: «Проект «Непобежденные», над которым автор работает два года, включает в себя как портреты ветеранов, сделанные автором в наши дни, так и фотографии военных лет из личных архивов».

Одна из работ нашего фотографа называется «Близнюк Иван Владимирович». Ветеран о чем-то кому-то рассказывает. Мне интересно было бы знать, о чем говорит герой снимка. Но… Фотомастер скуп на информацию. Внимательно рассмотрим текст анонса: «…фотографии военных лет из личных архивов». Справа виден замечательный снимок санитарки и командира с белой повязкой на голове. Фотография-плакат. Не будем останавливаться на том, при каких обстоятельствах он сделан. Снимок убедителен, так могло быть и на самом деле. Фотография известная, ее публиковали многие печатные издания Советского Союза. Если бы кто-то из Хабаровского дома ветеранов № 1 был изображен на этой фотографии, то еще в молодости стал бы известен всей стране, но этого не случилось. Не может эта фотография быть из «личного архива». Некое лукавство. Далее. На парадной одежде одного из ветеранов войны заметен орден И.В. Сталина. Такого ордена среди государственных наград в Союзе Советских Социалистических Республик никогда не было. Современники не зря отмечали, что вождь был непомерно скромен.

Отзывы о выставке «Непобежденные» все сплошь хвалебные. Кроме одного. И его стоит привести здесь полностью.

«Выставка очень поверхностна. Дмитрий Моргулис отнесся к своей работе в духе того отношения, какое они [ветераны войны] ощущают всю свою жизнь. Под фотографиями стариков должна быть информация: где и в каком качестве служил, фронт, дивизия, полк, краткое описание последующего жизненного пути. Последнее место работы и должность. И, наконец, получил ли квартиру от госу-

дарства. Тогда ваша выставка работала бы. Сейчас этого не происходит, одних медалей недостаточно. Ветеранов можно снять в обычной обстановке, когда пиджаки и медали в шкафу. Если психологические портреты дополнить информацией, указанной выше, мы поймем, что не все так просто…

28 июня 2011 года. Сергей Компанийченко, г. Санкт-Петербург».

Теперь об авторе этого отзыва. Родился в 1953 году. В 1973 году окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. Четырнадцать лет работал в сфере строительного комплекса Ленинграда и Ленинградской области. С 1990 года собственный фотокорреспондент Агентства Печати Новости (АПН) – Российского информационного агентства «Новости» (РИА «Новости»). Член Союза фотохудожников России, Союза журналистов Российской Федерации, международного Союза художников (IFA). Изданы два авторских фотоальбома о возрождении Валаамского монастыря: «Валаам» (1996), «Валаамский монастырь» (2004). Дважды лауреат премии Союза журналистов России (1993, 1995). Признан лучшим репортером Петербурга 1995 года. Гильдией профессиональных фотографов средств массовой информации России удостоен высшей национальной награды в области фотожурналистики – «Золотой глаз России» (2006). В 2008 году вышел в свет еще один его фотоальбом в соавторстве с Карлом Буллой. Сергей Компанийченко через объектив фотокамеры взглянул на Петербург так же, как это сделал более чем сто лет назад великий фотограф. Получился альбом в 288 страниц тиражом 3 000 экземпляров. А начинал учебу Сергей Компанийченко в хабаровском политене и лишь потом перевелся на тот же факультет ленинградского вуза. В июне 2011 года он приехал в Хабаровск на встречу бывших однокурсников, с которыми когда-то начинал постигать строительные азы…

Дмитрий Моргулис обиделся. Ведь его хвалил за эти фотографии кто-то из американцев, кто-то из наших московских фотографов. Следует помнить, что иная похвала сродни капле яда. Мне же фотографии Дмитрия не запали в душу. От них сквозило равнодушием. Отзыв мастера молодой фотограф должен ценить как урок на будущее.

Светлана Ильинична Тиканова возглавляет Хабаровское фотографическое общество. Одна из первых выставок возрожденного объединения вселила надежду на продолжение традиционной фотографии: показать среду обитания такой, какова она есть. В Доме культуры железнодорожников (Хабаровск-2) единомышленники по фотографическому цеху выставили работы, где можно разглядеть городские кварталы, дома и нас среди них – то, мимо чего мы летим не замечая.

Сейчас делят фотографию на современную и непонятно какую. Подозреваю, что «современная фотография» призвана удивить человека таким образом, чтобы он, ошалевший от увиденного, почувствовал свою никчемность от непонимания происходящего вокруг. А «творцов» новейшего фотографического искусства воспринимал как законодателей чего-то нового. Сегодня часть людей с фотоаппаратами в руках называют себя фотохудожниками. Я понимаю право называться художником, если оно относится к гениальному писателю или артисту, так можно сказать о кузнеце, который, выковывая обыкно-

Фото «из личного архива жителя дома ветеранов» известно всему миру

Такого ордена среди государственных наград в СССР никогда не было

венную кочергу, сделал из нее произведение искусства. Да мало ли на свете людей той или иной профессии, о которых можно сказать именно так. Но вот каждого ли фотографа называть художником? К этому нужно стремиться. И тогда, может быть, кто-нибудь и удостоит его званием художника. А пока… Нескромно воспринимать себя фотохудожниками, творящими современную фотографию.

Хабаровчанину Валерию Спидлену как фотографу можно позавидовать. Еще бы, он будучи своеобразным регистратором событий при правительстве Хабаровского края может видеть через видоискатель фотокамеры то новое, что оказывает влияние на нашу жизнь. Понимаю, служба его трудна. Но Валерий Александрович имеет возможность сделать снимки, которые становятся знаковыми для развития нашего региона. И главное в его работе – возможность видеть тех людей, которые творят историю края, историю Дальнего Востока. Но на его выставке я не увидел таких работ. Портреты людей, жанровые снимки. И ни одной подписи к ним. Автор предупредил собравшихся, что снимки должны говорить сами за себя. Согласен. Но это случается редко. И такие работы талантливых мастеров становятся известными всему миру. В данном случае этого не случилось.

Мне довелось побывать в ноябре 2011 года в Санкт-Петербурге на собрании фотосекции при Союзе журналистов. Дружеская атмосфера, уважение друг к другу, доброжелательность. Получил приглашение на занятие факультета фотокорреспондентов при Союзе журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Этому учебному заведению более 50 лет. Двадцать восьмой год руководит факультетом Павел Михайлович Маркин. Как отмечается в книге «Фотофакультету – 50!», за это время выпущено более тысячи фоторепортеров, которых можно встретить в самых различных уголках земного шара… Я встретил здесь почти земляка – Петра Баишева из Якутска.

Фото Евгения Балашова

Знаки и символы нашей истории

Горизонты фантазера Вернадского

Елена ГЛЕБОВА

Вернадский принадлежит к тем классическим ученым, в руках которых становится наукой все, чего касается их мысль.

Лев Гумилевский

В 2013 году исполняется 150 лет со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского – выдающегося ученого XX века. Масштаб этой личности настолько широк, что ни одно из определений не окажется по-настоящему емким.

Лев Иванович Гумилевский, автор книги «Вернадский» (серия «Жизнь замечательных людей»), подчеркивает, что Вернадский был не просто натуралистом, а натуралистом-мыслителем и что в его научных трудах и в мышлении «ясно видны все особенности русской научной мысли». Автор биографии ученого рисует замечательный портрет Владимира Ивановича: он «говорил раздельно, негромко», был «строен, изящен, пронизан насквозь красотою мысли» и «в какой особенный, одному ему доступный мир смотрят за светлыми стеклами очков его глубокие глаза». Русский ученый, президент Академии наук Владимир Леонтьевича Комаров говорит, что «каждое крупное открытие В.И. Вернадского было бы достаточным, чтобы сделать имя ученого мировым именем, а у него так много подобных открытий...».

В становлении современной научной картины мира идеи Вернадского сыграли выдающуюся роль, а его учение о взаимоотношениях природы и общества оказало мощное влияние на формирование современного экологического сознания. «Надобно обладать гениальным умом для того, чтобы путем каких-то взрывов научного творчества засыпать установленную веками непроходимую пропасть между живой и мертвой природой и создать биогеохимию, найти земной путь в космос, увидеть Дыхание Земли, оценить геологическую деятельность человека, предвидеть переход биосферы в ноосферу, показать планетное значение жизни, проникнуть в химию живого вещества, назвать науку природным явлением, заговорить об энергетике, поддерживающей и направляющей механизм планеты», – пишет о нем Л.И. Гумилевский.

Жизнь Вернадского – это постоянное движение мыслей и чувств. Это путь свободного человека. «Я вполне сознаю, что могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить ее идти по дорожке, практически важной, но такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучают меня, – размышлял Владимир Иванович. – И это искание, это стремление – есть основа всякой научной деятельности».

Вернадский родился в 1863 году, в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Его родители были людьми тоже во многом выдающимися – экономист, профессор Иван Васильевич Вернадский и первая российская женщина-политэконом Мария Николаевна Вернадская (урожденная Ши-

гаева). В 1873–1880 годах Вернадский учился в гимназиях Харькова и Петербурга, затем до 1885 года на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Биографы отмечают, что большое влияние на него оказали профессора Андрей Николаевич Бекетов, Александр Михайлович Бутлеров, Дмитрий Иванович Менделеев, Иван Михайлович Сеченов и, конечно же, его научный руководитель Василий Васильевич Докучаев.

О Вернадском говорят как о крупном общественном деятеле и человеке с активной гражданской позицией. Это качество отличало Владимира Ивановича еще в молодости: он участвовал в студенческих волнениях 1882 года, избирался в студенческие научно-общественные организации, стал одним из создателей либерального кружка «Братство «Приютино», нацеленного на народное просвещение, сотрудничал с издательством «Посредник», работал в Петербургском комитете грамотности. И в предреволюционные годы Вернадский не стоял в стороне от серьезных общественных процессов. Активно участвовал в земском движении, в создании журнала «Освобождение», а затем в образовавшемся вокруг него «Союзе освобождения», в организации Академического союза. В.И. Вернадский вошел в состав центрального комитета партии кадетов, был сторонником аграрной реформы и отмены смертной казни. Спустя многие годы, в 1930-е, когда Россия была уже другим государством, этот честный и смелый человек писал многочисленные письма Сталину и Ежову, чтобы добиться освобождения арестованных друзей, коллег, учеников.

Почти всю сознательную жизнь, начиная с 1874 года, Вернадский вел дневники. Последняя запись была сделана 24 декабря 1944 года за сутки до его трагического ухода. Это бесценный исторический документ, который, к сожалению, в полном объеме все еще не опубликован (в свет вышли лишь три книги с дневниками Вернадского с 1917 по 1925 год), но отдельные материалы есть в интернете в «Электронном архиве В.И. Вернадского». Читая эти строки, окончательно убеждаешься, что Вернадский поистине человек-космос.

Из дневника 1884 года: «Я хочу лично повидать главные страны и моря, о которых читаю в книгах. Я хочу видеть как тамошнюю природу, так и людей. Только тогда, когда человек путешествовал по наиболее разнообразным странам, когда он видел не одну какую-нибудь местность, а самые разные – только тогда приобретается необходимый кругозор, глубина ума, знание, каких не найдешь в книгах. Я хочу подняться и вверх, в атмосферу. И так будет...»

И еще Владимир Иванович Вернадский был романтиком и фантазером. Он утверждал: «Ученые – те же фантазеры и художники; они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать, долго работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. В них идеи сменяются; появляются самые невозможные, частью сумасбродные; они роятся, кружатся, сливаются, переливаются. И среди таких идей живут и для таких идей они работают».

Первый храм Хабаровки

Валерий ТОКАРСКИЙ

Православные храмы первопоселенцы на берегах Амура всегда воздвигали в таких местах, чтобы они были видны отовсюду. Вот и на фотографии Владимира Васильевича Ланина, сделанной в 1865–1867 годах, можно видеть на высоком берегу Амура первую церковь поселения Хабаровка, возведенную солдатами батальона капитана Дьяченко.

Читаем «Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии» М.И. Венюкова, где автор сообщает, что Хабаровка, поставленная на превосходном возвышенном берегу, представляла утешительный вид. Здесь работы под управлением того же Дьяченко, который в прошлом году строил станицу Кумарскую, шли очень успешно. Возникали не только дома, но и лавки с товарами, даже заложена была небольшая церковь на пригорке, видном издалека.

Иеромонах Никанор (Лепешев) в № 20 журнала «Словесница Искусств» (2007 год) в статье «Начало церковной жизни в Хабаровске» пишет: «Говоря о трудах одного из отцов нашего города капитана Якова Васильевича Дьяченко, нельзя обойти того факта, что одним из первых зданий, сооруженных первостроителями под его руководством в 1858 году, была часовня во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. Строилась она нижними чинами, солдатами 2-й роты 13-го Восточно-Сибирского линейного батальона». И далее: «Есть мнение, что воздвигнута часовня была на том месте, где четырьмя годами раньше, 5 июня 1854 года, высаживался генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев с соратниками, и где ими был совершен благодарственный молебен по случаю благополучного окончания первого Амурского сплава».

Вспоминаю добрым словом выпускника артиллерийского училища лейтенанта Попова, который в 1964 году на политзанятиях все время твердил нам, молодым солдатам, которым предстояло служить в ракетной части стратегического назначения три года, что необходимо знать историю того места, где служишь, того места, где родился. У иеромонаха Никанора не было рядом такого лейтенанта. Иначе бы он знал, что первый Амур-

Хабаровка. 1860-е. Похожее на терем здание, огороженное аккуратным забором с калиткой, и есть первая часовня Марии Магдалины, срубленная первопоселенцами. Возможно, рядом располагалось первое кладбище Хабаровки

Хабаровка. 1860-е годы. Фрагмент снимка

ский сплав, начавшись 8 мая 1854 года на реке Шилке, 14 июня 1854 года был завершен на Амуре у поста Мариинского. Муравьев спешил. Крымская война (1853–1856) коснулась и Дальнего Востока. На плотах и баржах был необходимый груз для гарнизона Петропавловска. Гнали плоты спешно, выбирая те из проток реки, которые сокращали путь. Важный груз был доставлен из Мариинска через озеро Большое Кизи в Де-Кастри. Оттуда морем – защитникам Камчатского полуострова.

Вспомним, что 1854 год был для Российской империи годом военным, Англия и Франция, Турция воевали против нас на Черном море. Объединенная англо-французская эскадра войдет в Авачинскую бухту на Камчатке. Героическими усилиями обороняющихся вражеский десант будет отбит. Солдаты, матросы, казаки, жители Петропавловска под командованием адмирала Завойко одержали победу. Вот почему Муравьев не мог быть, теряя драгоценное время, на месте будущего Хабаровска.

Весной 1855 года предпринимается второй сплав по Амуру. Разделен на три отделения. Первое – 26 барж под началом самого генерал-губернатора Муравьева. Спускался по реке с супругой Екатериной Николаевной. Второе – из 56 барж под начальством командира 15-го линейного батальона подполковника Назимова. Третье – из 35 барж под начальством полковника Корсакова. И на этот раз Муравьев со всем сплавом повернул на север ближней протокой, минуя Амурский утес в районе будущей Хабаровки.

Состоялись еще два сплава: в 1856 и 1857 годах. Страница газеты «Приамурские ведомости» за 1900 год: «... председателем отдела И.П. Надаровым были прочтены выдержки из двух рукописей, приобретенных отделом в минувшее лето. Чтению выдержек И.П. Надаров предпослал замечание, что в эпоху присоединения Амура к России был, между прочим, совершен поход при таких тяжелых условиях, что народная молва удостоверяет не только случаи голодной смерти и питание трупами умерших людей, но даже удостоверяет, что оставшиеся в живых, измученные голодом, убивали товарищей и съедали их. Эта мрачная страница из муравьевской эпохи, сказал И.П. Надаров ввиду исполняющегося 1 августа с. г. пятидесятилетия основания г. Николаевска и, следовательно, фактического занятия нами Приамурского края должна быть освещена, причем должны быть выяснены как ближайшие причины, вызвавшие голодный поход, так и виновники этих причин». И далее: «Первый поход людей в больших массах показал: без паровых судов, достаточного числа военных постов на Амуре путь может быть небезопасным и даже гибельным».

Вернемся к Хабаровке. Полученный горький опыт и наступивший мир после окончания Крымской войны заставил наших предшественников в освоении новых земель у Амура и Уссури действовать более осмотрительно. Муравьев в Айгуне сумел подписать договор с правителями (не самыми главными, но начало делу было положено) большой страны на правом берегу Амура.

Это сегодня вода Амурской протоки, соединяясь с водами Амура, плавно движется далее к северу и к морю. Когда-то же вода у Амурского утеса бурлила опасными водоворотами. Есть воспоминания старожилов Хабаровска прошлых лет о тех пловцах, которых утянули на дно реки течения напротив утеса. И, конечно, плоты с людьми, домашним скарбом, живностью и всем, что было нужно при большом переселении, приставали к берегу в том месте, где было безопасно. Таковой была заводь за Амурским утесом в устье небольшой речушки Бури, которую потом назовут Чардымовкой. Здесь причаливали на своих плотах со строевым лесом и судах первостроители Хабаровки начиная с 1858 года. В последующие годы за утесом стали зимовать суда Амурского пароходства.

Но место на берегу речушки было занято поселением местных народов, а верх Амурского утеса – их культовым сооружением. Как оно выглядело, нам неведомо.

Снимок Хабаровки сделан с Орлова поля, с того места, где сейчас расположена детская больница

Вспомним другой утес на том же Амуре. И тот рисунок, где на Тырском утесе когда-то высилось древнее языческое строение. И вот наш православный народ, зная, что устье речки Бури занято аборигенами, а на утесе хранятся культовые реликвии местных жителей, решает, что не будет ссориться с соседями, не будет прогонять их с насиженных мест. Потому и стали строиться на высоком берегу у слияния вод Амурской протоки и реки Амур.

Теперь немного истории о фотографическом деле на Дальнем Востоке России. Вспомним, что Ланин был купцом из Николаевска. Торговую деятельность успешно сочетал с занятиями фотографией. Известный краевед и патриот города Николаевска-на-Амуре Владислав Иннокентьевич Юзефов в 1995 году в статье «В. Ланин – первый дальневосточный фотограф», помещенной в журнале, издаваемом Сахалинским областным краеведческим музеем, заметил: «… зарубежные фотографы считались с работами Ланина. В 1868–1869 годах английский путешественник барон Брэн проехал все азиатские окраины России и в 1870 году выпустил пятитомное монументальное издание, названное «Амур, Восточная и Западная Сибирь, Урал». Все фотографии снабжены русскими и английскими подписями. Первый том этого издания посвящен Амуру, где наряду с авторскими фотографиями значительную часть снимков с видами Амура, Николаевска и т.п. Брэн использует с негативов Ланина».

Мне посчастливилось в стенах Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге перелистать это пятитомное издание. И сделать копию тех снимков, на которых можно рассмотреть первую церковь Хабаровки, возведенную Яковом Васильевичем Дьяченко и его подчиненными. Позволю себе сделать комментарии к фотографиям. Ланин летом 1865 или 1866 года, а возможно в 1867 году, установил штатив с фотокамерой на верхней площадке Амурского утеса. На матовом стекле фотограф разглядел изображения построек на высоком берегу Амура. Центр изображения – часовня Марии Магдалины. Этот храм был временным. На южном склоне Военной горы к 1870 году была поставлена по всем канонам более просторная деревянная церковь – святителя Иннокентия Иркутского. Но тоже, как выяснилось позже, была временным сооружением. К 1898 году снова на пожертвования жителей города на этом же месте возведена церковь из камня и кирпича, сохранившая имя Иннокентия Иркутского. И сегодня, в двадцать первом веке, Иннокентьевская церковь радует нас своей архитектурной строгостью и напоминает о наших земляках, воздвигнувших город у слияния Амурской протоки, несущей воды Уссури, и могучего Амура…

Другой снимок Хабаровки Владимир Васильевич Ланин сделал с востока. С той горы, которую позже назовут Артиллерийской. Еще точнее – снимок сделан с Орлова поля, то есть от нынешней детской больницы. Часть построек начиная с 1858 года была возведена солдатами батальона Якова Васильевича Дьяченко. В советские времена здесь находилась станция «Орбита», принимавшая телевизионные передачи из Москвы, и Дом приемов.

Иннокентьевская церковь в Хабаровске. Рисунок 1890-х годов. «Всемирная иллюстрация»

Репродукции фотографий Валерия Токарского из фондов Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и Дальневосточной государственной научной библиотеки (Хабаровск)

Сюжеты из семейного альбома

Превратности судьбы

Анна ПОНОМАРЕВА

Коренной дальневосточницей я назвать себя не могу. Мои корни остались в Сибири – селе Саргатском в 200 километрах к северу от Омска.

Мои предки приехали в Сибирь при царствовании императрицы Екатерины II. Основанием села считается 1764 год. Переселенцами из западных областей России были неграмотные крестьяне. Кто они и откуда – передавалось ими из уст в уста. Так, по линии моего отца Евстафия Матвеевича я знаю, что большая семья его прадеда жила в деревне в районе Пскова. Крестьяне, закончив осенние полевые работы, отправлялись на санях на заработки. Они возили щебень для мощения дорог строящегося города Питера. А предки моей мамы Матрены Андреевны приехали с юга России. Ее бабушка, которая прожила 103 года и оставалась до последних дней жизни в ясной памяти, рассказывала: «Ехали до места назначения три года. Летом на телегах, зимой на санях. Путь дальний, много рек на пути, а ни мостов, ни переправ не было. Чтобы двигаться дальше, приходилось ждать замерзания реки. А где мы жили, там был край света. Сплошь Черное море, а за морем – одни нехристи турки. Частые их набеги на наши деревни приносили много бед, они забирали в полон молодых баб и девок, грабили все, что можно унести, убивали птиц, угоняли скот».

Переселенцы привезли в Сибирь свои традиции, свой уклад жизни. Например, в нашем селе (это я уже помню) в домах полы были деревянные, крыши покрыты тесом. В избе – русская печь, полати, а в горнице печь-голландка. А рядом село Колачёвка. Там жили переселенцы с Украины. У них хаты с глиняным полом, а крыши покрыты соломой.

К 1917 году, когда произошла Великая Октябрьская революция, в селе Саргатском выросло четыре поколения сибиряков. Я родилась в 1924 году, а спустя пять лет произошло событие, изменившее судьбу не только нашей семьи, но и многих других семей. Началось уничтожение кулачества как класса.

Год 1929-й. В числе раскулаченных и наша семья. Обоз из десятка подвод готов к отправке: слезы, крики детей, оставляемых у родственников, мольбы не забывать их…

Анна Евстафьевна Пономарева

Моя бабушка, Екатерина Тимофеевна, зашла во двор, низко кланяясь на все четыре стороны: прощалась со всем, что было дорого. Последний поклон оборвал ее пятьдесят четвертый год жизни. Обоз ушел. Нашу семью оставили для похорон с условием, что на пристани, где партия выселенцев будет ждать пароход, мы догоним их. После похорон отцу выдали справку: семья из семи человек следует на Агне-Афанасьевский прииск (это от Хабаровска вниз по Амуру). Подводу никто не дал, вдогонку пошли пешком. Вещей разрешалось взять самую малость, только то, что могли взрослые члены семьи унести в узлах или в мешке. Мама заранее сшила из материи два чехла: один поменьше, другой пошире и подлиннее. Эти чехлы, набитые сухой травой и мхом, служили нам подушкой, матрацем, и в товарном поезде, и потом на прииске.

К пароходу опоздали, уехали следующим рейсом. В Омске поезд с нашими односельчанами не нашли. Пришлось к месту выселения добираться самостоятельно, в товарных вагонах с другими переселенцами. В дороге у отца украли документы и деньги. Дальше ехать было не на что. Нас высадили в Облучье. Милиция, куда об-

Отец Евстафий Матвеевич (слева) после госпиталя. Петроград. 1917

Мама Матрена Андреевна и папа Евстафий Матвеевич. 1954

Слева направо. Александру (Шуре)10 лет, мне 6 месяцев, Георгию 7 лет. 1924

ратился мой отец, направила нашу семью на Сутарский прииск в 30 километрах от Облучья, где уже были спецпереселенцы без документов, без права переписки и без права выезда. Так, не думая не гадая, мы попали на Сутару. Жилья не было. Временно поселились в фанзе у корейцев (их поселок был недалеко от прииска). К осени построили два барака, каждый разделили на две половины, чтобы было больше углов, а в каждом углу нары на всю семью – 6–7 человек. С каждой стороны барака прорубили по два окна, но стекол к зиме не привезли, и оконные проемы заделали наглухо. Ни радио, ни электричества, ни газет не было. Барак отапливали печкой-буржуйкой. На ней все по очереди готовили щи и кипятили большой чайник. Печку топили круглосуточно. В каждом углу горела свеча, вокруг которой ютилась вся семья.

Спецпоселение – это не тюрьма, в которой хоть баландой кормят. Здесь на все про все каждая семья зарабатывала, как могла. Мужчины были разделены на две группы: старатели (мыли золото лотками весной, летом и осенью) и строители бараков. Поселок только строился. Женщины и дети с весны и до глубокой осени занимались сбором черемши, ягод, грибов и кедровых шишек. Все сдавали на приемный пункт, а в конторе за работу выдавали бумажки с печатями: круглая печать за золото, треугольная – остальным. Бумажки назывались бонами. На эти боны в лавке родители получали продукты. Денег у спецпереселенцев не было.

Зимой, когда заканчивался промывочный сезон, старателей направляли на валку леса, а женщины и подростки отправлялись на заготовку дров и сушняка. Никто из детей не учился, школы не было. Была контора, вооруженная охрана поселка, конюшня, баня одна на всех (топилась она по-черному). Ни поликлиники, ни аптеки в поселке не было. Не было ни врача, ни медсестры.

Жизнь нашей семьи на прииске не заладилась. Заболел дедушка Матвей Егорович: он потерял рассудок, и его пришлось привязывать к нарам, чтобы не убегал. Караулить некому, все выходили на работу. Осудили отца «за контрреволюцию» (он работал плотником), увезли неизвестно куда. Умер дедушка, его похоронили недалеко от барака. Мама очень боялась за старшего 17-летнего сына Александра, которого определили в почтальоны, и он один через тайгу ходил пешком в Облучье и обратно раз в неделю за письмами и газетами для начальника прииска. Однажды он не вернулся до-

Папа Евстафий Матвеевич и брат Шура. 1937

мой, никто и искать не стал. В тайге не редкость, когда пропадал человек. Мама плакала, а мы прижимались к ней. На прииск прибывали все новые и новые поселенцы, жилья не хватало. Нас выселили из барака в чей-то сарайчик, а на наши нары поселили семью: четверых взрослых парней и их родителей.

Сарайчик мама обмазала снаружи и внутри глиной, из камней сделала печурку для обогрева и для приготовления еды. Мама понимала, что в зимние морозы мы не согреемся в этом сарайчике, а из вещей у нас были валенки и телогрейки. Она решила покинуть прииск. Но как? В первые дни на прииске мы ютились в фанзе в корейском поселке. А жили корейцы обособленно: выращивали овощи, рыбачили, ставили капканы на зверей. Время от времени они ходили ночью в Облучье, носили шкурки зверей на продажу, а там покупали продукты и спирт. Спирт из-под полы меняли поселенцам на продукты, в магазине прииска спиртного не было. Как моя мама близко познакомилась с кореянкой, как упросила ее увести детей в Облучье, я не знаю. Но одним сентябрьским днем она повела нас к корейцам и оставила в их фанзе. Нам дали попить чаю и уложили спать, а разбудили глубокой ночью. Вокруг было темно и тихо. Четверо мужчин, одна женщина и мы трое двинулись в сторону тайги. Шли цепочкой, один за другим, тропой через перевал сопки – это намного сокращало путь. Впереди двое мужчин, потом женщина, держа за руку шестилетнего Ивана, потом я с Георгием, а за нами опять двое мужчин. Когда группа подошла к тайге, мужчины зажгли факелы. Немного постояли прислушиваясь и только потом пошли. При факелах стало светло и таинственно от теней. Может

Братья Шура и Георгий. 1934

быть, мой 14-летний брат Георгий боялся идти, ведь в тайге полно зверей, а мне и Ванюшке казалось, что мы попали в сказку. Все было интересно. Тайга ночью совсем не такая, как днем.

На проселочную дорогу вышли, когда начало светать. Здесь корейцы простились с нами, сказав, что теперь не страшно, прииск далеко, дорога одна, мы не заблудимся и дойдем до станции самостоятельно. Советовали с дороги ни в траву, ни в кусты не ходить – там змеи. Сами же они свернули с дороги на тропу, ускорили шаг и быстро скрылись из виду. Мы устали, сели на дорогу отдохнуть. С собой мама дала нам булку черного хлеба, несколько картофелин в мундире и баклажку воды. С трудом к ночи мы добрались до Облучья, преодолев 30 километров пути. В некоторых домах уже спали, а в крайней от дороги избе горел свет. Мы постучали, нас пустили, оставили ночевать. Утром, узнав нашу историю, хозяева согласились взять нас на квартиру с условием, что я буду нянчить их ребенка, а Георгия они устроят на работу.

На прииске мама металась между людьми и всем говорила, что дети ушли в лес за шишками и не вернулись. Переживала она искренне, так как не знала, дошли мы или нет: путь неблизкий, да и в тайге всякое может случиться. Недели две мама со слезами и причитаниями ходила к начальству и просила помочь найти детей. Она так надоела всем, что на нее махнули рукой и сказали: «Тетка, отстань, ищи сама». Так, в начале октября, без документов, с теми же корейцами, мама пришла к нам, они же помогли ей принести кое-что из наших вещей.

Устроилась мама работать уборщицей на вокзале, сказав, что ехали в Хабаровск, в дороге украли документы и деньги, вот она и осталась одна с детьми, а мужа давно нет. Однажды неожиданно на перроне вокзала мама встретила Шуру, пропавшего год назад. Он рассказал, как спасся от медведя, но с того дня стал бояться тайги. Жил он в общежитии, а работал помощником кондуктора на товарном поезде. Сослуживцы помогли ему узнать, куда отправили нашего отца. Они написали запрос от имени Шуры, и пришел ответ: наш папа отбывал срок в окрестностях Хабаровска.

Четвертый класс Хабаровской средней школы № 34. Во втором ряду вторая слева Анна Пономарева. 1936

Второй брат, Георгий, устроился учеником санитара в банно-прачечном поезде, который работал на линии Сковородино – Хабаровск. В поезде он не только работал, но и жил. Достигнув совершеннолетия, Георгий стал санитаром на санобработке вещей вербованных, которых в те годы много ехало на восток. В санпоезде брат проработал до 1938 года. Мама вместе с Шурой решила за осень и зиму заработать деньги на билеты, чтобы весной 1933-го семья могла уехать в Хабаровск.

Чтобы поступить на работу, опять приходилось говорить, что многодетная мать ехала по вербовке, а по дороге украли деньги и документы, а мужа давно нет. Шура устроился комендантом в «Авторемлес» и получил на семью комнату в бараке в 9 квадратных метров. В комнате были печка-буржуйка и складной стол, который на ночь раздвигали, клали на четыре табуретки, сделав нары на всех нас. Мы радовались, что так хорошо устроились. Соседка по бараку рекомендовала маму, узнав ее «легенду» о вербованных, и маму приняли уборщицей в штаб фронта.

Шел март. Зима выдалась морозной и очень снежной. Был обычный день, и я случайно услышала, как Шура тихонько говорил маме, что лагерь заключенных находится на Батуевской ветке. Когда мама и Шура ушли на работу, а мы выполнили ежедневное задание – запасти дровишек для печки, решили пойти поискать нашего папу. Никому ничего не сказав, отправились в путь. Спрашивать решили подальше от нашего барака. Нам удалось узнать, что Батуевская ветка где-то около железнодорожного вокзала. С большим трудом, по нечищеным, заснеженным улицам, мы добрались до вокзала. Теперь мы спрашивали, где лагерь заключенных.

Там, где сейчас большой торговый центр, раньше находился лагерь, обнесенный со всех сторон колючей проволокой в несколько рядов. По углам ограды – сторожевые вышки, а еще были ворота и проходная будка с милиционером. На территории лагеря – несколько бараков, один из бараков поодаль от остальных, но ближе к ограждению – столовая и кухня. Людей на территории не было. Мы стояли переминаясь с ноги на ногу, ждали, у кого бы спросить. Из дверей кухни вышел парень, вылил помои с очистками. Заметив нас, поинтересовался:

– Чего вам надо?

– Мы пришли к папе.

– А кто ваш отец?

– Евстафий Пономарев.

– Ладно, поспрошаю…

И ушел, а мы остались ждать. Мы думали, он пошел спрашивать, а он ушел работать. Мы мерзли, но ждали. Из окна кухни нас было видно. Вышел большой дяденька в белом колпаке и в белой одежде. Махнул нам рукой в сторону проходной будки. Мы подбежали. Из будки вышел милиционер, передал нам сверток и сказал: «Быстро тикайте». Мы выбежали на ближайшую улицу, приткнулись к забору и развернули сверток: два кусочка серого хлеба, намазанные маслом!!! Не успели опом-

Брат Георгий с женой Мусей. Весна 1939

Иван Евтафьевич (брат), инвалид Великой Отечественной войны. Живет в Москве

Брат Иван с дочкой Людой и сестрой Анной. 1957

ниться от такого гостинца, как хлеб съели. А вы знаете, какой вкусный хлеб с маслом?! Словами не передать. В стране была карточная система, и детям выдавали хлеба 400 грамм на день. Всегда хотелось пайку съесть за один раз.

Мы еще два дня подряд ходили к лагерю и стояли часами, но никто не выходил. И только на третий день к вечеру вышел большой дяденька, что дал нам хлеб, и сказал: «Ваш отец здесь, но он подойти к вам не сможет, нельзя, да и вам сюда ходить не надо. А вот мать может прийти на свидание». Он опять пошел к проходной будке и поманил нас. Мы подбежали, вышел милиционер, дал мне в руки алюминиевую миску и две ложки и сказал: «Ешьте, и чтоб вашего духа больше здесь не было». Быстро, не жуя, проглотили пшенную кашу, вернули чистую миску – такую чистую, что ее и мыть не надо было.

Мама на свидание не ходила, она боялась, что случайно кто-нибудь увидит, и она потеряет работу. А на работе ее похвалили, и она получила грамоту с благодарностью. К тому же теперь мы знали, где наш папа. Но одно было плохо: маминой и Шуриной зарплат очень не хватало. У нас на четверых было два полотенца, по смене белья, а ни одеяла, ни подушек, ни матраса не было. Мама старалась экономить как могла, но это у нее плохо получалось. И тогда я и мой братик решили сами зарабатывать деньги.

На том месте, где сейчас центральный рынок, находилась барахолка (толчок). Летом жарко, пить хочется, а нечего и негде. Раньше на улицах были водокачки, где продавали талоны на воду, по которым воду и отпускали. Подаешь в окошечко талон, а тетенька, обслуживающая водокачку, открывает кран, и тебе на улице в ведро течет вода. Вблизи барахолки водокачка находилась только на Станционной улице. Мы брали на двоих одно ведро на 8 литров, ковшик и алюминиевую кружку. Шли на толчок и кричали: «Кому воды холодной, воды водопроводной! Кружка воды – две копейки!» Ковшиком я черпала воду, обмывала кружку, а потом наливала пить. С первого же дня торговля пошла бойко. Кончалась вода, мы мчались к водокачке и обратно. Особенно хорошо шла торговля в воскресенье: народу много, воды не хватало. Мы так быстро бегали взад-вперед, что забывали о еде и только вечером, еле плетясь домой, вспоминали о шаньге в кармане.

Из вырученных денег на себя мы не тратили ни копейки, все отдавали маме. Наша ежедневная торговля шла два месяца – май и июнь, а потом мы торговали только по воскресеньям. А дело было так: когда мама получила грамоту как ударница производства, то ее перевели убирать кабинет В. Блюхера. Помощником у него был генерал Новиков, он предложил маме по совместительству работу у них в доме, жили они на территории штаба фронта. Приходя домой, мама рассказывала, удивляясь: для чего им такая большая квартира из пяти комнат, когда их всего трое?!

Как-то я увязалась за мамой, пообещав помогать в уборке. Так и попала в генеральские апартаменты. Меня

заметила дочь Новикова, позвала в свою комнату. Это было царство кукол, невиданных мною игрушек, но все разбросано, никакого порядка. Мы подружились, мне подарили красивое платье и туфельки, маме прибавили жалованье, и я стала приходить ежедневно – как на работу – играть с Лизой. С ней я и обедала (а в те годы мы получали очень маленькие пайки). Обед состоял из трех блюд: первое – суп, второе – мясо с гарниром, на сладкое – кисели или компот и еще конфетки. А после обеда мы с ней гуляли в садике во дворе штаба.

В августе генерал Новиков позвал меня с Лизой в машину, и мы поехали записываться в школу. Школа находилась на углу улиц Калинина и Серышева в одноэтажном деревянном доме. Это была начальная школа для детей высшего командного состава, так называемых ромбистов. Еще там учились дети гражданских начальников, приравненных к ромбистам. В классах по 12–15 человек, учительницу нашего класса звали Зинаида Александровна Лескова. Нам выдали форму на каждый день и на праздники, хорошо и вкусно кормили, а по воскресеньям водили в кино в клуб штаба фронта.

Закончилась первая четверть, родители пришли за табелями, пришла и моя мама. И вот тут-то выяснилось, что я не по чину (хоть и отличница) заняла место в школе. Меня отчислили. Вторую четверть начала учиться в другой школе, где в классе было 45 человек и никакой формы: ходили в том, что имелось.

После каникул, когда стала известна причина моего отсутствия, в прежней школе ребята устроили забастовку: сорвали урок и разошлись по домам. Директору пришлось о случившемся доложить родительскому комитету, который отменил решение директора о моем отчислении. Когда я вернулась, то ребята радостно прыгали и, перебивая друг друга, кричали: «Ура! Наша взяла!» Каждый старался чем-нибудь угостить меня, а я плакала от счастья и даже не могла сказать спасибо. Так прошел первый урок. Теперь ребята знали, из какой я семьи, и делились со мной картинками и красками для раскрашивания. Приносили книжки из своих библиотек. Так во втором классе я прочитала все рассказы Джека Лондона и сказки народов мира. А в третьем классе – Тургенева, Гончарова, Драйзера. Я благодарна была ребятам и помню их до сих пор: это Толя Пониманский, Юра Старичков, Рита Караваева, Рита Куталева, Аида Церифман, Лейда Нугис…

Закончился первый учебный год, и в школу поступило несколько путевок для отдыха в Артеке. Вызвали маму, и вручили ей для меня путевку. Но когда мама узнала, где находится Артек, категорически отказалась. Она вспомнила, что рассказывала ее бабушка о Черном море, где находится конец света и нехристи турки. Так счастье побывать в Артеке прошло мимо меня.

В сентябре 1935 года наша школа влилась в среднюю школу № 2, которая к этому времени была построена на Комсомольской улице и предназначалась для всех детей по месту жительства.

У папы оставались последние месяцы до конца срока отбывания наказания, когда от него пришло письмо.

Алексей Егоров – муж Анны Пономаревой – с дочерью Еленой. 1960

Он советовал маме за это время подыскать для него любую работу с жильем. «Работу ищите подальше от района, где вы сейчас живете, чтобы никто из соседей не спрашивал, откуда взялся отец».

Поисками занялся Шура и нашел. Это был частный деревянный дом на каменном фундаменте с верандой и полуподвалом. Раньше хозяева жили в верхней части дома, а внизу была кухня и жилье для прислуги. Теперь этот дом купил радиокомитет для солистов – певцов и музыкантов, которые приезжали из Москвы, Ленинграда и других городов, и в Хабаровске работали по договору 2–3 года.

В доме было пять отдельных меблированных комнат, три печки-голландки (топились из коридора), лестница в несколько ступенек и сени. При доме был большой сад, двор, огород и сарай. Администрация радиокомитета в саду повесила гамак, детские качели, а на веранде дома поставила бильярдный стол. Все было готово к приему жильцов. Вот этому дому требовались дворник и истопник-уборщица.

Мама уволилась из штаба и поступила истопником-уборщицей, а пока на дворе было лето, она выполняла обязанности дворника и уборщицы. Семье разрешили занять нижнюю часть дома, состоящую из кухни и комнаты. Мы поселились на улице Мухина, 18, а с 1 сентября 1936 года я и брат Иван пошли учиться в среднюю

Анна Евстафьевна Пономарева. Осень1952 года

школу № 34. Шура закончил курсы счетоводов, его приняли в бухгалтерию управления железной дороги. К зиме вернулся домой папа и стал работать дворником. В сарае мы завели кур, поросенка, а летом следующего года в огороде посадили картофель, огурцы, помидоры, лук, кукурузу. Жизнь налаживалась, но радость была недолгой.

Из Саргатского пришло известие: арестовали маминых братьев. А все началось с того, что, когда я научилась читать и писать, мама продиктовала мне письмо к своим родственникам, которые остались в деревне и с 1929 года ничего не знали о нас. И эти письма с детскими каракулями привели к неожиданным результатам. В колхозе случился падеж скота, стали искать «врагов» и нашли братьев Фадеевых. Неграмотные дядя Ваня и дядя Коля работали в колхозе: один конюхом, другой плотником. Их и обвинили в уничтожении колхозного стада. А подозрение пало на них, потому что они поддерживали отношения с сестрой, раскулаченной и высланной в 1929 году. Значит, подкулачники. Фадеевых после ареста увезли в Омск, и след их затерялся. Остались жены и одиннадцать детей. В семьях надолго поселилась нищета.

Мы еще не опомнились от одной беды, как пришла другая. В ноябре 1937 года от скоротечной чахотки (туберкулеза) умер мой старший брат Александр.

А декабрьской ночью 1937 года к нам для обыска и ареста 22-летнего Александра приехал «черный ворон». Перевернули все вверх дном, искали брата, которого месяц как не было в живых. Мама не знала, о чем ей больше плакать: то ли о том, что сын умер, то ли о том, что его, слава богу, не успели арестовать. Мы так и не узнали о причине обыска и попытке ареста. В городе прошел слух, что застрелился или повесился начальник управления железной дороги, так что всех управленцев шерстили. Были страшные годы репрессий. И никто не знал, к какому дому очередной ночью подъедет «черный ворон».

Осенью 1938 года домой вернулся Георгий. Вскоре он женился, а весной 1939-го был призван в армию. Еще не кончился срок службы, началась война 1941 года. Добровольцем в 1943-м ушел на фронт мой младший брат Иван. Мама усердно молилась Пресвятой Богородице. При всех передрягах, при всех бедах, что свалились на нашу семью, маме удалось сохранить икону, которой ее благословляли родители в день бракосочетания (10 января 1914 года). Мама берегла икону пуще глаза и до конца своих дней не расставалась с ней.

Жили мы в Хабаровске уже шесть лет, но беспокойство не покидало нас. Мы боялись, как бы кто не узнал, откуда мы, как бежали из поселения. Мы помнили и никому не говорили, кто помог нам. Мама молилась, ставила свечи в церкви, и просила Бога дать здоровья людям, выручившим нас. Что было бы с нами, если бы мы остались там? Выжили бы или нет? Уже став взрослой, я поняла, что только женщина-мать (и неважно, какой национальности) могла разделить тревогу матери за судьбу ее детей. Я сполна оценила тот риск и ответственность, что брали на себя корейцы, уводя нас из поселения.

Иван с фронта пришел на костылях, а Георгий хоть и на своих ногах, но очень больным. Его демобилизовали в октябре 1946 года. Он перенес несколько операций, с большим трудом вместе с женой они вырастили троих сыновей и умерли в один месяц: он от рака, а жена от инфаркта.

После войны, по настоянию моей мамы, я занялась розысками ее братьев. Писала во многие инстанции, и только в 1954 году пришел ответ: Фадеевы отбывали срок в Магадане. Дата смерти – сентябрь-октябрь 1937 года. Реабилитированы посмертно.

Из семьи Пономаревых, что побывали на Сутаре, в живых остались мой младший брат Иван, инвалид Великой Отечественной войны, да я. Брат живет в Москве с семьей сына Алексея. Папа реабилитирован посмертно. Мама, умирая, просила икону отдать в церковь, что я и сделала.

Мне давно за восемьдесят. Детей у меня не было. Живу одна. В Хабаровске на кладбище покоятся мои родители, два брата, два племянника, невестка и мой муж Алексей Егоров. Я никуда не уехала, хотя звали родственники. Я здесь, чтобы всегда быть рядом с ними…

Фото из Краевого музея им. Н.И. Гродекова и личного архива автора

Пастушок

Дмитрий ЕФРЕМОВ
Рисунок автора

Мы сидели в маленьком уютном кафе. Звучала какая-то тихая неназойливая мелодия. За окном свисали ветви с желтыми осенними листьями. Сквозь них сквозило яркое, пронзительно синее, небо. Запах хорошего кофе изолировал нас от говора соседей и погружал в воспоминания. Вспоминали детство, юность, студенческие годы. Вдруг, казалось бы, совсем не к месту, всплыло слово «голод».

Детство наше пришлось на военные и послевоенные годы, и самые яркие устойчивые воспоминания вызывали не бомбежки и взрывы снарядов, не то, как бухали пушки и строчили зенитки, и не то, как мы с мамой и сестренками бегали и прятались от них по подвалам, а хронический голод маленьких зверьков. Постоянно хотелось что-то есть. Голодное, изнуренное лицо учительницы, голодные глаза моих одноклассников и одноляток, голодные матери, прятавшие на груди случайно доставшуюся картофелину или морковку, голодные тощие люди, бредущие по дорогам, распухшие от голода неузнаваемые соседи, с тяжелыми, как бочонки, ногами, сидящие в пустой хате за пустым столом.

Чем же люди питались? Как выживали? Как ни странно, но особенно тяжелыми в моей памяти были не военные, а два послевоенных года. Два года подряд страшных засух и неурожая.

Конечно, не у всех все одинаково. По-разному. Но особенно сильно страдали деревенские семьи. У них не было продовольственных карточек, по натуральному налогу забирали все, что двигалось и вырастало на огороде, в колхозе только палочки трудодней.

По своим детским впечатлениям я не могу судить, что действительно происходило тогда, тем более кого-то винить. Просто расскажу свои ощущения, насколько я их помню.

У нас была большая семья – семь человек, но отец был лесничим, то есть служащим – большим человеком по местным масштабам, поэтому мы имели продовольственные карточки. Несмотря на их скудость, это нас здорово поддерживало. Кроме того, в конце войны каким-то чудом у нас появилась корова. Она и стала нашей спасительницей. Благо жили мы в лесной сторожке, рядом имелся покос. Травы хватало. Заготовка сена для коровы летом была нашей основной заботой. Ежедневно три литра молока и ежегодно рожденные ею телята полностью сдавались на налог, остальное шло нам на питание. По меркам окружения мы жили, в смысле пропитания, очень хорошо. В урожайный год, конечно, кормил огород – картошка, капуста. Но вот беда – два года засухи – и в округе шаром покати.

Каждое утро, проснувшись, я видел спину мамы, которая просеивала через сито овсяной отсев (комбикорм). (Отец где-то добыл мешок.) Отсеяв палочки, щепки и всякую шелуху, из остатков его мама замешивала тесто и как-то умудрялась печь хлеб. Хлеб получался чернее черного, липкий, как глина, но съедобный. Все шесть человек (от 4 до 12 лет) садились за дощатый, выскобленный ножом стол. На стол ставился медный тазик, наполовину наполненный простоквашей. В нее добавлялась крошечка сахарина (что было роскошью), и начиналась трапеза. Ели деревянными ложками. Очень быстро. Смешно сказать, чтобы кто-то отказался. Это была наша обычная еда практически все эти годы. Из-за однообразия и скудости еды у всех была золотуха.

У других, если не было коровы, все зависело от огорода и времени года. Обычно запасы картошки и капусты заканчивались где-то в феврале-марте. Начиналось самое голодное время. Нечего было есть. Многие шли в лес. Готовили ветки и кору липы, чагу березы. Варили. Липа вообще выручала. Идя домой из школы, я мог часами грызть почки и ветки подроста липы, пока не заглушал голод. До вечера не было сил терпеть. Счастьем было найти несколько ягод рябины или шиповника. Так тянулось до середины апреля. В апреле появлялись первоцветы, их уже можно было есть. Начиналось сокодвижение у березы. Почки липы становились все крупнее и слаще. Обнажались ягоды прошлогодней брусники, клюквы. На огородах и колхозном поле вылуплялись из протаявшей почвы редкие промерзшие картофелины, не найденные и забытые прошлой осенью. Подножный корм появился. Можно жить дальше. Чуть позже появлялись крапива, черемша, сморчки, побеги сосны и другие съедобные растения. Ели все, лишь бы набить желу-

док и заморить червяка. Лес помогал выжить. Потом приходила очередь огорода. Земля начинала кормить.

Воспоминания нахлынули горько, болезненно, детально до запахов.

– Да, все это так, но, согласись, что, несмотря на все эти тяготы, мы были счастливы. Какие добрые, бескорыстные, душевные люди окружали нас – сказала моя собеседница.

А ты знаешь, я была в оккупации, под немцами, и все хорошо помню. Мы жили в маленьком районном городишке на Донбассе, и в нашей хате жил на постое немецкий офицер. Как же мы их ненавидели! Я до сих пор не могу спокойно слышать немецкую речь. То, что они убивали наших, мы, дети, конечно, знали, но в обиходе это как-то не укладывалось в сознании, не воспринималось чувствами, но зато мы очень хорошо ощущали их отношение к нам. Они нас просто не замечали, как не замечают домашний скот или мебель, мы для них не существовали. Представляешь, каждое утро он сидит за завтраком, холеный, надменный, перед ним на столе белый хлеб, масло, колбаса, сладости, – и мы, малыши, жмемся друг к другу на пороге горницы, прячемся за ситцевой занавеской. Три пары голодных глаз, невыносимые спазмы пустого желудка, слезы, слюна, всхлипываем, но молчим. Ни разу не только кусочка – сочувствующего взгляда в нашу сторону мы не увидели. А мама в это время ходила по домам и просила хоть что-нибудь – дети голодные. Потом мы, бросив свою хату, ушли в далекую деревню к тетке. Там и выжили.

Слушая этот рассказ, я подумал, что у каждого из нашего поколения, как ни странно это может показаться, свой образ пережитого голода. И тут же в моей памяти всплыло воспоминание, которое вполне может служить олицетворением нашего голодного детства.

Прошло столько десятилетий, а он стоит у меня перед глазами – пастушонок. Мальчишка лет двенадцати из соседней деревни, которого наняли пасти скот. Наняли – не то слово, никто ему ничего не платил, договорились за прокорм. Каждый день или несколько дней он столовался в очередном доме. Так за сезон обходил все дома в деревушке. Кормили кто чем мог. Так он и попал к нам в дом. Обедали все вместе за одним столом. Мама даже подсовывала ему самый вкусный кусочек – горбушку того самого черного хлеба, отрезая ее от буханки предварительно смоченным ножом. Чтобы меньше крошился. Так было много раз.

Но однажды вечером мама полезла в шкафчик, висевший на стене в малодоступном месте, за хлебом, но не обнаружила там оставленной после обеда половины буханки. Это было ЧП.

Первое подозрение сразу пало на нас, но мы так искренне заревели от обиды, что оно сразу отпало. Тогда посыпались версии, кто бы это мог взять без спроса в деревне, где такого просто быть не могло. Решили, что кроме Федьки – «трегубого», жуликоватого парня, соседа по дому, просто некому. Сказали об этом его отцу, дяде Егору, тот, недолго думая, отлупил его ремнем, выколачивая признание. Однако Федька стоял на своем: ничего не брал, ничего не видел. Так продолжалось всю ночь. В доме перебывала, наверное, вся округа, настолько задела и всколыхнула всех, по сути, пустяковая, но сам факт – кража. Утром за текущими заботами обсуждения и версии продолжались, но все они тут же опровергались. В это время, неожиданно для всех, пастушок, который никогда никуда не отлучался, стал отпрашиваться в отгул, чтобы сходить домой в соседнюю деревню, в семи километрах от нас. Его отпустили, но, заподозрив что-то неладное, решили проследить за ним. На роль сыщика отрядили дядю Егора. Он не раздумывая устроил засаду на узкой проселочной дороге, ведущей в Шахлово, и стал ждать, благо дорога была одна. Продолжалось это ожидание недолго. На дороге появился пастушок. Он бодро топал босыми ногами, по лицу его блуждала улыбка, а под мышкой левой руки была зажата та самая злополучная половинка буханки хлеба. Правой рукой он отщипывал от нее крошечные кусочки и отправлял их в рот. Видно было, что он готов проглотить сразу весь кусок, но что-то его сдерживает. Какая-то мучительная внутренняя борьба.

Увидев перед собой внезапно появившегося дядю Егора, он оторопел, покраснел так, что было заметно даже на его черном, загорелом от солнца лице, и горько заплакал. Это сразу обезоружило дядю Егора, рука которого по привычке уже готова была схватить за ухо пастушонка. Он молча повернулся и сгорбившись пошел к дому. Мальчишка, глотая слезы, так же молча, пошел за ним.

Так они и пришли в деревню. Весть о том, что поймали вора, распространилась мгновенно, и вокруг нашего дома собралась толпа. Мы, ребятишки, конечно, в первых рядах.

Пастушок стоял рядом с дядей Егором в центре толпы и беспрерывно плакал. Слезы катились по щекам, оставляя светлые полоски. Нам стало очень жалко его.

– Ты зачем это сделал? – спросили из толпы.

– Хотел мамку покормить и братьев тоже, они такого хлеба не ели, – всхлипывая, ответил виновник.

Всем все стало ясно. Он думал не о себе, а о том, как голодают его мать и четверо младших братьев, оставшиеся в деревне. Отец погиб на фронте, и он единственный кормилец в семье. Собравшиеся молча стали расходиться.

– Иди в избу, поешь что-нибудь – вместо вердикта сказала мама пастушонку. – Потом отправляйся домой.

После, когда он, успокоившись, собрался уходить, я заметил, как мама завернула в тряпочку тот самый вожделенный кусок хлеба и незаметно сунула его в сумку пастушонка.

С тех пор, когда я вижу живописные картины, где пасторальные пастушки играют на дудке, или вижу пастушка с картины А. Пластова «Фашист пролетел», передо мной встает образ нашего пастушонка, изможденного, со слезами на глазах и коркой черного хлеба в руках.

Голос собеседницы вернул меня в реальность. Перед нами на столике два бокала французского вина, какой-то замысловатый сыр, две чашечки черного кофе и несколько кусочков белого хлеба. Разительный контраст с только что промелькнувшими воспоминаниями.

Молодой мужчина за соседним столом встал, вытер недоеденным кусочком хлеба жирные пальцы и, бросив его в тарелку, пошел к выходу. Как быстро в этом мире все забывается, но как не хочется, чтобы повторилось.

Гапоненко Тарас Гурьевич. Пионеры на отдыхе. 1936
Холст, масло. Дальневосточный художественный музей. Хабаровск

Уроки доброты

Тема с вариациями*

Ирина НИКИФОРОВА

22 июня 1941 года в нашем пионерлагере торжественное открытие. Мы заехали пять дней назад. Еще два-три дня продолжали прибывать дети из дальних краев – с Камчатки, Колымы, Чукотки… Мы определялись в отряды, обживали корпуса и палаты, выбирали кружки, в которых будем заниматься, знакомились друг с другом, с обслугой, с окрестностью. Конечно, готовили праздничные концерты, выставки рисунков, моделей, поделок, благо здесь было много белой глины на берегу…

И вот воскресенье, 22 июня. После завтрака глаза все устремлялись на дорогу через деревню Хапёровку. Из лагеря она хорошо видна. И наконец кто-то кричит: «Едут! Едут!» На дороге показалось несколько автобусов и черных легковушек. Это приближаются почетные гости и родители. Звуки горна собирают нас по отрядам, мы строимся, волнуемся, готовимся к встрече. Что говорить, это был настоящий праздник! Прошли первые минуты встречи, обмены поцелуями, объятиями, гостинцами. А вскоре горн опять зовет нас на торжественную линейку. Лучшие из нас – двое – поднимают флаг.

Лагерь открыт! Прозвучали речи начальства, родителей, пионеров. Лагерь, как улей, шумит, гудит, поет, кричит. И так весь день. Даже сончас отменен. А главное, с родителями можно в это время купаться в Уссури! После полдника футбольный матч, импровизированный концерт на танцплощадке, танцы и прощание с гостями. Ужин в две смены. Свободное время… И какая-то странная тревожность воцарилась над лагерем. Странновато ведут себя взрослые. Перешептываются, переглядываются. К чему? Мы, усталые за день, засыпаем сразу после костра. Даже успокаивать нас не надо – за день так устали от впечатлений и событий. Но почему тревога? Что случилось?

* Окончание. Начало в № 2 (30), 2012 г.

Утром на линейке, после поднятия флага, нам объявили: «Началась война. На нашу страну напали фашисты». И тут же все отряды отправились в лес – пилили, рубили ветки, тонкие деревья и обкладывали ими корпуса, жилые помещения. Зачем? Ведь война идет там, на Западе, за десять тысяч километров! А у нас словно прифронтовая полоса. И ведь так было в течение всей войны. Хабаровск напоминал прифронтовую полосу: заклеенные крест-накрест окна, светомаскировка.

Жизнь в пионерлагере с началом войны изменилась. Усилилась военная подготовка: сдача норм на значки ГСО (готов к санитарной обороне) и БГСО (будь готов к санитарной обороне), БГТО (будь готов к труду и обороне). Я, несмотря на маленький рост, все нормы сдавала на отлично! Старшие ребята сдавали нормы на значок Осоавиахима. В лагере периодически проводились военные тревоги, походы. У всех имелись противогазы. И если до войны был совет лагеря и его председатель, советы отряда, то во время войны он стал штабом лагеря, штабом отряда, а слово «председатель» заменили на начальника штаба отряда, дружины, лагеря…

В пионерлагерь мы ездили ежегодно и все – с первого по девятый класс – были членами дружины. В старших отрядах – 8–9-й классы – были ребята все в возрасте 15–17 лет. В школу ведь шли с восьми лет. Представляете, какие взрослые были ребята первого и второго отрядов? Так вот, летом 1942 года многих мальчишек мы не увидели – зимой они ушли на фронт. В полном составе ушли наши футболисты во главе с капитаном Юрой Петровым. Я была тайно влюблена в него, ни одного матча не пропускала! И всегда вручала букет полевых цветов.

С фронта вернулись не все. Я запомнила лишь одного – Мая Довбича. Он работал в лагере сначала вожатым в первом отряде, а потом физруком. У нас было два физрука – Май и еще Владик Шышарин – легендарная личность, окутанная тайнами. Его сестра училась со мной в одной школе и говорила, что он был разведчиком. Не знаю, что было правдой, что выдумкой, но то, что он был какое-то время в дальнем плавании – точно. У него на руке была крошечная татуировка – цветной якорек. Такого тогда не было ни у кого. А еще Владик замечательно пел песню, которую я безуспешно искала в течение многих лет для своих вокалистов и не могла найти! В ней были такие слова:

Сколько в море капель,
Сколько в небе звезд,
Столько над страною песен пронеслось.
Помню песни детства,
Песни матери родной,
Помню песни сердца в час ночной.
Но в пути далеком, в грозовом бою,
Я всегда, родная, только песенку твою,
Ту, что ты в часы разлуки
Пела мне, сжимая руки,
В радости и горести пою… и т. д.

В общей сложности лет 20–30 искала я эту песню, и вдруг совсем недавно, уже здесь, в Новосибирске, обнаружила ее на диске, который кто-то мне подарил. Это была запись выступления оркестра под управлением Эдди Рознера. Вот парадоксы судьбы!

***

Да, война изменила нашу жизнь. Мы рано взрослели, рано ощутили себя «народом» и понимали всю ответственность своих поступков в это непростое время. Наша школа № 4 была неполной средней. Когда ввели раздельное обучение, она стала женской. Школа была одноэтажная, кирпичная, с печным отоплением. Уроки физкультуры часто заменяли пилкой и колкой дров. В каждом классе назначались дежурные, которые после уроков топили в своих классах печи. Свет гас после девятнадцати часов. А зимой ведь уже темно, и мы часто уроки готовили при свете топящейся печки. И репетиции проводили так же, у печки. Ох и любила я эти вечера!

Мальчишек у нас не было, и все роли играли девчонки. Помню, мы готовили пьесу «Витязь в тигровой шкуре». Наверное, было очень смело, когда я, маленькая, худенькая, изображала Автандила – друга главного героя Тариэля. Ставили скетчи на военную тему, делали монтажи, учили стихи и песни. А еще при свете печного отопления линовали тетради для первоклассников, сжимая их из оберточной бумаги. А для себя мы делали тетради из газет и часто выполняли упражнения между строк Совинформбюро.

***

Не знаю, кому из взрослых пришла в голову такая замечательная идея: открыть в холодные, голодные годы войны в центре города столовую для детей фронтовиков. Столовую открыли в центральном гастрономе – все равно торговать было нечем. В столовую ходили не только дети фронтовиков. Сирот тогда хватало. В школе давали талончики на месяц, и на них можно было пообедать раз в день. Обед состоял из трех блюд: первое – суп, борщ, щи; второе – рыба, котлетка, кусочек мяса с гарниром – картошка или рис. И на третье – кисель или компот из сухофруктов. А еще маленький кусочек хлеба. Это ведь в дополнение к тому, что получали по карточкам. В просторных залах гастронома стояли столы, покрытые скатертями, детей обслуживали официантки, и это был не просто обед, а в какой-то мере праздник, место общения. Ведь за твоим столом часто сидели ребята из других школ. Мы знакомились, заводили дружбу, потом встречались.

В этой столовой я обедала часто. Кроме школы, я несколько раз получала талончики как награду за выступления на смотрах, олимпиадах, за активное участие в пионерской работе, за тимуровские дела. Некоторые дети приходили в столовую с судочками – брали обед домой, делили с младшими сестренками и братишками.

И сейчас, когда я пишу эти строки, мое сердце снова наполняется благодарностью к людям, которые организовали для хабаровских ребятишек такую столовую. Это был урок доброты, человечности и любви.

Фото Валерия Токарского

Литература

Шуми, Амур, шуми…

Светлана ФЕОКТИСТОВА

Я в этом краю не только прижился,
Я врос здесь корнями, я в нем растворился.
И реквием льется за мной, не смолкая,
Любимая песня родимого края:
«Шуми, Амур, шуми, мой батюшка…»

Сергей Феоктистов, 1998

Сергей Георгиевич Феоктистов (1913–1999) – хабаровский военный журналист и поэт, автор песен «Шуми, Амур», «Хабаровск мой», «Хабаровский вальс», «Амурский прибой», «Баллада о старом утесе» и многих других произведений о Приамурье. В 2013 году исполнилось 100 лет со дня его рождения.

В 1942 году, к первой годовщине победы под Москвой, он создал песню в честь мужества амурских дивизий, сдержавших натиск фашистских полчищ на подмосковной Истре, и она стала символом стойкости и героизма, клятвой, гимном и визитной карточкой дальневосточников:

Хранят, Амур, тебя отважные
И верные сыны:
Мила им тропка, травка каждая
Э-эх, заветной стороны!

Раздольная, героическая музыка В. Румянцева дала песне могучие крылья, которые понесли ее по всему свету. С этой песней воины-дальневосточники освобождали Европу. После войны произведение Сергея Феоктистова заняло почетное место в репертуаре Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии имени А.В. Александрова, а в антологии песен Отечественной войны заняла свою нишу между «Катюшей» и «Соловьями».

Огромную роль в покорении мирового музыкального олимпа сыграл Русский хор СССР под руководством проф. А.В. Свешникова, автора обработки песни «Шуми, Амур» для смешанного хора без сопровождения. На фестивале молодежи и студентов в Москве 1957 года песню представлял молодежный хор Комсомольска-на-Амуре, победитель краевого хорового конкурса, а подпевал весь стадион: румынские шахтеры и корабелы Польши, студенты Молдавии и чешские автомобилисты. Песня, ставшая символом дружбы советского Дальнего Востока со странами Востока, открывала гастроли ансамбля песни и пляски Дальневосточного округа и Амурской хоровой капеллы (г. Свободный) в Москве, городах России и зарубежья. И по-прежнему «Шуми, Амур!» исполняют на всех краевых юбилеях и всенародных праздниках Хабаровского края, произведение входит во многие сборники дальневосточной песни, песен о Родине и Советской армии.

Военный летчик Сергей Феоктистов, ставший журналистом в 1940 году, воспевал мужество советских защитников восточных рубежей в сатирических плакатах КрайТАСС «Удар по врагу» и участников дальневосточных военных событий 1945 года (сборники стихов «За родину!», «Гнев» и др.). Военкор Феоктистов объездил Дальний Восток вдоль и поперек, всюду встречал людей необыкновенного мужества. Его очерки ждали тысячи читателей дальневосточных газет и не меньше слушателей Хабаровского краевого радио. Богатая кар-

Анатолий Блажнов

тотека прозы и поэзии отражает неуемный интерес писателя к «восточному порогу Отечества»: «Нивхская поэма» и «Сахалинские рыбаки», «Там, где был А. Чехов» и «Сахалинские сады», повести «Курилы наши» и «Тайна старого дома», «Родник горячего сердца» и «Золотая просека» – о поэте Петре Комарове, романы «Трое из Биры» и «Иван Шматко»…

Журналист следил за судьбами своих героев, умел поздравить с победой и прийти на помощь. Выпускник Литературного института имени М. Горького Сергей Феоктистов был добрым наставником молодым литераторам (военкорам и селькорам), писал для армейской художественной самодеятельности, работал на семинарах с молодыми поэтами, на встречах с читателями и праздниках дальневосточной книги.

После выхода в запас подполковник Феоктистов еще двадцать лет был председателем комиссии по шефской работе в армии Хабаровского отделения союза писателей, встречался с допризывниками, выезжал на пограничные заставы и в воинские части. Он посвящал стихи и песни, баллады и прозу защитникам дальневосточного неба и строителям боевых самолетов, героям Отечественной войны, ставшим героями мирного труда, и героям пограничных будней.

Дальневосточники – поэтичный и благодарный народ. Летописца и песенника Сергея Феоктистова вспоминают многочисленными выставками, беседами и лекциями, концертами из его произведений, викторинами для молодежи Хабаровского края. Министр культуры А.В. Федосов взял под свой патронаж юбилейное издание сборника песен «С песней по жизни» (редакторы профессор С.И. Красноштанов и профессор Б.В. Панков, 2013). Краеведческий отдел Дальневосточной государственной научной библиотеки выпускает сценарий для патриотической работы районных библиотек и красных уголков «Память и долг солдатского сердца» по произведениям политрука Великой Отечественной войны и войны с Японией С. Феоктистова (редактор Г.А. Бутрина, 2013). Отдел нотной литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки подготовил экспозицию печатных изданий и рукописных раритетов песен разных лет на стихи Сергея Феоктистова. Хабаровским обществом охраны памятников решается вопрос об установке мемориальной доски, посвященной полувековой службе городу поэта-патриота.

В 1999 году, когда дальневосточники прощались с поэтом Сергеем Феоктистовым, военный журналист полковник Л. Яхнин сказал: «Он был Делом и Славой, Честью и Совестью дальневосточной журналистики». А спустя несколько лет профессор С.И. Красноштанов написал: «Много песен сложено об Амуре, но подобной «Шуми, Амур» нет – эпической, величавой, напоминающей старинные былины о героях-богатырях, заступниках русской земли».

Вспомним имя

РОБИНЗОН

Воспоминания и размышления о пьесе Виктора Еращенко

Поверь, я знаю то,
Чего не мог постичь и Фауст многодумный.
Виктор Еращенко

Арсений МОСКАЛЕНКО

Говорят, в государстве Непал очень мало врачей, да и те никому не нужны. Новорожденных там окунают в ручей с ледяной водой. Если кто-то не выжил – его проблема. Окунувшись впервые в среду молодых литераторов, я почувствовал сильное переохлаждение и едва не умер. Попрощавшийся с будущими приятелями и талантливым руководителем этого объединения – поэтом Еращенко, я спустился на улицу и побрел в направлении площади Ленина. По дороге озноб перешел в лихорадку. Было страшно и странно. Напоследок Еращенко сунул мне в руки несколько книг – ценных книг о вопросах поэзии из личной библиотеки. Я тонул и держался за них. Через пару часов все прошло.

А потом началось исключительное по содержанию время, когда твои личные качества совершенствуются через другого. Виктор долго возился со мной, может быть, даже слишком. Жизнь умеет любить, правда, только себя и посредством лучших. Через них она косвенным образом любит и тех, кто еще мал и глуп, но при этом способен к росту. Только рос я – по меркам поэта – неправильно. Я не бросил мединститут для занятий литературой, не уехал исследовать жизнь на любую великую стройку и так далее, и так далее. Оба мы проецировали друг на друга свою уникальную идентичность, точнее ее исторический код. Очень глупо, но на ошибках мы и учимся.

В контексте моей специализации – исцеление психических заболеваний – у меня было много учителей. Их девиз: психотерапевт должен иметь ум философа, сердце поэта, глаз художника. Мое сердце выслушивал Виктор. Он, конечно, останется первым учителем.

Линия памяти – закрепленная в нашем уме очень строгими силами – никогда не создает новизны информации. Напротив, она глумится над целостностью, вытесняя и заглушая все остальное. Вместе с тем оставаясь единственной и неизменимой струною сентиментальной сферы. Там – особый дизайн, там навязчиво повторяется заносчивый ритурнель: «в тот момент я был рядом, и я не забуду…»

Я никогда не забуду, как мы сидели втроем на скалистой вершине утеса на мысе Лазарева: поэт Еращенко, прозаик Гребенюков и студент Москаленко. Единственную бутылку водки поэт ненароком разбил, пока мы карабкались вверх по базальтовым кручам. Он маялся чувством вины. Отсюда – через пролив Невельского – был виден как на ладони кусок Сахалина – мыс Погиби. Лучшее место для бегства с печального острова в ту пору, когда его звали «плавучей тюрьмой». Каких-то четыре морские мили… Но, если судить по названию, спасались не все.

– Ну да ладно, – Еращенко с грустью отправил осколки в пакет, прерывая тяжелую паузу. – Придется тогда рассуждать трезво.

Мы начали рассуждать трезво.

– У правительства нашей страны, – разъяснял нам поэт, – накопился огромный запас невостребованной ею власти. Я имею в виду отсутствие права легально распоряжаться преимуществом своего положения, невозможность пожить, наконец, с размахом, получить хоть частицу того, чем давно обладает элита во всем мире. В этом смысле марксизм устарел, и однажды его отменят. Можно видеть, что это – вопрос времени.

Подключив интуицию, с данный выводом стоило согласиться, но исход представлялся вопросом столетий. В тот же день стартовала Олимпиада-80, и снаружи ничто не сулило окончания целой эпохи, до которого Виктор не дожил. Боже мой, до чего тупым я кажусь себе там, в этих скалах с видом на море. Но сейчас я готов перепрыгнуть еще на год раньше. Память хочет начать все сначала…

…Мы ждали гостей в набирающем силы студенческом клубе медицинского института. Случалось, что там говорили о Фрейде и даже сходились во мнении, что он прав. В этот вечер готовилась встреча на тему «Искусство и медицина». Гостей – адвокатов от мира искусств – оказалось двое. Один был спортивно подтянут, одет во все белое, нес гитару. В нем безошибочно угадывался представитель Мельпомены – актер краевого театра драмы Сергей Лычев. Вторым был Еращенко. Студенты – и я в их числе – уже

Виктор Еращенко (справа) и Арсений Москаленко

Фото Валерия Токарского

Виктор Степанович Еращенко на вечере памяти Петра Комарова. Хабаровск. 1986

не воспринимали докладчиков, смотрели на звезд. Актеру было под пятьдесят, поэту – немного за тридцать. Еращенко выглядел интересно, хотя некоторые из студентов шептались: «Ох и здорово же он пьет». У поэта было еще молодое, но красное и потертое лицо бывалого человека. Имелись запоминающиеся рыжие баки, придающие его внешности качества истинного арийца или норвежского викинга, а, кроме того, отвлекающие от морщин и мешков под глазами. И бессонные глаза японского самурая.

Проклятое первое впечатление! Поэт из одноименного стихотворения Еращенко – «солнце нес над головою», а потому был он черен и недоступен для случайного зрителя. «Милиционер на вокзале принял меня за бомжа и начал ко мне придираться». С Еращенко это случалось. Но ведь и у Пушкина бакенбарды не светская блажь. Вот, кстати, воспоминания внучки Кутузова, записанные по следам ее встречи с Александром Сергеевичем: «Невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра». Однако затем, уже с красной строки, она добавляет: «Когда он говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым: его разговор так интересен, сверкающий умом, без всякого педантства… Невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться».

– Я полагаю, – сказал Еращенко (1)

(1) Если бы выступление Еращенко состоялось сегодня, то кто-нибудь мог бы его записать и выложить на YouTube. Цитируя голос поэта по памяти, я не могу гарантировать точность записи, поэтому следую не букве, но духу и прибегаю к подобной инсценировке, потому что в дальнейшем хочу говорить о театре. И еще я спросил себя: что бы помнили мы о Сократе без цитат его мыслей в сочинениях Платона и Ксенофонта?

Что полезно исследовать разницу между искусством, наукой и ремеслом. Здесь не нужно отталкиваться от профессии. Ремесленник (или техник) работает по установленному образцу, ученый для них образец разрабатывает. Искусство же обращается к источнику, из которого струится все – к бесконечности. И прямо оттуда, уже не гипотетически, но по существу разбирается с проблематикой человеческой жизни.

Я не буду дразнить ученых, но обычно они опираются на гипотезы, они полагают: 1 + 1 = 2. Но, взирая на вещи серьезно, нельзя не понять: на свете не может быть двух идентичных друг другу объектов. Простейшее уравнение 1 + 1 = 2 составили древнегреческие поэты. Нет двух вещей с одинаковым расположением атомов, не говоря уже о совпадении состава протонов, нейтронов и электронов, а также других элементов, сегодня еще не открытых. «Точные науки» являются согласительной абстракцией. Это обычный сговор во имя технологического прорыва, и более того: все это может вообще не иметь отношения к живой реальности. Поэтому, несмотря на великие научно-технические достижения, самые животрепещущие проблемы человечества по ходу подобной игры никогда не решаются.

Искусство умнее такой науки: пропорции, которыми обладает поэт, гораздо точнее. Живое искусство не пользуется приблизительностью. Конечно, в искусство приходит немало ненужных людей, поскольку их манит сюда наиболее отвратительный способ захвата власти. Такое искусство порою считается детским, официальным, больным. Все это не в счет и не креативно. Представьте теперь, что живая пропорция способна лежать в основании нормальной науки. Такая наука могла бы возглавить искусство. Хотите, чтоб первой скрипкой была медицина?

Все просто. Когда-то – до V века до нашей эры – меди-

цина официально считалась искусством. В местах для лечения обязательно находился театр. Название «театр» переводится: «бог, действующий в человеке». Вся жизнь – это в чем-то театр, герой действует – бог оценивает. Бог – как глубинное совершенство самого человека. И если герой забывает свое совершенство, вершится закон внутрисущностной очевидности: я тебя породил, я тебя и убью. О чем весь театр? Поскольку причиной болезни считалась ошибка героя, спектакль изначально творился по образу терапии. Не выяснив правды, серьезный больной не имеет возможностей выжить. Народ размещался вокруг освещенного места, какой-нибудь маленькой сцены, из центра которой доверенные актеры проясняли всю логику небесного режиссера: «Ты мог бы стать богом, но ты превращаешься в животное по модусу собственной ошибки». А, кроме того, эту правду субъект мог узнать через сны или в ходе мистерий. Мистерия – мать всех театров – серьезнейшая древнегреческая процедура, направленная на решение тех же проблем: изгнание зла, экзорцизм, акт возвращения бога в процессе искупления ошибки. Однако туда не пускали больных и преступников. Театр же вечно открыт для всех…

В 1975 году в неприметный хабаровский ТЮЗ приезжает по распределению тридцатилетний выпускник ГИТИСа Станислав Таюшев. Говоря «неприметный», я вовсе не перечеркиваю прежние заслуги маленького, но гордого театра. Хочу лишь отметить контрастную вспышку в его непростой эволюции и вспомнить избитую истину: театр начинается с вешалки, на которой висит пальто умного главного режиссера. Тогда даже детский театр способен подняться к высотам сакральной миссии. Все это – по законам жанра – осознанно выражается внешне: рабочая часть сцены переносится в центр зала. Актеры назвали ее «лобных местом». Игра обострилась еще потому, что стены всего помещения становятся черными. Черный цвет действует как универсальный проявитель, катализатор первичного смысла. В такой атмосфере даже маленькие ошибки недопустимы, в ней блекнут полутона. И в представлении зрителя подобные вещи настраивают на запредельную креативность. Ночь – время сновидений. Внешний мир исчезает, вы, кажется, попадаете в павильон киностудии, где просто не может быть лишних людей. Все соучастники, все втягиваются воронкой искусства. Перед некоторыми спектаклями – на «голгофе» – появляется сам режиссер, уточняя намеченный курс: «Наш ТЮЗ взрослеет с каждым годом». Уверенность и успех у него в крови: Сергей и Татьяна (брат Станислава с супругой) – талантливые исполнители. Многие любят их старую песню: «Я не один, пока я с вами, деревья, птицы, облака», или сегодняшнюю – из передачи «Пока все дома».

Еще раз, попутно, вернусь к разговору о миссии лучших театров. Этимон слова «театр» означает «проявление действия бога». Первичный театр – театр экзистенциальный. Это игра бытия, раскрытие бытия в феноменологии существования. «Весь мир – театр» – практически точная фраза, вся жизнь – это, прежде всего, абсолютный театр. Любое известное нам существо – желающее обладать бытием – стремится переживать свое действие во всей полноте, играет на сцене в реальном пространстве и времени. Вторичный театр – театр бессознательного. Он пользуется сценою сновидений. Все смотрят этот театр, однако не все понимают природу и смысл его постановок. Хотя сам субъект – это автор, актер, режиссер, оформитель, зачарованный зритель, а часто и жертва такого искусства. Задача природного, малого, ночного театра – указывать на ошибки субъекта, допущенные им на сцене театра дневного, большого. Актер, как герой сновидения, в этом малом театре – по замыслу бытия – разоблачитель структуры комплекса. Иными словами, разоблачитель структуры, которая образуется из всего, что под гнетом различных трудностей осталось неясным, непережитым, томится в залоге, складируется, а потом выливается в патологии. Великая миссия настоящего театра – обучение катарсису и обновлению. Под катарсисом, если опять исходить из первичной этимологии, подразумевается «преодоление зла ради сближения с Богом».

Ерашенко и Таюшев, казалось бы, понимают друг друга. В 1977 году Виктор написал для него одну – так и не поставленную – пьесу, о которой в дальнейшем пойдет речь. «И в конце сезона – «Робинзон Крузо», – обещает Таюшев прессе, – Очень своеобразную инсценировку знаменитого романа Дефо сделал хабаровский поэт Виктор Ерашенко. Пьеса остроумна, в ней много стихов».

Разумеется, все мы знакомы с романом. Если помните, ближе уже к середине Робинзон обзавелся ручным попугаем. «Бедный Робин Крузо! – восклицал попугай, заполняя звенящую тишину одиночества. Где ты был и куда ты попал?» Из него, из способного подражателя, который никогда не говорит от себя, драматург формирует фигуру солидной величины. Этот тип претендует на главную роль. В первой сцене становится ясно, что известный своими неординарными достижениями мореплаватель уже умер. Много разных людей собралось на открытие памятника. Попугай – доктор Ара – читает хвалебную речь. Листает шпаргалки и все искажает, калечит умы. Торжествует реакция. Вслед за тем Робинзон возрождает себя из бронзы.

«А жизнь свое возьмет – авось, что не исчезнет», – излюбленный мотив поэзии Ерашенко. Эта музыка подтверждается песней, которая потом прозвучит и в финале:

Наша судьба – судьба костра – погаснуть,
Но наша судьба – судьба огня – не угасать.

Развернутая затем от начала и до конца история Робинзона из пьесы остра и универсальна. В ней есть призыв, обращение к очень существенной правде, однозначной во все времена. Крузо учится в институте, посещает бездарные семинары доктора Ары. В обязанности студентов входили «публичные лекции в различных учреждениях нашего города», но только «для ведомости», а юноша ищет реального дела: обращаться – так к массам, говорить – так от сердца. Робинзон отправляется в порт, где пытается выступить перед матросами, поделиться мечтой о грядущем «гелиополисе». А когда моряки разбегаются с лекции, Робинзон сам идет моряком на корабль. Он уходит в народ. Дальше следует буря, кораблекрушение и выживание на острове.

Прочитавшие пьесу (2)

(2) Найти это пьесу непросто, поскольку драматур-

гия Еращенко официально не издавалась. Но книга уже существует. Миниатюрный тираж, размноженный на обычном принтере, был роздан в дальневосточные библиотеки. Вдохновительница проекта – Валентина Катеринич, художник – Николай Холодок, верстка Александра Врублевского.

Прочитавшие пьесу (2), могли бы найти параллели с легендой о Будде. Юный принц узнает о суровой реальности жизни, о безвыходном кризисе мира людей и решает отправиться в путь, чтоб найти избавление от страданий. На приказы отца отказаться от дерзкого плана сын ему отвечает: «Если так, то исполни мое желание, избавь меня от мук старости, болезней и смерти». Прошагал он немало дорог, повстречал многочисленных мудрецов, но в итоге признал: «Все существа приходят в этот мир в одиночестве. И так же его оставляют. Всю свою жизнь они одиноки в своих страданиях. В сансаре нет друзей». Не предусмотрено никакой демократии в области ума. В глубине одиночества и в предельном согласии с самим собой он достиг просветления: «Я открыл учение, подобное нектару, глубокое, спокойное, вне всяких умопостроений. Светоносное, несотворенное. Если я открою его людям, никто его не поймет».

В общем, так все и вышло. Робинзон, поседевший за годы странствий и воскресший на собственных похоронах, обладающий даром предвидеть будущее и лечить от тяжелых болезней, обращается к людям. Он уже не наивный студент, а толковый учитель. Но никто не способен его понять. Он опять одинок, только вовсе не как матрос на далеком острове. Одинок, как пловец в океане. Помните Пушкина? Элегия «К морю»:

Мир опустел… Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.

Он еще говорит, только голос становится тише. Наливаются странным металлом непослушные руки и ноги, костенеет язык. И затем – на глазах у сограждан – весь этот выстраданный изнутри опыт, истина Робинзона, опять обращается в бронзу.

М э р. Леди и джентльмены! Мы кое-что припасли для финала…

Рабочие несут негнущегося Робинзона.

П о п у г а й. Не хочешь быть памятником? Никуда ты от этого не уйдешь! Вставай – ради общего блага!

М а т ь. Теперь-то он никуда не уплывет.

Отец. Не расстраивайся, Робин, мы должны гордиться.

М э р. Порядок.

П я т н и ц а. Страшно, бог! Надо молиться и танцевать!

«Истина, – утверждали исследователи народничества, – во многом более не тайна. Для чего же народы не стараются уподобиться мудрецам? Вот в чем состоит тайна». Это – важная тайна. Почему человек, представляющий мир большинства, не последует зову своей глубины? Ведь до этой поры – с точки зрения бытия – его просто не существует. Как он предал важнейший из выборов: не посмел защититься внутри от воздействия массы, не решился отважно уединиться в себе, причаститься гармонии вечности, красоте бесконечных проектов, ожидающих мудрого исполнителя?

Есть у этого таинства и другие аспекты, те, что связаны с миром системы. Людоеды из пьесы Еращенко чуть не съели несчастного Пятницу, потому что он был слишком умный. Поясню. Мы прописаны в двойственном универсуме: мир души – мир материи, зло и добро, субъект и система. Здесь одна половинка должна полагаться на ум, а вторая – на силу. Призрак истины в мире систем порождается силой. Блеск холодных штыков, арифметика голосующих рук, негодующий взгляд иль зрачок пистолета, мощность взорванных бомб, тонны сброшенных бюллетеней. Это – в общих чертах – бесконечные формы насилия. Перевес в один голос меняет всю истину. Совершенных систем не бывает. А душа неизменно взывает к разумным законам, ищет точных критериев справедливости, абсолютной прозрачности аргументов небесного социума. И баланс достигается взвешенными решениями. Торжество величайших умов не должно саботировать общий порядок, помогающий выживанию множества индивидуумов. Набросаем такую картину: миллионы работников нефтедобывающей отрасли, у которых имеются семьи и дети, не должны пострадать, если кто-то предложит замену нефти. Этой логике следуют все институты системы. Это точно не тайна. Кант, к примеру, давно – вот уж с лишком как двести лет – описал три источника стереотипов, «три интуиции, манипулирующие разумом», которые не дают человечеству стать взрослым. Три кита: медицина, юриспруденция и религия. Все они – без малейших сомнений – представляются жизненно необходимыми для народа. А мудрец глубиною ума постигает простейшую вещь: грех, болезнь, преступление по сути одно и то же. Даже знает, как эту проблему решить, и решает ее для себя. Он хотел бы помочь, но не в силах помочь остальным, тем, кто трудится на систему. И они, в лучшем случае, перестанут его замечать как сомнительного субъекта, «врага народа».

Непременное качество умного человека – это навык спокойно переносить экзистенциальное одиночество. Заниматься своей одинокой задачей, не сражаясь с системой. Помогать миллионам сограждан – это дело великих политиков. Даниэлю Дефо посчастливилось выйти на этот масштабный уровень. По согласию с королем он не стал занимать государственных должностей, но при этом – с позиции мудреца – возглавлял разведслужбы Британии. Позже, правда, случилось непоправимое. И Дефо предают символической – как и нашего Достоевского – казни, а затем отправляют в тюрьму, навсегда отлучают от власти. Не смиряясь с подобной судьбой, он напишет великий роман о скитаниях Робинзона. В контексте отсутствия власти – судьба Робинзона – это удел миллионов. Роман приобрел грандиозный успех. Ну и, кроме того, как редчайшее исключение, сочинение писателя превратилось в событие политического измерения. Оно изменило весь мир, повлияло на становление европейской цивилизации. По сути, в

романе показана изнутри психология истинной предпринимательской деятельности. Если брать шире – то психология индивидуального творчества. Способные граждане могут проверить: ваш путь к успеху лежит через необитаемый остров. Дефо заявил это в нужное время, в переломный момент истории. При этом еще огорчался, что книгу его до конца так никто и не понял.

В ответ на несостоявшуюся премьеру своего «Робинзона» Еращенко пишет:

Сходились несколько друзей,
Мечталось вольно и красиво.
Но – груды черные углей
И стойкий запах керосина.
И сострадательная ложь
Хитра – мудра – витиевата,
И ты, обманутый, бредешь
От погорелого театра.

Возможно, отказываясь от предложенной ему взрослой пьесы, Таюшев ссылался на политическую обстановку. При этом и автор, и режиссер хорошо понимают, что в целом подобные обвинения довольно условны. Возьмем для примера «крамольную» строчку из песни Крузо: «Мне снилась родина, которой нет на картах». В это время – по ходу пьесы – герой отмечал юбилей проживания на острове. Двадцать лет одиночества. Робинзон захотел умереть. Попугай говорит ему: «Как же так? Ты прекрасно обходишься без людей и гордишься этим. Хочешь вернуться домой, чтобы опять сбежать? Что стряслось?» Крузо: «Не та логика! Как будто нет потребности в счастье высшем, мечты о несбыточном. Как будто нет памяти о другой, настоящей родине, где нас ждут». Затем звучит песня о родине, которая, кстати, начинается со слов: «Мне снилась женщина и лес в лучах заката». В этом смысле римейковый Робинзон у Еращенко гораздо сентиментальнее настоящего.

Откроем дневник Робинзона в романе Дефо: «Я ушел от всякой мирской скверны; у меня не было ни плотских искушений, ни соблазна очей, ни гордости жизни. Мне нечего было желать, потому что я имел все, чем мог наслаждаться». И далее: «Я был вполне счастлив, если только в подлунном мире возможно полное счастье». При этом – одновременно – он мог опускаться на землю и шел обрабатывать поле, выращивать рис, кормить своих коз, обучать попугая мелодии человеческой речи.

Эта тема невидимой родины у Еращенко есть все тот же Небесный Иерусалим, сходящий на Землю в конце ее истории. Небесный социум. Посмотрите на этот прозрачный символ глазами интернационалиста, националиста, царя, революционера, народа. И что? Искусство, что важно отметить, в основе своей не имеет отношения к политической злободневности. Поэты не черпают вдохновения в людях, в политике или культуре. Он всегда оставляет за скобками любое физическое, математическое, психологическое знание. Поэт устраняет себя как ученого, ремесленника или политика. Он «внемлет арфе серафима», он «списывает» слова из вечного чистовика, в котором нет вытеснений. Представьте себе бытие словно мир, где мы есть до рождения и после смерти. В этом нет ни малейшего подвига, чтобы там оказаться, как и нет ни малейшего смысла присутствовать в этой нирване чуть дольше, чем требует наша перезагрузка. Бытие совершенно, там все есть. Оно не нуждается в нас, но там можно все черпать, там можно «списывать», оттуда можно нести сюда. Смысл, вообще, только в действиях. И притом у поэта всегда остается выбор, даже если заветную сцену уничтожил коварный пожар.

Но если роли не дано,
Начни от вешалки, до сцены,
Руби пазы – к звену звено –
И возводи другие стены.

Какой же театр он начал строить? Какие звенья собирать? Ведь многим поэт и запомнился, прежде всего, как руководитель литературного объединения, как умелый строитель театра судьбы, как ловец человеческих душ. В отличие, например, от Гоголя, который сокрушался: «Чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы», Еращенко исповедовал мысли о том, что своего читателя он должен активно воспитывать всеми доступными средствами. И еще, что касается мысли о том, что «марксизм устарел». Вы думаете, он соболезновал марксизму? Да ничего подобного! Он просто думал, как дальше жить. Он раздумывал только о жизни. И свободно менял свои взгляды.

Как-то ночью мне Виктор сказал:

– Перед тем как возглавить ЛИТО, я был точно уверен, что там соберутся такие, как ты, и что вас будет много. Прошло десять лет, и я вижу, что ты – один. Наверное, так и должно быть. Лев Толстой – он ведь тоже один…

Здесь я должен добавить, что по части любых комплиментов поэта, по идее, меня бы должна превзойти молодая его ученица – синеокая поэтесса Марина Савченко.

Если я оставался с ним на ночь, он обычно звонил моей маме:

– Добрый вечер, Алиса Васильевна. Вот сейчас уже очень темно, а на улице – злые милиционеры. Я думаю, будет спокойнее, если Арсений переночует у меня.

В его кабинете лежала недавно законченная глава новой пьесы «Ватага». Она открывается сценою волхования: «И что лукаво бысть в дому том, в нем прочтется сия молитва, яко да разрешится. Аще будет на небеси связано или на земле, или в море, да разрешено будет!»

– Вообще-то мне следует выспаться, – говорил я, очнувшись от колдовства, на правах здравомыслящего студента. – У меня ведь с утра анатомия, а потом еще лекции.

На случай гостей у Еращенко была приготовлена очень удобная раскладушка. Он сам – по моим наблюдениям – ночами не спал. Зато уже днем мог уснуть за столом, порой посреди интересной беседы. Бывая у Виктора, я иногда просыпался глубокой ночью, но видел примерно одно и то же. Как алое пятнышко тлеющей папиросы растет в темноте, наливается жаром, на миг освещая поэта, глубокие складки лица и пристальные глаза. Я видел камлающего над моей колыбелью шамана. И веки мои закрывались. Мерцающая искра его папиросы затем рассыпалась на мириады огней и смешивалась с деталями сновидений.

Надежда Александровна Лохвицкая (1872–1952), в замужестве Бучинская, писавшая под псевдонимом Тэффи, в дореволюционной России была чрезвычайно популярным автором юмористических рассказов, фельетонов, театральных пьес, стихов.

«Смех вместо слез», или «О всех усталых»…

Виктория ПРИХОДЬКО

Д. Николаев в статье «Жемчужина русского юмора» приводит следующие печальные факты: «В Советском Союзе имя Тэффи долгое время замалчивалось, судьба ее книг складывалась очень сложно. Если в двадцатые годы у нас еще печатали лучшие из дореволюционных рассказов и даже некоторые новые, созданные в эмиграции (правда, не забывая снабдить их идеологически выдержанными комментариями), то затем свыше трех десятилетий писательницу на родине не публикуют вообще. Лишь во время «оттепели» стихи и рассказы Тэффи начинают появляться на страницах газет и журналов, включаются в разные сборники и антологии. Два небольших сборника миниатюр выходят в Москве в 1967 и 1971 годах, но ситуация быстро меняется, и о Тэффи вновь приходится «забыть». В результате до сих пор лишь малая часть ее богатейшего литературного наследия издана в СССР» [6, С. 18].

И. Васильев в предисловии к переизданному в 1991 году сборнику Тэффи «Житье-бытье» пишет о необычайной некогда увлеченности читателей ее произведениями: «Поскольку имя Тэффи сейчас не столь уж известно, трудно себе представить ту популярность и читательскую любовь, которая окружала эту писательницу в дореволюционной России. Постоянно переиздавались сборники ее рассказов, не сходили со сцены ее комедии и скетчи, журналы и газеты, где она сотрудничала, были «обречены на успех». Ее тогдашнюю известность можно без преувеличения назвать славой: были выпущены духи и конфеты, которые так и назывались – «Тэффи» [2, С. 3].

Творчество Тэффи высоко ценили М. Алданов, И.А. Бунин, Н. Гумилев, М. Зощенко, Д. Мережковский, С. Черный, К. Чуковский и многие другие.

Михаил Зощенко, восхищаясь талантом Тэффи, писал: «Ее считают самой знаменитой и «смешной» писательницей» [4, С. 140].

В мемуарах Ирины Одоевцевой «На берегах Сены» отражен знаменательный факт популярности Тэффи. Когда составлялся юбилейный сборник, посвященный 300-летию дома Романовых, царь на вопрос, кого из писателей он желал бы в нем видеть, ответил: «Тэффи! Только ее. Никого, кроме нее не надо. Одну Тэффи!»

Надежда Александровна Лохвицкая (Тэффи) родилась 24 апреля 1872 года в старинной дворянской се-

мье. По свидетельству Александра Амфитеатрова, семья Лохвицких была одной из самых замечательных среди русской интеллигенции.

Прадед Кондратий Лохвицкий (1774–1830) увлекался литературой, писал мистические стихи. Отец Александр Владимирович (1830–1884) был юристом, публицистом, автором научных работ. Кроме того, он славился как прекрасный оратор, остроумец и шутник. Мать Тэффи была француженкой по происхождению, она «всегда любила поэзию и была хорошо знакома с русской и в особенности европейской литературой».

Элизабет Нитраур, биограф Тэффи, отмечает, что «охотно рассказывая в автобиографических произведениях о своих детских и отроческих впечатлениях и привязанностях, Тэффи никогда не писала о своей личной жизни». Известно немногое: мужем Надежды Александровны был поляк Владислав Бучинский, служил судьей в Тихвине. В 1900 году, после рождения дочери Елены и сына Янека, Надежда Александровна расходится с мужем и начинает свою литературную карьеру в Петербурге. [10, С. 5].

Псевдонимом «Тэффи» писательница подписала свою первую пьесу «Женский вопрос», которая и принесла автору большой успех.

О выборе псевдонима Н.А. Тэффи рассказывает в автобиографическом рассказе «Псевдоним»: «Женщины-писательницы часто выбирают себе мужской псевдоним. Это очень умно и осторожно. К дамам принято относиться с легкой усмешечкой и даже недоверием.

– И где это она понахваталась?

– Это, наверно, за нее муж пишет…

Ну, кому из директоров театра охота читать всякую дребедень, когда уже написан «Гамлет» и «Ревизор»? А тем более, дамскую стряпню! Прятаться за мужской псевдоним не хотелось. Малодушно и трусливо. Лучше выбрать что-нибудь непонятное, ни то, ни се. Лучше всего имя какого-нибудь дурака. Дураки всегда счастливы. Вспомнился один Степан, домашние называли – Стефан. Отброшена из деликатности первая буква» [8, С. 260].

Выбранный псевдоним Тэффи воспринимался как нечто французское: короткий, броский, рассчитанный на быстрое запоминание читателем.

Существует мнение, что псевдоним взят из сказки Р. Киплинга «Как было написано первое письмо». В сказке Р. Киплинга Тэффи – это уменьшительное имя маленькой дочки-проказницы первобытного человека тегумайского племени, написавшей, точнее нарисовавшей, самое первое письмо: «…Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

– О девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлепать-за-то-что-ты-такая-шалунья, ты сделала великое открытие!

– Никакого открытия не хотела я сделать, – ответила Тэффи. – Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино черное копье.

– Все равно! Это – великое открытие, и придет день, когда люди назовут его УМЕНИЕМ ПИСАТЬ» [5, С. 72].

В выбранном псевдониме читатели находили вполне оправданный литературным успехом писательницы подтекст: Тэффи – это та, кто «умеет писать, так, как никто до этого не делал».

Существуют и другие версии, связанные с псевдонимом, взятым якобы из Р. Киплинга, так, например, Элизабет Нитраур писала: «Когда Тэффи спросили о псевдониме, она объяснила следующее: это имя имеет отношение к одному глупому человеку, и, тут же, поправившись, сказала, что это фамилия. Журналист, прервав ее, спросил, не имеется ли в виду песня Р. Киплинга «Тэффи из Уэльса, Тэффи был вором». Тэффи быстро согласилась, что источником псевдонима был Киплинг» [8, С.4].

С 1908 года Тэффи является одним из ведущих сотрудников журнала «Сатирикон». Самым значительным совместным произведением сатириконовской «плеяды» (Тэффи, А. Аверченко, О. Дымов, О. Д'Ор) стала «Всеобщая история, обработанная «Сатириконом», в которой перу Тэффи принадлежит «Древняя история».

Всего за годы, предшествующие эмиграции, с 1911-го по 1918-й вышло шесть крупных сборников юмористической прозы Тэффи: «И стало так» (1912), «Карусель» (1913), «Восемь миниатюр» (1913), «Дым без огня» (1914), «Ничего подобного» (1915), «Миниатюры и монологи» (1915).

В 1920 году писательница вместе с другими беженцами покидает Россию, охваченную Гражданской войной. «Да, вихрь определял нашу судьбу. Отбрасывал вправо и влево», – писала Н. А. Тэффи в мемуарной повести «Воспоминания».

Свою вынужденную эмиграцию Тэффи воспринимала как оцепенение, смерть души, мучительнее смерти физической: «Дрожит пароход, стелет черный дым. Глазами широко до холода в них раскрытыми, смотрю. И не отойду. Нарушила свой запрет и оглянулась. И вот, как жена Лота, застыла, остолбенела навеки и веки видеть буду, как тихо-тихо уходит от меня моя земля».

«Так было в тот вечер: черная, пустая круглая земля и звездное бескрайнее небо. И я…

Пышный зал хохочет, аплодирует, смех захватывает тех, кто толпится за кулисами.

– Автора! – кричат голоса из публики.

Я наскоро устраиваю беспечную улыбку, ловлю протянутые ко мне руки актеров, выхожу кланяться.

Последний мой поклон русской публике на русской земле.

Прощай мой последний поклон» [8, С. 446].

Тэффи – представитель талантливого, интеллигентного, но отверженного поколения, чье прошлое и будущее было разрушено революцией. Опровергая сложившееся о себе представление «смешной» писательницы, Тэффи писала: «Каждый мой рассказ, в сущности, маленькая трагедия, юмористически перевернутая» [8, С. 91].

«Я знаю, что значит, когда люди, смеясь, говорят о большом горе. Это значит, что они плачут», – писала Н.А. Тэффи в рассказе «Ностальгия». А в мемуарных

«Воспоминаниях» писательница обмолвилась: «Жить в анекдоте ведь не весело, скорее трагично».

Для Тэффи как продолжательницы художественных традиций Н.В. Гоголя и А.П. Чехова характерен «смех сквозь слезы», а порой «смех вместо слез» – девиз «сатириконцев». «Принадлежу я к Чеховской школе…», – неоднократно утверждала Н.А.Тэффи.

«Познай самого себя» – если хочешь по-настоящему рассмешить или растрогать читателя. Это уже Гоголь до меня делал. Еще успешнее, чем я», – говорила Тэффи в задушевном разговоре с Ириной Одоевцевой.

Произведения Н. А. Тэффи исповедальны, но в жизни, по свидетельству И. Одоевцевой, она не обнажала свою душу: «О себе и своих переживаниях говорила редко, и, по ее словам, «терпеть не могла интимничать», ловко парируя шутками все неудачные попытки «залезть к ней в душу в калошах».

– Почему в калошах? – удивленно спрашиваю я.

– Без калош не обойтись, – объясняет она. – Ведь душа моя насквозь промокла от невыплаканных слез, они все в ней остаются. Снаружи у меня смех, «великая сушь», как было написано на старых барометрах, а внутри сплошное болото, не душа, а сплошное болото.

Я смеюсь. Но Тэффи даже не улыбается» [7, С.91].

В эмиграции Тэффи много работала. Жизнь эмиграции без ее еженедельных фельетонов была бы беднее и скучнее.

Выдающийся талант русской писательницы оценили по достоинству за рубежом и активно издавали в Париже, Стокгольме, Нью-Йорке, Белграде, Праге, Берлине, Шанхае.

В период с 1920 по 1940 год, по свидетельству Э. Нитраур, Тэффи были составлены и изданы 19 сборников рассказов.

В годы оккупации Парижа фашистами Тэффи жила бедно и трудно, так как не сотрудничала с нацистами. Несмотря на лишения и нездоровье, она никогда никому не отказывала в помощи. Ее щедрость всегда удивляла. Даже в последние годы жизни, испытывая материальные затруднения, вызванные тем, что она уже не могла работать так продуктивно как раньше, из-за постоянных болей, не отпускавших ее, Тэффи старалась помочь хоть чем-нибудь окружающим ее людям.

В 1946 году, когда в Париже был воссоздан Союз писателей и журналистов, при выборах в правление Тэффи получила максимальное количество голосов, позднее участвовала в съезде русских писателей в Белграде.

После войны Тэффи тяжко болела, но только близкие друзья знали или догадывались об этом, так как она не обременяла никого: «По всем понятиям – по возрасту (я старше, чем вы думаете), по болезни неизлечимой я непременно должна скоро умереть. Но я никогда не делала того, что должна. Вот и живу. Но, честно говоря, надоело…»

«Все мои сверстники умирают, а я все чего-то живу. Словно сижу на приеме у дантиста. Он вызывает пациентов, явно путая очереди, и мне неловко сказать и сижу, усталая и злая…».

5 октября 1952 года Тэффи умерла, ее похоронили на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Н.А. Тэффи прожила долгую жизнь. На ее долю выпали тяжелые испытания: три революции, Гражданская война, две мировые войны, вынужденная эмиграция. Более полувека писательница трудилась на литературном поприще, результатом ее творческой жизни стало свыше тридцати книг прозы, поэзии, драматургии (около 500 рассказов, 3 книги стихов, 11 сборников пьес, 1 роман с интригующим названием – «Авантюрный роман»).

Современники Тэффи хвалили ее «безукоризненный русский язык», которым писательница по праву гордилась: «Я, между прочим, горжусь своим языком, который наша критика мало отмечала, выделяя «очень комплиментарно» малоценное в моих произведениях».

Всю трагедию насильственной разлуки с Родиной Тэффи сумела выразить в стихотворении, которое вскоре стало популярным романсом благодаря таланту А. Вертинского. Этот романс стал щемящим откровением всех скитальцев, тоскующих по России:

Мимо стеклышка иллюминатора
Проплывут золотые сады,
Пальмы тропиков, солнце экватора,
Голубые полярные льды...

И все равно, где бы мы ни причалили:
К островам ли сиреневых птиц,
К мысу ль радости,
К скалам печали ли –
Не поднять нам усталых ресниц.

Тэффи. «О всех усталых».

ИСТОЧНИКИ

1. Аверченко А., Н. Тэффи Возвращение. Рассказы. М., 1990, С. 260.
2. Васильев И. Анекдот и трагедия// Тэффи. Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. М., 1991, 445 с.
3. Верещагин В. Тэффи. // «Русская мысль», Париж, 1968, 21 ноября, № 2713, С. 8.
4. Зощенко М. Тэффи // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972–1974, Л.
5. Киплинг Р. Как было написано первое письмо. – В кн.: Сказки. – 1975.
6. Николаев Д. «Жемчужина русского юмора»// Н. А. Тэффи. Юмористические рассказы. – М., 1990, – 415 с., С. 18
7. Одоевцева И. На берегах Сены, С. 91.
8. Тэффи Н.А. Ностальгия. – Ленинград, – 1989.
9.Тэффи Н.А. Земная радуга. 1952
10. Нитраур Э. «Жизнь смеется и плачет…»// Тэффи. Ностальгия. Рассказы. Воспоминания. Л., 1989.

Леонидка

Зинаида КИЩИК

Первые шаги

У Леонидки сегодня первый в жизни день рождения. Ожидание праздника чувствовалось во всем. Из кухни разносились ароматы пекущихся пирогов, запеченной с яблоками, черносливом и картофелем курицы. Салаты, заправленные сметаной и майонезом, украшенные зеленью и розочками из помидоров, уже поставили в комнате на столе.

У Леонидки было две бабушки: бабушка Клава – мамина мама и Раечка – сестра бабушки Клавы (но, нужно отметить, что она была актрисой и не хотела, чтобы ее звали бабушкой). Всю лишнюю мебель вынесли из комнаты в спальню. Стол, стулья и тумбочку с телевизором задвинули в угол. Всю площадь пола занимал палас. Два кресла стояли у стены. Раечка принесла стульчик, поставила его на противоположном от кресел краю паласа и усадила на него огромного красивого плюшевого мишку (его подарили Раечке на премьере). Леонидка не знал, что такое премьера, но удивился, что мишку не дали ему, а почему-то усадили далеко от него на стул. У мишки лапы были раскинуты в стороны, как для объятия, глазки-пуговки блестели и манили к себе Леонидку поиграть.

Леонидка стоял между колен матери, держась за подол ее юбки своими цепкими пальчиками. Леонидке было обидно и стыдно. Он почему-то до сих пор не умел самостоятельно ходить, просто очень боялся потерять равновесие. Стоило маме отпустить его руку, как он шлепался на пол. Пока без маминой поддержки он мог только ходить вокруг табуретки, а иногда пару шагов сделать к столу или к дивану. На днях он сделал попытку, но после трех шагов чуть не стянул скатерть со стола, ухватившись за ее угол. Леонидка знал, что всегда рядом бабушка или мама, которые поддержат, подадут руку, но сегодня, занятые подготовкой к празднику, его родные неоднократно настаивали: «Сам, Леонидка, топай! Давай, внучек, сам!» Леонидке и самому хотелось заглянуть на кухню, посмотреть, не испекся ли пирог; дотопать до комнаты и посмотреть на красивый букет, но как преодолеть это неприятное чувство страха?

Мама с бабушкой Клавой сели в кресла отдохнуть, колени матери согревали, успокаивали Леонидку, придавали уверенность. И когда Раечка, стоя за спинкой стульчика, на котором сидел Леонидка, позвала его и разрешила самому взять игрушку, то Леонидка не заметил, как пальчики его разжались, и подол материного платья выскользнул из рук. Он весь подался вперед, ручонки его тянулись навстречу объятиям желанного мишки. Мама легонько подтолкнула Леонидку, ласково сказала: «Ну, иди, сынок. Мишка ждет тебя. Он хочет с тобой поиграть». Леонидке, конечно, хотелось, чтобы ему подали игрушку, как всегда, но этого не было, а мишка завораживал его и звал. Какое-то мгновенье Леонидка еще был в нерешительности. Вдруг он понял, что стоит без посторонней помощи, сам, и не держится. И он сделал первый шаг, слегка покачнувшись в сторону, сделал другой, поспешил сделать третий. И пошел… Все три любящих его женщины смотрели на него с восторгом и надеждой. Полупустая просторная комната казалась такой огромной. Леонидка шел по паласу, как матрос по палубе корабля, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, твердым, устойчивым шагом. Ему еще не верилось, что он самостоятельно сможет пройти этот первый в жизни путь.

Зинаида Ивановна Кищик родилась 10 июня 1941 года в г. Артем Приморского края. С детства увлекалась лепкой, рисованием. С 1959 по 1964 год работала на руднике Дальний Приморского края рабочей, столовщицей на обогатительной фабрике. С 1964 по 2010 год – в охране Дальзавода. В настоящее время на пенсии. Участвует в выставках.

Сын Леонид Борисович Кищик окончил детскую художественную школу, училище искусств, обучался в институте искусств. Профессиональный дизайнер, керамист. Совместно с талантливым керамистом Элиной Орловской организовал мастерскую, где они создали множество оригинальных произведений прикладного искусства в русском и японском стиле.

Он дошел до стульчика и в восторге слился в объятии с мишкой. Все радостно захлопали в ладоши. А Леонидка, счастливый, окрыленный первой победой, схватил в охапку огромного мишку, резко развернулся и, ни разу не споткнувшись, хотя туловище медведя мешало движению, устремился к маме. Его целовали, тискали, хвалили. Леонидка уже не расставался с мишкой. Весь вечер он бегал, бегал, бегал счастливый оттого, что он сам теперь мог передвигаться, куда ему хочется, не ожидая, когда у взрослых найдется лишняя минутка, мог сам взять любую игрушку, не ожидая, когда ее ему подадут. Он был теперь совсем другим.

Какое это счастье, когда ты можешь сам!

Мама, нарисуй мне солнышко

Леонидка знает, что мама умеет рисовать. Она неоднократно, стараясь успокоить плачущего младенца Леонидку, рисовала зайчика или кошечку и ставила ему в кроватку, и

малыш замолкал, разглядывая рисунок. Глаза его фотографировали, а память все фиксировала. Он много уже понимал гораздо раньше, чем научился говорить, а тем более выражать ясно свои мысли о том, что он увидел, запоминал.

Леонидка просит:

– Мама, нарисуй мне солнышко!

Мама берет прутик и рисует веселое солнышко, с глазками и улыбающимся ротиком, ласковое, как сегодняшний день. Леонидка хочет сделать сам, но у него ничего не получается. Его прутик спотыкается на поворотах, получается не круг, а корявый многоугольник. Он чуть не плачет и снова просит:

– Мама, нарисуй!

Мама успокаивает:

– Сынок, это ведь только песок, его можно разровнять и поправить линию там, где не получается круг. Попробуй, у тебя получится.

Леонидка разравнивает песок и увлеченно чертит такой неподдающийся круг.

– Ура! Получилось!

Это ничего, что лучики больше похожи на иголки ежа, торчащие как им вздумается. Это тоже можно исправить. Главное, что он уже может сам. Он понимает, что легко ничего не дается. И он прыгает возле своего первого рисунка в счастливом танце победы, как индейцы вокруг своего божественного символа.

Первая в жизни коллекция

Какой сегодня солнечный теплый день! Бегать по песку, утопая в нем ступнями маленьких босых ног, так приятно! А сколько удивительного вокруг! Морские камешки такие разные и такие красивые. А когда накатившаяся на них волна весело убегала, то камешки становились яркими и блестящими.

Леонидка радовался солнышку, теплому дню, ласковым волнам. Он смотрел в разноцветные осколки стеклышек и удивлялся, как меняется все вокруг в зависимости от того, в какое стеклышко смотришь. Если смотришь в красное стеклышко, то море вдруг охватывает пламя, становится жарко, как от костра, и песок начинает припекать. Смотришь в синее стекло – песок становится серым, как асфальт, море и небо свинцовыми, лица и тела людей землистыми, некрасивыми. Даже кажется, что по спине пробегает холодок. Зеленый цвет красивый, но вроде ни песка, ни моря нет, а кругом поле или трава, а лица людей, как у призраков. Самый красивый оранжевый цвет – все так ярко, солнечно и радостно.

Взрослые отдыхающие, выходя на берег после купания, приносили с собой морские дары. Словно яркие цветы вдруг расцветали на песке. Это были красочные морские звезды разных оттенков сиреневого, желтого и красного цвета. Щупальца их шевелились, будто лепестки на ветру. Присоски двигались, как волны, то закрываясь, то раскрываясь. На жгучем песке без воды морские звезды погибали. Леонидка взял веточку, едва успев прикоснуться, сильно испугался, потому что морская звезда обхватила щупальцами эту веточку, присосками приклеилась к ней. Ей так не хотелось умирать, хотелось жить, вернуться в море. Леонидка отнес ее к воде, вместе с веточкой, и отпустил в воду. С каждой откатывающейся волной, морскую звезду уносило все дальше в море. Ее яркие краски в толще воды тускнели, как капля краски, упавшая с кисти в стакан мутной воды. Леонидка с легкой грустью смотрел ей вслед. Взрослые сказали, что она – хищница. Она уничтожает мидии, раскрывая щупальцами створки и присосавшись к ракушке присосками. Из-за нее исчезла из залива даже корюшка, которая раньше ловилась у самого берега. Жаль! Такая красивая, а хищница. Леонидка понял: не все то хорошо, что красиво.

А вот длинная изумрудного цвета лента морской капусты ламинарии с краями в оборочку. Леонидка накидывает ее на шею маме, как ожерелье, и восклицает: «Мамочка, ты у меня ну совсем как русалочка», – и хлопает в ладошки, любуясь своим подарком. Мама улыбается и целует Леонидку. Ныряльщики приносят и дарят Леонидке морскую раковинку, советуя приложить ее к уху. И он слышит море совсем рядом – в раковине. Это так удивительно!

А как удивительны внутренние створки мидии. Какая радуга цвета, такие необычные переливы, будто бензин разлился по поверхности воды. Это перламутр. Восхитительно.

– Мамочка, а вот морская морковка! – восклицает Леонидка, протягивая выброшенный волной на берег осколок кирпича. Мама изумленно разглядывает находку сына. Действительно, трудно отличить этот кусок кирпича от настоящей моркови. Отшлифованный морской волной, камнями и песком до идеальной формы красный кирпич точно повторял даже цветовые сочетания. Утолщенная, как и у моркови, верхняя часть была чуть зеленоватого цвета, а поперечные трещинки, черточки, червоточинки и вкрапления – черными.

Находки Леонидки удивляли отдыхающих больше, чем морские звезды и ракушки. Вот уже крутят в руках и разглядывают камень, который нашел Леонидка и назвал «морским сухариком». Пористый камень был похож на половинку куска хлеба. Верхняя закругленная часть, подчерненная сверху, с коричневой прослойкой под ней, напоминала слегка подгоревшую корочку. Другой край был как край надломанного куска хлеба.

Леонидка, окрыленный поддержкой родных и отдыхающих на пляже, приносил все новые необычные находки. Нет, это не искореженный рваный кусок сплава металла – это диковинный дракон с хищной, раскрытой в оскале пастью с крыльями и извивающимся туловищем, заканчивающимся змеиным хвостом, над когтистыми лапами. Находка переходила из рук в руки. Все ахали от удивления, а Леонидка, не успев порадоваться, уже принес другую находку, которую мама хотела выбросить, так как это был огромный с дуплом зуб, возможно, лошадиный. За край дупла зацепилась крошечная морская звездочка. Так и присохла, выброшенная на берег. Она так забавно разлеглась в своем ложе, будто русалочка, загорающая на солнышке. Благодаря настояниям сына и отдыхающих мама все же решила включить и эту находку в морскую коллекцию Леонидки.

Удивительно было отметить, как этот маленький ребенок, среди тысяч камней и ракушек своим острым взглядом выделял такие предметы, на которые никто не обратил бы внимания. Он чувствовал цвет, форму, оригинально мыслил. В нем уже жил художник. И мама поняла: это надо развивать, возможно, это его будущее.

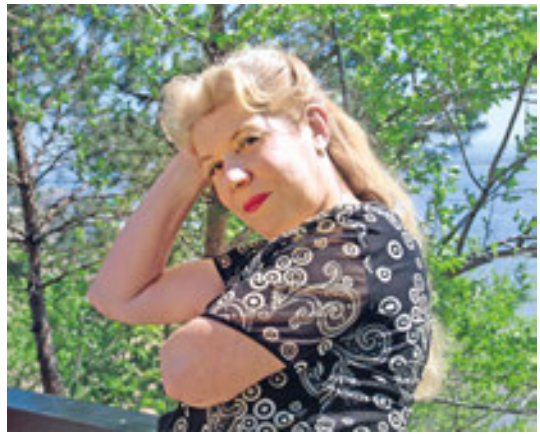
Фото из архива КНОТОК

Дом народного творчества

О главном

Праздники коллективной радости

На недавно прошедшем фестивале «Нам рано жить воспоминаниями» прозвучала когда-то известная, но в последнее время немного подзабытая песня, в которой есть такие слова: «А время, а время не убавляет ход, а время, а время идет себе, идет». И невольно подумалось, что время действительно идет с неимоверной быстротой. Совсем недавно мы подводили итоги 2012 года, а вот уже идет, «не убавляя ход», год 2013-й, снова набирает ход фестивальная жизнь.



С успехом прошел популярный фестиваль «Нам рано жить воспоминаниями», собравший рекордное количество участников – более 130, на котором впервые побывали гости из Приморского края. Подарил прекрасные встречи с музыкой Всероссийский конкурс оркестров и ансамблей народных инструментов им. Н.Н. Калинина, показавший, что в этом жанре народного творчества наметились хорошие перемены: значительно увеличилось количество детских коллективов, причем не малых форм, а полноценных оркестров. Отличительной чертой этого конкурса стало более глубокое прочтение музыкальных произведений, но главное достижение – новый подход к игре на народных инструментах. Порадовал открытый краевой конкурс чтецов, посвященный 150-летию со дня рождения К.С. Станиславского, который вполне может претендовать на титул дальневосточного, т. к. среди его участников сахалинцы, приморцы, представители Амурской и Еврейской автономной областей. И это только начало, потому что впереди еще очень много ярких, неординарных событий.

Огромным подарком к 155-летию города стал Международный фестиваль военных духовых оркестров стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Амурские волны», посвященный также и 75-летию со дня основания Хабаровского края. Военные музыканты исполнили произведения маршевой музыки, с которыми неразрывно связаны важнейшие страницы отечественной и мировой истории, прошли марш-парадом по центральной улице Хабаровска, а на главной площади краевого центра состоялись плац-парад и выступление сводного оркестра под управлением художественного руководителя фестиваля – главного военного дирижера России В.М. Халилова.

В сентябре наш край впервые примет один из этапов всероссийского конкурса «Казачий круг», который объединит лучшие казачьи коллективы Иркутского, Забайкальского и Уссурийского войсковых казачьих обществ. Незабываемым событием для всех любителей хореографического искусства должен стать и Международный фестиваль хореографического искусства стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Ритмы планеты» – уже давно одно из ярчайших явлений культурной жизни Дальнего Востока. Октябрь принесет радость встречи с искусством Мельпомены на фестивале «Дальневосточный бенефис», с этого года получившего статус всероссийского. А в ноябре впервые пройдут Дальневосточные хоровые ассамблеи, призванные организовать широкий и свободный обмен накопленным опытом, культурными ценностями, новыми приемами в обучении хоровому пению между хормейстерами, преподавателями высших и средних специальных учебных заведений культуры и искусства, композиторами, создающими произведения для хора, работающими на территории Дальневосточного федерального округа.

Народное творчество всегда являлось важнейшим условием культурного выживания любого общества. Проводя конкурсы и фестивали, мы хотим видеть в залах наших дорогих зрителей, для которых и расширяем культурное пространство. Хочется верить, что все эти события действительно станут праздниками коллективной радости и совместного творчества участников и зрителей. Без них невозможно построить общество доброжелательных сограждан, далекое от неприязни и злобы.

Варвара ДАНИЛОВА,
директор Дома народного творчества
Краевого научно-образовательного творческого
объединения культуры

Всероссийский конкурс оркестров и ансамблей народных инструментов им. Н.Н. Калинина

Участники открытого краевого конкурса чтецов, посвященного 150-летию со дня рождения К.С. Станиславского

Фестиваль «Нам рано жить воспоминаниями»

Творческая мастерская по декоративно-прикладному искусству

Территория детей Амура

Глеб МОРДОВЦЕВ

«Дети Амура» – это тематическая летняя смена для детских фольклорных, песенно-танцевальных и вокальных коллективов и еще уникальный творческий проект, который существует в Хабаровском крае уже 20 лет.

Идейный вдохновитель и главный организатор «Детей Амура» Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры за два десятилетия привлек к участию в тематических сменах более трех тысяч детей из Амурского, Аяно-Майского, Ванинского, Верхнебуреинского, Комсомольского, Нанайского, Охотского, Николаевского, Солнечного, Ульчского, Тугуро-Чумиканского, Хабаровско-

Образцовый фольклорный ансамбль «Хоста», с. Булава Ульчского района

го, Советско-Гаванского районов и других районов края. «Дети Амура» стали особой территорией, где юные дальневосточники – представители коренных малочисленных народов Севера – получают возможность узнать о культуре своих предков, понять ее глубину. А происходит это благодаря педагогам, мастерам декоративно-прикладного искусства, хореографам.

Каждая такая тематическая смена – это фестиваль детского творчества, соревнования по национальным видам спорта, дни национальной кухни, творческие мастерские, где ребята учатся работать с берестой, лозой, рыбьей кожей, постигают секреты амурского орнамента. А еще в программе встречи с интересными людьми, экскурсии в Дальневосточный художественный музей и фольклорно-этнографические экспедиции по национальным селам Хабаровского края. Словом, летние смены – пространство радости, где встречаются друзья из самых отдаленных уголков Приамурья.

Краевая творческая смена «Дети Амура: жизнь и творчество». 2012

Хабаровский край не случайно относят к особым территориям. Здесь живут представители восьми коренных малочисленных народов Севера, и каждый народ обладает своей неповторимой культурой. Организаторы проекта «Дети Амура» убеждены, что подобные тематические смены важны для сохранения самобытности северных этносов, они позволяют не прерывать нить традиций. За двадцать лет благодаря этнокультурному проекту «Дети Амура» выросло не одно поколение дальневосточников, которые знают о своих корнях. А главное, многие из тех, кто был участником этой тематической смены, со временем стали специалистами в области образования и культуры и теперь уже сами передают знания подрастающему поколению.

Фото из архива КНОТОК

Н.П. Гейкер – руководитель образцового фольклорного ансамбля «Тасима», с. Ачан Амурского района

VIII ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНКУРС БАЛЕТМЕЙСТЕРОВ-ПОСТАНОВЩИКОВ

Событие

Хореографический жанр

Татьяна Набиевна Дубоенко, Гран-при VIII Дальневосточного регионального конкурса балетмейстеров-постановщиков

Татьяна ДУБОЕНКО

Что такое конкурс балетмейстерских работ? Творческая свобода в выборе жанра и стилистики, попытка создать на сцене что-то особенное. Осенью прошлого года состоялся VIII Дальневосточный региональный конкурс балетмейстеров-постановщиков. Это стало очень важным событием, потому что в последний раз подобный форум проходил четыре года назад. А ведь для профессионалов очень важно побыть в атмосфере творческого общения, обменяться опытом, рассказать зрителю о себе и своем отношении к миру.

Театр танца «Авансцена» (Биробиджан). Балетмейстер В.Ф. Тертя, лауреат I степени

Образцовая студия современного спортивного танца «Advance» (Комсомольск-на-Амуре).
Балетмейстер Н.В. Бурцева, лауреат I степени

Народный театр современного танца «Трафик» (Хабаровск).
Балетмейстер Т.Н. Дубоенко, Гран-при конкурса

В 2012 году в конкурсной программе появилась новая номинация – «Хореографический спектакль», что очень порадовало. Постановка спектакля требует от хореографа знания основ режиссуры и сценографии, умения применять видеоинсталляции, работать с музыкальным материалом. Очень жаль, что на Дальнем Востоке этот хореографический жанр все еще новичок, а ведь он дает такой полет свободы! Прошедший конкурс показал, насколько талантливы хореографы на Дальнем Востоке. Порадовали зрителей балетмейстеры из Хабаровска, а Комсомольск-на-Амуре оказался выше всяких похвал. Зрителей покорил хореографический номер «Река-Волга» в исполнении образцового ансамбля «Цветные сны».

Конкурс такого уровня предъявляет к участникам высокие требования, учитывая оригинальность идей, подбор музыкального материала, стилистику жанра. И отрадно видеть, насколько вырос исполнительский уровень танцоров в плане техники и эмоционального накала, как много оригинальных решений в подборе музыкального материала, в деталях костюмов. Важно еще и то, что наши хореографы постоянно повышают свой уровень, выезжают за пределы региона, участвуют в конкурсах, привозят награды, что сказывается на их творческих работах.

Можно утверждать, что хореография на Дальнем Востоке уверенно развивается, а в некоторых аспектах опережает уровень ведущих коллективов страны. Конечно, в этом большая заслуга Дальневосточной ассоциации любителей хореографического искусства, которая организует и проводит постоянно действующие курсы повышения квалификации, мастер-классы с привлечением известных российских мастеров и дальневосточных педагогов, творческие встречи с коллективами, фестивали и конкурсы.

Фото из архива КНОТОК

Капризницы и щеголихи

Образ женщины в русских говорах Приамурья

Сергей Машков. Рыжая
2000. Древесина. 35 х 25 х 10
Частная коллекция

Юлия БОБРИКОВА

Отношение общества к женщине всегда было особенно пристрастным. В одну эпоху женщине поклонялись, в другую обвиняли в связи с дьяволом и сжигали на костре. В мифопоэтической традиции женщина часто рассматривается как символ нижнего мира, греховности, зла, потому что все женское изначально связывалось людьми с тайной, загадкой, тьмой.

Во многих европейских языках, в том числе и в русском, образу женщины приписываются почти исключительно отрицательные качества. Очень ярко это проявляется в русской фразеологии, особенно в пословицах и поговорках, которые создают в сознании носителей языка определенный негативный стереотип, отмечая, что женщина **зла:** *Злая жена сведет с ума; Всех злыдней злее злая жена;* **глупа***: Бабьи умы разоряют дом; Волос длинный, а ум короткий;* **имеет вздорный нрав***: Ехал бы прямо, да жена упряма; С бабой не сговоришь;* **коварна***: Жена ублажает – лихо замышляет; Жена льстит – лихое норовит;* **болтлива и лжива***: У баб только суды да ряды; Бабьего вранья и на свинье не объедешь;* **блудлива***: Муж в Тверь, а жена в дверь* и т. д. Диалектная картина мира в этом смысле не отличается от общерусской. В русских говорах Приамурья слова, называющие женщину по какому-либо негативному качеству, доминируют над словами с положительной окраской.

Человеку присуще стремление все оценивать. Оценка задана физиологической и психической природой человека, это необходимый элемент процесса человеческого познания. Говорящий постоянно рассматривает окружающий мир с точки зрения его ценностного характера (с точки зрения значимости, полезности, красоты, нравственности), делит все на хорошее и плохое, добро и зло, полезное и бесполезное, счастье и несчастье и т. д. Нарушение общепринятых норм и несоблюдение запретов вызывают осуждение окружающих и характеризуются негативной социальной оценкой, тогда как сама норма бесцветна, неинтересна, нейтральна и потому мало фиксируется в языке.

В русских говорах Приамурья (по данным «Словаря русских говоров Приамурья» и «Словарной картотеки Г.С. Новикова-Даурского») во внешнем облике женщины, прежде всего, осуждается **неаккуратность**. Потрясает богатый синонимический ряд слов и выражений, обозначающих неряшливо выглядящую женщину: ***анчутка, дзюмбурушка, лахудра (лакудра), малaнга, необиходница, неряшиха (неряшка), рентиха, понява, утумалка, шумануха, охлепёста (расхлепёста), халява***. Осуждается и несоответствие установленному стандарту внешности: чрезмерная полнота ***(ладвина)*** и неестественная худоба в сочетании с нетипично высоким для женщины ростом (***быдла***).

Не приветствуются и вредные привычки. Это отражается в наименовании старой курящей женщины – ***минза-ганза***. «***Минза-ганзой*** называли старуху, которая много курила» (Алб. Скв.). Интересно, что ***минза-ганза*** – это прозвище, кличка, в «Словаре русских говоров» Приамурья дается с пометой «грубое». Можно предположить, что для переселенцев не было характерно курение среди женщин, тогда как среди местных народов это явление было распространено. Видимо, особенно нетипичной для русских женщин являлась картина курящей старухи. Поэтому образное наименование ***минза-ганза*** отражает негативное отношение к курящей трубку пожилой женщине.

В **поведении** женщины более всего осуждается **распутность**, что также соответствует традиции, поскольку

женщина в христианстве трактуется как создание, предназначенное для мужчины. Общество, принимая исключительно мужскую сторону, защищает интересы его собственности, не позволяя женщине вести себя вольно в отношениях с противоположным полом. В русских говорах Приамурья женщину, которая ведет себя ветрено в отношениях с мужчинами, «награждают» предельно экспрессивными наименованиями. Почти все эти лексемы в «Словаре русских говоров Приамурья» имеют помету «бранное»: ***жалмерка, людная девка, побегушка*** (во 2-м знач.), ***распустиха*** (в 3-м значении), ***самокрутка*** (во 2-м знач.), ***курва, халда, саландайка, балахрыска, ветренка, ветрогон, хлестучка (хлестушка), шалашовка, наземница.*** Такое разнообразие в наименованиях ветреной женщины показывает нам, что данное негативное качество наряду с женской неаккуратностью осуждается носителями говора наиболее строго по сравнению с ее другими недостатками. Кроме того, в поведении женщины носителями амурских говоров осуждается:

1) **инфантильность**: ***капризница*** (неодобр.) – та, которая ведет себя капризно, склонна к капризам. *А с этой капризницей и говорить нечего. Надует губы, глаза уведет под лоб (Биб. Благ.);*

2) **Любое нескромное поведение**: ***прищеголье*** (неодобр.) – о женщине, любящей носить украшения. *Прищеголье – форсит, значит, она украшения носит, бусы в четыре. О, это прищеголье-то! (Пашк. Облуч.)*; ***нахальница*** (неодобр.) – беззастенчивая, бесцеремонная женщина. *Гони ее, эту нахальницу, пришла, бесстыжая (Алб. Скв.)*; ***страмовка*** (неодобр.) – бесстыдница. *Ить ты, страмовка какая, халат одень-то! (Черн. Магд.)*; в том числе, **осуждается брачная инициатива женщины**: ***навяльная невеста*** – *когда предложение о браке исходит со стороны ее, а не жениха (Нов.-Даур.);*

3) **сквернословие**: ***матюжница*** (неодобр.) – любительница сквернословить. *Матюжница эта Ульяна, как выворотит чё, хошь уши затыкай (Бус. Своб.)*; ***худославница*** *ж. р. от худославник – говорящий о других дурное, распространяющий грязные, дурные слухи о другом человеке (Нов.-Даур.)*;

4) **лень**: ***легостойка*** – ж.р. от *легостой* – бездельник, лентяй, лодырь *(Нов.-Даур.)*; ***лодырка*** – лентяйка. *Русские женщины, лодырки, замуж за китайцев бегали. Работать не хотят и бегут замуж (Алб. Скв.)*; ***плёшница*** (неодобр.) – ленивая женщина. *Как возьмет плёшница лентяйку, так и плёшничат (Ам. Окт.). Рассержусь – говорю: вот плёшница, ничё не делат (Рад. Облуч.). (Облуч. Окт.);* ***тонь-баба*** – здоровая, но ленивая и неповоротливая, нерасторопная женщина. *А мы ее тонь-бабой звали, потому что неповоротливая и ленивая была (Н.-Вскр. Шим.)*;

5) **болтливость**: ***плёха*** – сплетница; ***язычница*** – сплетница. *Язычница бегат, где чё услыхала – передает из дома в дом (Алб. Скв.). Сестренке охота одной дать конфет, а котора язычница – той не хочу (Черн. Магд.). Ты, девка, с ней не разговаривай, она язычница (Благовещ., Благ., Магд., Скв.);* ***распустиха*** (неодобр.) (во 2-м знач.) – болтливая женщина. *Кака распустиха: больно болтам много! (Джл. Скв.);*

6) **вздорность**: ***стыруча*** – сварливая, вздорная, склочница; ***вредница*** – вредная женщина. *У него жена вредница была (Благовещ.)*; ***калда*** – прозвище крикливой женщины. *Как калда раскричится посредь улицы, так шуму не оберёшься (Алб. Скв.)*;

7) **отсутствие глубокомыслия**: ***вендерка*** – пустая, глупая, ветреная (о женщинах) (Нов.-Даур.).

Такая тенденция вполне закономерна. Как отмечает В.В. Шангина, в среде русских крестьян к явным лентяйкам всегда относились неодобрительно, над ленивыми и нерасторопными девушками смеялись: «Ой, Окуля, Окуля, еще замуж ладится». А девушку, которая «гнала бухтину» на подруг, то есть клеветала, сплетничала или ябедничала, привязывали к изгороди, окружавшей деревню, где она находилась до тех пор, пока ее не забирали родственники. Тот факт, что к женщине общество всегда было особенно пристрастно, отражен и в мифологических традициях, в большинстве из которых с «мужским» отождествляется Добро, Жизнь, Людское, а с «женским» – Зло, Опасность, Смерть, Нежить. Вспомним также религиозную традицию: в большинстве религий мира мужчина является не только «господином жены своей», но и ее учителем, духовным наставником, своеобразным посредником между Богом и женщиной. Поэтому неудивительно, что к мужчине в социуме проявляется отношение более лояльное, чем к женщине.

Исследователи лексической системы языка не раз отмечали преимущество отрицательной оценочности в наименованиях лица вообще (Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко и др.). Возможно, это объясняется тем, что в народном сознании положительные качества человека воспринимаются как норма и редко фиксируются в языке. О «сдвинутости» нормы в системе оценки в сторону «плюс» от нейтральной точки писала Е.М. Вольф: «В социальной картине мира оценка «хорошо» может совпадать с нормой или быть близкой к ней». В каждом обществе имеют место определенные взгляды, нормы, правила поведения людей, их отношений с окружающей действительностью и другими людьми<...>.

С традиционной точки зрения, в норме женщина должна аккуратно выглядеть, вести себя скромно, быть немногословной, не иметь вредных привычек, обладать добрым нравом, покладистым характером, быть хорошей хозяйкой и матерью, сохранять невинность до брака и хранить верность мужу в браке. В русских говорах Приамурья наименования женщины, отражающие положительную оценку, представлены очень бедно и отражают скорее норму, чем отклонения от нее. Так, во внешнем облике и поведении женщины, прежде всего, отмечается **аккуратность** как необходимая для женщины положительная черта. Это качество представлено словом ***обиходница*** (одобр.) – о женщине аккуратной, любящей наводить чистоту. *Вот уж Тамара наша обиходница, у ее все блестит (Серг. Благ.)*, а также его лексическим вариантом в нескольких словообразовательных вариантах: ***чистоплотка*** (*Котора любит чистоту, чистоплотка, обиходница (Серг. Благ.)*; ***чистотка:*** *Зайдешь на крыльцо – сразу видно, где чистотка, а где неряха (Алб. Скв.); Я такой чистоткой была – полы мыла каждый день (Поярк. Мих.);* ***чистулька:*** *К чистульке-то не под-*

Абрам Архипов. Девушка с кувшином. 1927. Холст, масло

копаешься: у нее всегда чисто (Пуз. Окт.); ***чистушка:*** *Она такая укуратная, такая чист**у**шка была! (Голов. Бир.).*

К положительным чертам характера женщины относят ее **веселый нрав**, что представлено двумя синонимичными лексемами: ***весел**у**ха*** (во 2-м знач.) – жизнерадостная, веселая девушка, женщина. *Ране я была т**о**лстенька, весел**у**ха (Благовещ.). Яко ты весела, весел**у**ха (Лен. Арх., Благ.);* ***игр**у**ха*** (в 1-м знач.) – любящая шутки, игры веселая девушка. *Меня игр**у**хой в их доме звали: любила посмеяться (Февр. Селемдж.).*

Интересно, что как хорошее качество отмечается умение женщины **ответить в словесном споре**, про таких говорят «за словом в карман не полезет». Данное качество представлено в двух лексических вариантах: ***говор**у**ха*** – любительница поговорить; говорунья. *У, там такая баба – говор**у**ха! (Кн-ка Кнст., Хаб., Бик.);* ***чечётка*** – то же, что и ***говор**у**ха***. *Внучка тоже такая чечётка, говор**у**ха, в карман за словом не полезет (Лерм. Бик.).*

Положительно оценивается трудолюбие женщины: *ст**а**тная раб**о**тница* (одобр.) – работящая женщина, мастерица на все руки. *Была в ст**а**ти: хоть стог кладу, хоть лит**о**вкой кошу, ст**а**тная работница, ну, сез**о**нная (Поярк. Мих.).*

Итак, мы видим, что наименования женщины по ее положительным (с точки зрения общепринятой нормы) качествам оказываются в меньшинстве. Такая тенденция объясняется особенностью восприятия человека вообще: не вызывает интереса, не привлекает к себе внимание то, что не выходит за пределы обыденных представлений. Зато отклонение от обыденности, особенно в отрицательную сторону, люди сразу подмечают, осуждают, а значит, это отражается в языке. Отсутствие в приамурских говорах слов и выражений о скромной, воспитанной, нелегкомысленной и хозяйственной женщине говорит о том, что эти характеристики являются нормой, поэтому добродетельная представительница слабого пола внимания не привлекает.

ИСТОЧНИКИ

Бляхер Е.Д. Мировое древо и мифологическая картина мира. Три лекции по спецкурсу «Мифология народов Приамурья и общая теория мифосимвола» //История и культура Приамурья: научно-практический журнал – № 1, 2007 – с.159–175. – С. 160.

Буренкова С.В. Идеографическое поле «Нарушение житейских норм» (на материале немецкого языка): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04. – М., 2003. – 305 с. – С. 5.

Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенсиональности. М, 1988. – С. 120.

Кирилина А.В. Категория gender в языкознании //Женщина в российском обществе, Москва, 1997, № 2.– С. 15–20.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996. – С. 147.

Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского / Подготовила к печати: Л.В. Кирпикова, В.В. Пирко, И.А. Стринадко; Вступит. ст. и ред. Л.В. Кирпикова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 199 с.

Словарь русских говоров Приамурья /авт.- сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007 – 544 с.

Шангина И.И. Русские девушки – Спб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – 352 с. – С. 86.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Нов.-Даур. – примеры взяты из «Словарной картотеки Г.С. Новикова-Даурского», в которой автор не везде приводит употребление слова в контексте.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Алб. Скв. – с. Албазино Сковородинского р-на Амурской области.

Ам. Окт. – с. Амурзет Октябрьского р-на Хабаровского края.

Арх. – Архаринский район Амурской области.

Биб. Благ. – с. Бибиково Благовещенского р-на Амурской области.

Бик. – Бикинский район.

Благовещ. – г. Благовещенск Амурской области.

Благ. – Благовещенский район Амурской области.

Бус. Своб. – с. Буссе Свободненского р-на Амурской области.

Голов. Бир. – с. Головино Биробиджанского р-на Хабаровского края.

Джл. Скв. – с. Джалинда Сковородинского р-на Амурской области.

Кн-ка Кнст. – с. Константиновка Константиновского р-на Амурской области.

Лен. Арх. – с. Ленинское Архаринского р-на Амурской области.

Лерм. Бик. – с. Лермонтовка Бикинского р-на Хабаровского края.

Магд. – Магдагачинский р-н Амурской области.

Н.-Вскр. Шим. – с. Ново-Воскресеновка Шимановского р-на Амурской области.

Облуч. – Облученский район Хабаровского края.

Окт. – Октябрьский район Хабаровского края.

Пашк. Облуч. – с. Пашково Облученского р-на Хабаровского края.

Поярк. Мих. – с. Поярково Михайловского р-на Амурской области.

Пуз. Окт. – с. Пузино Октябрьского р-на Хабаровского края.

Рад. Облуч. – с. Радде Облученского р-на Хабаровского края.

Серг. Благ. – с. Сергеевка Благовещенского р-на Амурской области.

Скв. – Сковородинский р-н Амурской области

Хаб. – Хабаровский район.

Февр. Селемдж. – п. Февральск Селемджинского р-на Амурской области.

Черн. Магд. – с. Черняево Магдагачинского р-на Амурской области.

Кукла Толстушка-Костромушка

В былые времена, уже достаточно давние, жизнь славян состояла из множества обрядов, и участниками этих мистерий становились куклы. И вообще они были надежными защитниками человека от самого рождения и на протяжении всего пути, служили ему верой и правдой в различных жизненных ситуациях. Именно поэтому искусство изготовления кукол-оберегов не назовешь ремеслом. Это было сакральное действо: из лоскутков, ниток, лыка, соломы и других нехитрых материалов рождалась куколка. Одна – для защиты дома и приумножения достатка, другая – подарок к свадьбе, третья – талисман для путешественника…

Традиции

Кукла-краса – девичья коса

Елена ГЛЕБОВА
Фото Глеба МОРДОВЦЕВА

Кукла Зернушка

Кукол в основном делали женщины – хранительницы домашнего очага и родовых традиций. И неукоснительно соблюдали целый ряд важных правил. Считалось, что браться за изготовление этих обережных символов можно лишь в «правильное» время. Неподходящими считались праздничные, выходные дни, а также среда и пятница. Исключалось использование ножниц и иголок: ткань рвали руками (это было несложно, т. к. брали лоскуты ношеной одежды, и кукол иногда так и называли – рванки), из нее же выдергивали ниточки. Куколок сворачивали и скручивали, отдельные детали приматывали друг к другу с помощью ниток. При этом негромко напевали, приговаривали, думали о том, кому предназначен оберег. Словом, вкладывали в него всю свою любовь и заботу. В некоторых источниках можно прочитать о том, что прежде обрядово-обережных кукол делали в один присест, не откладывая начатое на завтра. Связывают это со старинной приметой: то, к чему возвращаются во второй раз, полностью перечеркивает сделанное первоначально. Кукла-оберег безлика, и это

еще один важный момент. Глаз ей не делали, перекрывая таким образом вход всему негативному. Некоторых кукол после совершения обрядов (семейно-бытовых, календарных) сжигали или пускали по воде.

В основном обережные куклы имели женский облик. Мужских ипостасей было совсем немного, и они в основном покровительствовали ремеслам. Например, близнецы Козьма и Демьян. Их держали в мастерских в качестве помощников. В доме же царили куклы-«женщины». Напротив входной двери, где-нибудь на полочке, ставили *Берегиню* – хозяйку дома. Кукла была дородной, облаченной в полный женский костюм, включая платок, льняную рубаху, понёву, фартук и пояс. В руках Берегини узелок с обрезками ткани – символ того, что все в руках этой хозяйки. А если кто-то из семьи отправлялся в дальнее путешествие, он обязательно брал с собой оберегающую частичку родного дома – *Подорожницу*. В отличие от той же Берегини эту крошечную куколку не наряжали в яркий наряд. В дорогу ведь, по традиции, не надевают дорогие вещи. В руках Подорожница держит узелок, в который мастерица положила обрезки ткани и обязательно немного крупы – чтобы путник в дороге не голодал.

За достаток отвечала и куколка *Зернушка* (варианты *Зерновка, Крупеничка, Горошинка*). Кукла появлялась на свет после сбора урожая: шили мешочек и наполняли его зерном (это была первая горсть обмолота). Приходила весна, начинался новый посевной год, куклу развязывали и бросали хранившееся в ней зерно в землю. Для наших предков этот обряд символизировал непрерывность жизни. Страда – время напряженное, поэтому из первой скошенной травы скручивали помощников – *кукол-крестушек*. Из соломы, лыка и льна делали куклу *Стригушку,* символизировавшую богатый урожай.

Среди других домашних оберегов кукла *Кубышка* или *Благополучница (Денежница)*. В основание этой маленькой куколки клали денежку и чаще всего дарили на Рождество, чтобы она притягивала в дом богатство. Есть еще кукла *Денежница*: к ее ручке крепили мешочек с монеткой. *Богач* – ее мужской вариант, только денежка зашивалась вовнутрь этой куклы. Не меньшим богатством считалось здоровье. Если к кому-то из домочадцев привязалась хворь, мастерили куклу *Здоровье* (или *На здоровье*). Особенность ее в том, что делалась она только из льняной ткани и обязательно с молитвой. Когда болезнь уходила (считалось, что кукла взяла ее на себя), оберег сжигали или отпускали в реку. А за здоровье самого дома и его очищение от всего негативного отвечала кукла *Метлушка*. По виду это небольшой веничек, обряженный в женский костюм.

Кукла Красота

Куклу *Капустку* назвали так, видимо, потому, что ее юбка выполнена в форме неровных лоскутков, которые рвались из ткани. Отсюда еще одно имя – *Рванка*. В некоторых российских губерниях девушка мастерила такую куклу, когда собиралась выйти замуж.

Кукла Женское (Ржевское) счастье

Кукла Десятиручка

Кукла Метлушка

Кукла Подорожница

Она ставила ее на окно, и это служило опознавательным знаком для парней и сватов. А вот у вепсов, которые живут на Волге, для этого оберега другое название – *Кормилка* (еще ее называют *Вепсская кукла*). Ее делала женщина, ожидающая ребенка, и у этой куклы большая грудь как символ материнства. В Сибири такой оберег называли *Рожаницей*. Пока малыш не родился, мать укладывала в колыбельку эту куколку и она словно бы согревала и охраняла ее. Появлялся на свет малыш, и *Кормилку-Рожаницу* подвешивали над изголовьем детской кроватки как оберег от плохого глаза.

Серьезную роль в судьбе женщины отводили кукле *Женское счастье* (или *Ржевское счастье* – по названию местности, где она впервые была обнаружена). Это кукла-девушка с одной косой, которая ждет своего счастья. У нее в отличие от многих других имеются ножки, да еще и обутые в лапоточки. Но опорой Женскому счастью служит большая коса – символ женской сути. Считалось, что чем она толще и длинней, тем большее счастье ожидает молодуху. В более позднее время у этой куколки появился спутник – *Куклак на счастье*. Технология его изготовления та же, только наряжали его в мужскую рубаху и волосы, на которые он опирался, в косу не заплетали.

На свадьбу девушке дарили особые куклы. Во-первых, *Зольную* – то есть сделанную из золы. Считается, что этот вариант обережной куклы самый древний. Она символизировала продолжение рода, считалась вместилищем духа предков и хранительницей дома. Возможно потому, что голова куклы-зольницы делалась из древесной золы, взятой из очага. Ее смешивали с водой и скатывали в твердый шарик. Оборачивали головку куклы тряпочкой и перевязывали ниткой. Из оставшейся ткани делали тело – набивали его отходами, которые оставались при обработке льна или конопли, надевали простое платье. Уходя в дом будущего мужа, девушка брала с собой эту куколку, чтобы таким образом захватить с собой силу родового огня. А помощницей в семейных хлопотах для нее становилась *Десятиручка* (*Многоручка*) – соломенная кукла с десятью ручками и девятью красными бантиками по подолу платья и девичьим головным убором. На каждую ручку загадывалось какое-то конкретное домашнее дело, а одна оставалась свободной, чтобы всегда быть на подхвате.

Магические свойства приписывали *Толстушке-Костромушке*. К ее помощи прибегали в том случае, если молодая женщина в течение первого года семейной жизни не беременела. Эту куколку делала старшая

в семье женщина, придавая ей не совсем обычный вид. Толстушка-Костромушка напоминала девочку-подростка с пухлыми щечками. Тело шили из мешочка, набитого очесами льна, причем отверстие в основании не зашивали (его называли куночкой), из него выглядывали ворсинки льна. Это место должно быть свободным, чтобы душа ребенка могла свободно войти. Платьице на куклу надевали короткое, заплетали длинную косичку – этой «удочкой» Толстушке-Костромушке предстояло поймать душу младенца. Оберег усаживали в спальне молодых на самое видное место, и приходящие гости видели, что здесь ждут прибавления. Когда цель достигалась, куклу либо убирали с глаз, либо дарили, поскольку этот оберег реально «работал».

Рождение ребенка связано с *Куваткой (Кувадкой)*. Несложных в изготовлении кукол будущая мать делала недели за две до родов и вешала в избе, чтобы отвлечь внимание нечистых сил от младенца. Куватка была связана с обрядом кувада – очищением роженицы: ее отправляли рожать в баню, а куваток развешивали над дверью, чтобы окончательно сбить с толку злых духов. Название этого оберега связывают и со словом «куваканье» – плач ребенка. Чтобы малыш чувствовал себя спокойно, куколок-куваток клали ему в колыбельку: они выполняли не только охранительную функцию, но и служили первыми игрушками. Спокойный сон обеспечивала сделанная из узелков кукла *Сонница-Бессонница*, а когда ребенок подрастал, и матери нужно было отлучаться по делам, она скручивала из тряпочек *Зайчика* и надевала на пальчик своему дитятке. Другой нехитрой игрушкой была *Кукла на ложке*, а вот кукла *Каша* становилась первой ступенькой к освоению домашних дел. Чтобы научить подрастающую дочку варить кашу, мама шила льняной мешочек, наполняла его крупой, перевязывала в двух местах ниточкой, пришивала ручки и ножки. Кукла делалась на высоту чугунка, в котором варили кашу, и служила инструкцией для маленькой хозяюшки – сколько насыпать крупы, сколько налить воды: «По пояс крупички, по грудку водички – по бородку каши будет». Изначально кукла Каша шилась без одежды, но когда девочка осваивала кулинарные премудрости, она получало право одеть свою помощницу.

Для игры у девочек была кукла *Столбушка*, которая делалась из скрученной в столбик ткани. Куклу наряжали по своему вкусу и умению, и по ее внешнему виду судили о мастерстве будущей хозяйки. Готовясь к свадьбе, девушка мастерила особую куклу – *Красоту* –

Кукла Крестушка

символ того, что в этом доме живет будущая умелая хозяюшка. И вновь раскручивалось колесо жизни – свадьба, ожидание ребенка и его рождение, тепло и свет домашнего очага.

Известно великое множество видов народных славянских кукол. Сегодня их всерьез изучают, посвящая научные исследования. Для кого-то они стали профессиональным направлением в творчестве, как это произошло у хабаровчанки Татьяны Селезневой. В любом случае, обережные куклы, сохраняя свои главные черты, соединяют нас с исконными традициями, а значит, делают нашу жизнь более устойчивой.

Куклы изготовлены Татьяной Селезневой

Кукла Берегиня

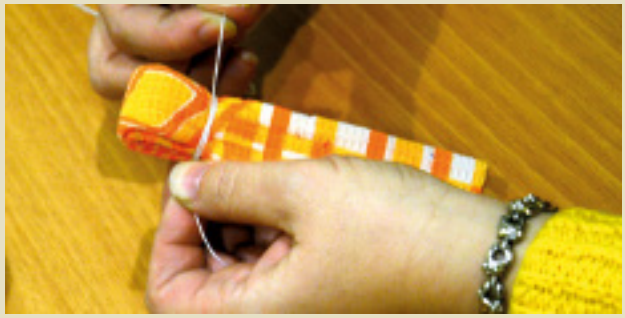
Кукла Куватка

Мастер-класс Татьяны Селезневой – мастера по изготовлению традиционных обережных кукол

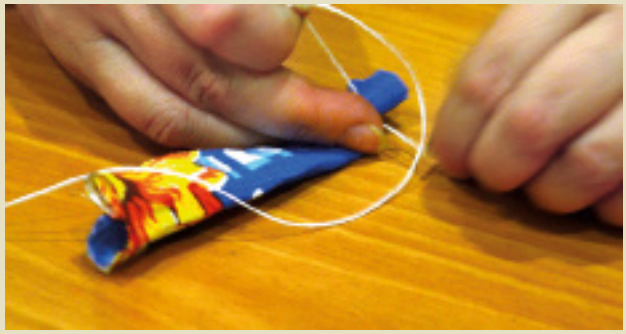
1. Кукла Куватка очень проста в изготовлении. Для нее требуются два кусочка ткани в форме прямоугольника и квадрата произвольных размеров и нитки красного или белого цвета. Чем ярче лоскутки, тем красивее получится обережная куколка.

2. Переворачиваем прямоугольник лицевой стороной вниз и скатываем по длинному краю с двух сторон к середине. В итоге получаем аккуратный столбик – это туловище куклы.

3. Перегибаем столбик пополам, отмеряем расстояние для головки куклы и фиксируем нитками, делая несколько оборотов. Закрепляем, завязав нитку на два узелка.

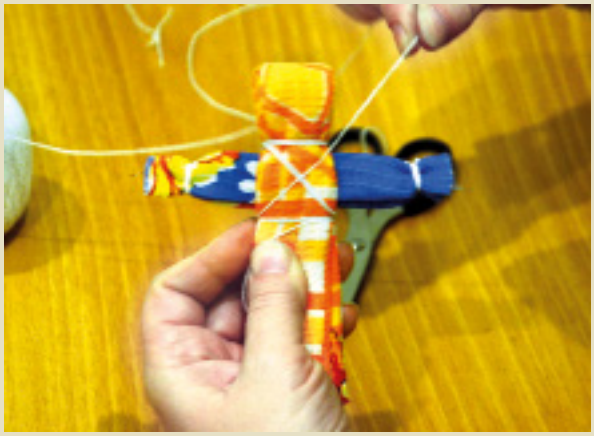


4. Делаем ручки. Для этого сворачиваем квадрат ткани точно так же, как мы это делали с туловищем куклы: от краев к середине. Края скатки фиксируем нитками и закрепляем, завязав на два узелка.



5. Вкладываем ручки в заготовку туловища куклы и фиксируем нитками. Одновременно выполняем обережный крест. Это важная деталь куклы-куватки.

6. Оставляем свободным хвостик нитки и делаем несколько оборотов по талии куклы. Затем ведем нить несколько раз по диагонали, делаем полоборота по талии и переводим нить на вторую диагональ. Накладываем несколько оборотов, возвра-



щаемся на талию, обмотав куклу еще несколько раз, и уводим нить назад. Обрезаем, подхватываем второй хвостик нитки и фиксируем крепкими узелками.

7. В отверстие головки куклы Куватки можно продеть нитку и подвесить над детской кроваткой. А можно сделать их целую гирлянду.

БОБРИКОВА
Юлия Викторовна –
преподаватель кафедры русского языка ДВГУ, педагог-психолог

БЫКОВА
Евгения Витальевна,
искусствовед, член Союза художников России

ДУБИНИНА
Нина Ивановна –
доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории ДВГУ

ЕФРЕМОВ
Дмитрий Федорович –
ученый-лесовод, автор художественного альбома «Лес и люди. История познания»

ЖАБИНА
Нелли Яковлевна –
преподаватель философии, автор двух книг по проблемам истории философии, краевед-исследователь

КАТЕРИНИЧ
Валентина Николаевна –
кандидат филологических наук, преподаватель латинского языка, литературный краевед

КИРПИЧЕНКО
Татьяна Васильевна –
старший научный сотрудник отдела краеведческой литературы ДВНГБ, председатель клуба «Краевед»

КРИВЧЕНКО
Любовь Анатольевна –
главный специалист отдела использования и публикаций Государственного архива Хабаровского края

МОСКАЛЕНКО
Арсений Гениевич –
психотерапевт и супервизор, руководитель регионального отделения Российской психотерапевтической ассоциации. Заведовал отделами прозы и поэзии журнала «Дальний Восток»

НИКИФОРОВА
Ирина Викторовна –
заслуженная артистка России (г. Новосибирск)

ПОЗИНА
Наталья Сергеевна –
заведующая сектором истории, культуры и искусства Краевого музея имени Н.И. Гродекова

ПОЛНИКОВА
Ирина Георгиевна –
обозреватель газеты «Молодой дальневосточник»

ПРИВАЛОВА
Ольга Юрьевна –
искусствовед, член Союза художников России, директор галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

ПРИХОДЬКО
Виктория Константиновна –
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ДВГГУ

ТОКАРСКИЙ
Валерий Николаевич – фотограф, краевед

САЛЕЕВА
Лариса Владимировна –
начальник отдела использования и публикации Государственного архива Хабаровского края

ЦВЕТНИКОВА
Марина Яковлевна –
композитор, музыкант

ШИШКИНА
Виктория Авенировна –
доктор педагогических наук, профессор кафедры дизайна ДВГГУ, член Союза художников России, искусствовед

Журнал «Словесница Искусств»:
подписка на 2-е полугодие 2013 года.

Подписной индекс – **14 396** (каталог МАП).

Подписку можно оформить в любом отделении
Почты России по Хабаровскому краю.

Тема следующего номера –
«Путешественник – перелетная птица»

Фото Евгения СПИРИНА

ИВЛЕВА Надежда Семеновна

Скульптор. Член Союза художников СССР с 1965 года.

Надежда Семеновна Ивлева родилась в деревне Петровка Орловской области в 1932 году, а спустя год семья переехала в Ленинград. В 1955-м окончила Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухиной (мастерская профессора В. Ингала) и в этом же году приехала по распределению в Комсомольск-на-Амуре. С этим дальневосточным городом она связала всю свою жизнь.

Среди первых работ, выполненных скульптором на Дальнем Востоке, «Муза Константинова», «Портрет В.Л. Пендрие», «Мальчик с гусем», «Девочка-юннатка», «Скрипачка» и другие, но они, к сожалению, не сохранились. Первым серьезным скульптурным портретом работы Надежды Ивлевой стал бюст В.Л. Пендрие – заслуженного врача РСФСР, знаковой для Комсомольска-на-Амуре личности (1956). Как отмечают искусствоведы, обращаясь к портрету, Н.С. Ивлева показывает себя тонким психологом, проникая в сущность характера человека, подчеркивая черты, присущие только ему. Привлекала Надежду Ивлеву и тема коренных народов Амура. Среди работ этого направления – «Старушка из Кондона», «Колыбельная». Скульптура «Колыбельная» демонстрировалась в 1959 году на краевой выставке в Хабаровске, а затем на первой выставке «Советская Россия» в Москве.

Немало творческих штрихов внесено Надеждой Семеновной Ивлевой в портрет Комсомольска-на-Амуре. В 1968 году она работала над созданием мемориала к 25-летию победы в Великой Отечественной войне. Его торжественное открытие состоялось 9 мая 1972 года. Это самое крупное произведение скульптора. В 2005 году в сквере у кинотеатра «Факел» установлен памятник Алексею Маресьеву – легендарному летчику и первостроителю города юности.

Весна 1941 года.
Гипс

Фабричная девчонка.
Дерево

Мемориальная доска Л.В. Пендрие